

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЫЦИНА

С. В. Смирнов

ОТРЯД АСАНО

Русские воинские формирования
в Маньчжоу-го

1938–1945

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2012

ББК ТЗ(2)622-27
С 506

Рецензенты:

кафедра всеобщей истории
Уральского государственного педагогического университета
(заведующий кафедрой доктор исторических наук,
профессор В. Н. Земцов);

О. В. Горбачев, доктор исторических наук, профессор
(Уральский государственный педагогический университет)

Смирнов, С. В.

С 506 Отряд Асано : русские воинские формирования в Маньчжоу-го,
1938–1945 / С. В. Смирнов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та,
2012. — 156 с., ил.

ISBN 978-5-7996-0718-0

Монография посвящена одной из малоизученных страниц в истории российской эмиграции в Китае — деятельности русских воинских формирований в «независимом» государстве Маньчжоу-го. Опираясь на новые документальные материалы, автор детально описывает историю существования русских воинских отрядов на протяжении 1938–1945 гг.

Книга рассчитана на специалистов и тех, кто интересуется историей российской эмиграции и историей Китая первой половины XX в.

ББК ТЗ(2)622-27

ISBN 978-5-7996-0718-0

© Уральский федеральный университет, 2012
© Смирнов С. В., 2012

Судьба асановца

Вместо предисловия

В августе 1945 г. на Дальнем Востоке отгремели последние залпы Второй мировой войны. После разгрома японской Квантунской армии советскими войсками Маньчжурия, еще недавно являвшаяся независимым государством Маньчжоу-го, оказалась в руках Советского Союза. Одной из первых жертв советского оккупационного режима в Маньчжурии стали русские эмигранты, часть которых оказались в Китае еще на рубеже XIX–XX вв., другие были вынуждены перебраться сюда в период революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Многочисленные отделения Смерша работали в разных уголках Северо-Восточного Китая, проводя аресты эмигрантов — нередко по заранее составленным спискам, результатам агентурной работы предшествующих лет. Аресту подлежали представители эмигрантской администрации, служащие полиции, члены политических партий и организаций, сотрудники японских учреждений и многие другие. Важным объектом репрессий для советской контрразведки стали бывшие русские военнослужащие армии Маньчжоу-го.

«Они не спросили имя — офицер и четыре солдата. Они меня просто “взяли”, повинуюсь невидимым нитям. Парни из Смерша знали, что японским шпионам — смерть. Семьдесят русских шпионов словили отважные парни. Их за это похвалит усатый “кремлевский старик”», — так вспоминал об этом спустя пятьдесят пять лет Олег Вадимович Баранов¹.

В 1945 г. ему было только двадцать лет. Олег происходил из хорошей харбинской семьи, отец его был офицером и дворянином, мать принадлежала к семейству первых строителей

Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Отличник во всем и всегда, в учебе, спорте, самодеятельности, военной подготовке, Баранов вместо Токийского университета, куда уже сдал экзамены, мечтая о карьере врача, попал в январе 1944-го в Сунгарийский русский воинский отряд Маньчжурской армии, бывший отряд Асано. Будучи молодым человеком, хорошо известным в Харбине, он не мог быть просто призван в армию, а непременно должен был пойти на не очень популярную в эмигрантских кругах военную службу добровольцем, о чем вскоре после его отбытия в воинскую часть и сообщили официальные харбинские газеты, поместив портрет Олега на первых полосах с заголовком «Доброволец О. Баранов». В армии Баранов тоже был отличником, дослужившись за полтора года до звания старшего унтер-офицера, помощника командира взвода.

Как и большая часть русской эмигрантской молодежи, Баранов, по его собственным словам, «с каким-то щенячьим восторгом» ожидал прихода Красной армии в августе 1945-го. Вместе с другими резервистами принимал активное участие в охране важных объектов Харбина, отражая нападения японских «смертников», за что удостоился благодарности от советского командования.

А потом был арест, парализующий волю своей нелепостью, циничностью и полной беспомощностью чем-либо доказать свою невиновность. «И никто из нас, удивительно, не пытался сбежать, спрыгнуть с поезда на ближайшей же остановке. Ведь мы знали китайский язык».

Первое знакомство с советскими органами и советской действительностью было похоже на ночной кошмар, затянувшийся на десять лет.

«Подполковник с фамилией Дубега был на редкость интеллигентным. Приготовил японским агентам конуру высотой в метр двадцать. Похлебку, воду, солому. Вход только на четвереньках, чтобы мы не посмели зазнаться.

Жгла холодная стылая осень. Замерзали в жилище мы круто. Каждый из нас мог поклясться, что он ни в чем не повинен...

Только через несколько суток стали вызывать на допросы и любезно интересоваться, как зовут и что делал в Харбине.

Примерно через неделю погрузили нас в “студебеккер”. Голод и жажда мучили вконец ослабевших ребят. “По нужде” останавливались редко. Что, сволочи, придумали! И многие, не дождавшись, “делали” под себя. Почему-то думал о маме, когда мои ноги немели. А когда тормозила машина, сойти с нее не было сил. Мы катились с нее “колобками”. Когда оживет наше тело? Ждали. И дождь равнодушный, ноябрьский, с небес моросит.

Поместили нас в бывшую школу, обнесли поспешно “колючкой”. Поставили в классах параша. Живите, рабы — не вы!

Спали как сельди в бочке, забыли, когда и мылись. Зато раздевали нас догола и вшей... травили, травили. Кричали на нас: “Отродье! Ублюдки, шпионы, суки!”

Однако мы были люди, не сломленные, нет! И я рассказывал дотемна романы Дюма и Купера. Однажды читал Шекспира всю ночь — за сонетом сонет.

Приходили с допросов избитые, униженные, измученные. Следователи знали в битье и издевках толк. Ах, маньчжурская армия? Ах ты, японский выродок! Значит, не против Союза? Будешь мотать у нас срок!

И вот наконец случилось, открылась дверь школьного класса. Назвали десяток фамилий, в том числе и мою.

Кто-то спросил наивно, а вещи брать свои надо?

Пьяный голос ответил: “Мертвым они ни к чему”.

Нас посадили в машину и повезли за город.

Ров глубиною в два метра ждал нас, раззявив рот.

Заставили прыгнуть. Прыгнули. Декабрьская стужа да звезды.

Слышали офицера. Он пьяно и черно выкрикнул: “На рассвете — капут!”

А утром благодетели нас привезли обратно. Что пережито за ночь — не надо вам объяснять. И вскоре мы подписали все до одной бумаги. Никто не хотел в эту яму проклятую попадать.

Утром сели в вагоны, шедшие в глубь России.

Конец сорок пятого года — голод, мороз, чернота: правда, стояли печки в самом центре вагона. Они не топились. Зачем переводить на врагов дрова?

В вагоны бросали рыбу, соленую, по штуке. И по буханке хлеба бросали, мол, ешьте, мразь! Воды не давали, мы слизывали иней — замерзшее наше дыханье — в очередь становясь.

Меня спасала молодость, а старые, слабые — гибли. Мы складывали их под нары. Прости, ты, Господи, нас! Холод хранил их долго, а мы, чтобы выжить, делили, ели их хлеб, слезами давясь.

А вот и земля ГУЛАГа. Доехали дней за пятнадцать.

Город Верхняя Тавда. Свердловская область. Урал. Верхнетавдинский округ — густая сетка “лагов”.

Голод. Мороз. Болото. Работа. Лесоповал.

Вы слышали это слово? Обычное русское слово, если бы с ним я не связывал понятия “смерть” и “мор”.

Надо ведь делать норму. А что значит “сделать норму”, впервые взявши в руки пилу и топор?

Итак, чтоб не сдохнуть с голода, надо вставать очень рано. От лагпункта до места 10 км пути.

Не обращать внимания на дикие крики охраны, на лай собак, на усталость. Надо просто дойти.

Потом мы чистим от снега место для лесоповала. Надо рубить деревья с расчетом — не то беда. Сугробы такие, господа, глубокие, словно море. Я в жизни своей не видывал снегов таких никогда.

Обрежем сучья у дерева, распиливаем на части, раскатываем — снова в ходу топор и пила.

А если не выполнишь норму, а если устал, как собака, не жалуйся, товарищ, на то, что пайка мала.

Кончалось все тем, что новый состав привозил рабсилу, а дней через сорок снова в ГУЛАГ неслись поезда.

Какому богу молиться, чтобы не сдохнуть с голоду, чтоб не отнимали силы проклятые эти места.

Лежневка, настил — дорога. Катали по ней вагонетки с грузом туда-сюда. А мы идем по болоту, несем ледяные бревна, проваливаемся и чувствуем, как льется по спине вода».

За что и долго ли будут сидеть, никто не знал. Только в 1946 г. были созданы следственные команды, которые работали с бывшими эмигрантами. Снова начались допросы, «очные ставки». Но суда эмигранты не дождались. Вскоре им были выданы судебные постановления с заочно определенными сроками заключения по контрреволюционной 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Несмотря на то, что никто из них не был советским гражданином, а такие, как Олег, родившиеся в Китае, никогда не были в стране, которую считали своей Родиной.

И снова лесоповал, работа до изнеможения и мизерная пайка. «Спросите меня, как я выжил. Отвечу — и сам не знаю. Наверное, такая закалка в дворянском детстве была. Я понял, что надо учиться. Обменивал пайки на деньги и в Ленинград в “Книгу-почтой” деньги свои посылал.

Назначили бригадиром, но это не означало, что жизнь моя полегчала, что пухом мне стало бревно. Норму мы выполняли. И это было спасение. И это была победа над начальниками — дерьмом...»

Выжившие, несломленные, победившие режим вышли из ГУЛАГа в 1954–1956 гг. и совершили в дальнейшем еще одну победу, сумев возродить пепелище своей души. А те, у кого не хватило сил и веры, умерли от истощения, невыносимой работы, издевательств администрации и уголовников, покончили жизни самоубийством или были убиты при попытке бежать от полной безысходности. Тысячи их остались лежать в безымянных могилах на огромных просторах Урала и Сибири.

Вечная им память!

Глава 1

Предыстория русских воинских отрядов

В октябре — начале ноября 1922 г. последние белые части — Земская рать Приморского правительства генерала М. К. Дитерихса — тремя основными колоннами в организованном порядке покинули территорию России, перейдя границу с Китаем и Кореей. Часть белых подразделений ушли из Владивостока морем в составе эскадры контр-адмирала Ю. К. Старка. Так фактически завершилась история Белой армии.

Окончание Гражданской войны в ее активной фазе не означало завершение противостояния между большевиками в России и их политическими оппонентами в эмиграции. В этом противостоянии часть эмигрантских политиков большую роль отводили сохранению военного потенциала эмиграции. Такая попытка была предпринята после эвакуации Крыма, когда три русских армейских корпуса были расквартированы на турецкой территории, а позднее переведены в славянские балканские страны. На Балканах крупные русские воинские подразделения служили в войсках национальных правительств, продолжали действовать кадетские корпуса и военные училища. Для сплочения бывших военнослужащих белых армий, учета кадров и координации деятельности военных структур в 1924 г. под руководством генерала П. Н. Врангеля был создан Русский общевойсковой союз (РОВС).

В Китае ситуация была гораздо сложнее. С одной стороны, большое количество русских в стране, в том числе и военных, наличие протяженной общей границы с Россией делали его потенциальным центром антибольшевистской активности. Российская колония, которая начала формироваться в Китае (преимущественно

в Северной Маньчжурии) еще в ходе строительства КВЖД на рубеже XIX–XX вв. и существенно пополнилась беженцами в 1918–1920 гг., в начале 20-х гг. составляла до полумиллиона человек. Несколько десятков тысяч эмигрантов являлись бывшими военнослужащими. С другой стороны, китайские власти опасались присутствия большого количества вооруженных русских на своей территории и были бы только рады, если бы все русские, независимо от того, были они белыми или красными, покинули пределы Поднебесной. Державы, вчерашние союзники белых по антибольшевистской борьбе, даже Япония, последней из интервентов покинувшая российскую территорию, не проявляли большой заинтересованности в судьбе русских эмигрантов и не хотели тратить деньги на малоперспективное предприятие по поддержанию боеспособности русских воинских контингентов. Интернированные в конце 1922 г. белые части были размещены в нескольких лагерях на территории Маньчжурии (Хуньчунь, Гирин, Цицикар), где офицерский состав был отделен от рядового, а питание, жилищные, медицинские и другие условия нередко были ужасными.

В 1923 г. лагеря были ликвидированы и люди разъехались кто куда — большая часть в Харбин и в поселки вдоль линии КВЖД, где уже проживало несколько десятков тысяч бывших российских граждан, эвакуировавшихся в Китай в 1919–1920 гг. Другие эмигранты, в том числе немало бывших военнослужащих, покинули Китай и выехали в Америку, Японию, Австралию, а некоторые (в основном бывший рядовой состав Белой армии) вернулись на родину.

В начале 20-х гг. в Маньчжурии, где концентрировалась основная масса русских беженцев в Китае, политическая и военная антибольшевистская деятельность для эмигрантов была запрещена китайскими властями, хотя в приграничных с Советским Союзом районах продолжали сохраняться отдельные белые партизанские отряды, делавшие на свой страх и риск вылазки на советскую территорию. Политическая ситуация в Маньчжурии еще более осложнилась в 1924 г., когда между СССР и Китайской Республикой был подписан договор о КВЖД, вводивший двойственное

советско-китайское управление железной дорогой, что заметно усиливало позиции большевиков в регионе и усугубляло положение политически активной эмиграции.

В этот период даже те немногие организации, которые объединяли вчерашних активных борцов с большевизмом, в частности офицерство, своей главной задачей видели выживание своих членов, и прежде всего физическое. И здесь вопросы политические уходили на задний план. Как писал генерал А. С. Лукомский, эмиссар РОВС, предпринявший в 1924–1925 гг. поездку по Дальнему Востоку, «в Маньчжурии среди беженцев и эмиграции делать нечего. Все почти поголовно монархисты, но все развалилось, опустилось, изверилось, а часть и продана большевикам...»²

Запрещая русским заниматься политической деятельностью и иметь военизированные структуры, китайские власти тем не менее активно привлекали бывших белых офицеров в китайскую армию.

После Синьхайской революции, свергнувшей в Китае двухтысячелетнюю империю, власть в стране оказалась в руках китайских генералов, являвшихся основной опорой президентского правления генерала Юань Шикая (1912–1916). Смерть Юань Шикая в 1916 г. привела вскоре к оформлению ряда милитаристских группировок, ставших реальными хозяевами страны. Огромную территорию северо-востока Китая, Маньчжурию (в административном отношении — три восточные провинции), контролировал бывший хунхуз³, генерал (в дальнейшем — маршал) Чжан Цзолинь, возглавлявший фэньтяньскую (мукденскую) милитаристскую клику. Его главным соперником за влияние на Пекин, где продолжало сохраняться правительство Китайской Республики, являлся генерал У Пэйфу, лидер чжилийской военной группировки.

Неудачная для Чжан Цзолиня чжилийско-фэньтяньская война 1922 г. заставила его привлечь в армию в качестве инструкторов русских офицеров. Главным военным советником Чжана стал генерал-лейтенант Г. И. Клерже⁴, впоследствии замененный Н. Д. Меркуловым⁵, одним из руководителей белого Приамурского Временного правительства.

В 1924 г. мукденский диктатор выразил желание организовать в своих войсках русскую воинскую часть. Началась полулегальная вербовка желающих служить в китайской армии, несмотря на активный протест советской стороны, опасавшейся консолидации «белых сил» в приграничье. Русская авангардная группа (в дальнейшем Русская группа войск) была сформирована в армии соратника Чжан Цзолиня генерала Чжан Цзунчана, действовавшей в Северном Китае. Русскую группу возглавил генерал-лейтенант К. П. Нечаев⁶. Русские части в китайской армии просуществовали до конца 1928 г., через их ряды прошли несколько тысяч эмигрантов, не только из бывших военнослужащих, но и из эмигрантской молодежи⁷.

Некоторые из политического актива эмиграции были склонны видеть в Русской группе попытку возродить Белую освободительную армию, впрочем оказавшуюся неудачной. В массе своей отношение эмиграции к службе русских в китайской армии было отрицательным. Идея реванша в Гражданской войне и победного возвращения на Родину сохранялась только в головах немногочисленных непримиримых.

Конец 20-х — начало 30-х гг. стали переломным периодом в жизни русской эмиграции в Маньчжурии. Особенно всколыхнули эмигрантскую общину события 1929 г. В это время советско-китайские отношения сильно обострились, что стало результатом изменения политической ситуации в Китае в ходе Национальной революции 1925–1927 гг. Революция, начавшаяся объединением антиимпериалистических сил в лице китайской национальной партии Гоминьдан и китайской компартии, за спиной которой стоял Коминтерн, закончилась расколом революционного движения и победой Гоминьдана под руководством генерала Чан Кайши. На протяжении 1928 г. чанкайшистское правительство в Нанкине превратилось в ведущую политическую силу в стране, добившись своего признания многими бывшими противниками. Верховенство Нанкина признала и Маньчжурия, где в результате гибели Чжан Цзолиня (вероятно, от рук японцев) к власти в 1928 г. пришел его сын Чжан Сюэлян, склонный к политическому компромиссу ради

восстановления единства страны. Чан Кайши, считая китайских коммунистов и их покровителя в лице Коминтерна главными национальными врагами, сделал попытку подорвать основу их существования, перекрыв каналы общения с советской стороной.

Одним из главных каналов экспорта большевизма в Китай являлась находившаяся под советским управлением КВЖД, по которой в страну доставлялись политическая литература, деньги для леворадикальных групп, оружие. В зоне КВЖД свободно действовали десятки агентов ОГПУ.

Китайское руководство в 1929 г. в нарушение всех соглашений предприняло авантюристическую попытку устранить советскую администрацию с железной дороги и вернуть Китайской Республике полные права собственности на этот объект, находившийся на суверенной китайской территории. Конфликт перерос в вооруженное столкновение между китайскими и советскими войсками на китайской территории, завершившееся поражением китайской стороны.

Угроза прихода в Харбин советских войск, страшные последствия карательных налетов отрядов ОГПУ на казачьи поселки Трехречья летом 1929 г.⁸ способствовали росту антисоветских настроений и политизации русской эмиграции. Усилились позиции общеэмигрантских политических организаций, таких как РОВС и Союз легитимистов (Корпус императорской армии и флота).

Дальневосточный отдел РОВС, имевший целый ряд региональных отделений, был создан еще в 1928 г. с центром в Дайрене. Возглавил отдел генерал от артиллерии М. В. Ханжин⁹, который впоследствии был замещен генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом¹⁰. Созданное в 1932 г. Маньчжурское отделение РОВС находилось под руководством генерал-лейтенанта Г. А. Вержбицкого¹¹. В состав Маньчжурского отделения вошла и крупнейшая казачья организация Маньчжурии — Восточный казачий союз. В 1930 г. руководство РОВС приняло решение о формировании Урало-Приамурской военной группы, на учете в которой должны были состоять бывшие военнослужащие, проживавшие на территории Маньчжурии. В случае необходимости Урало-Приамурская группа

должна была превратиться в кадровую основу армейских подразделений армии освобождения. В 1929 г. начал работать Маньчжурский отдел Союза легитимистов. Начальником отдела стал генерал от кавалерии В. А. Кислицин¹², возглавлявший в это время русский контингент железнодорожной полиции Северной Маньчжурии.

В период вооруженного конфликта 1929 г. было наскоро сформировано несколько белых партизанских отрядов, эффективность деятельности которых на советской территории, впрочем, была невысокой. Отряды под руководством И. А. Пешкова, И. И. Зыкова, Пашкова, Сучкова, Аллаверды, Портнягина и Солдатова несли главным образом охрану трехреченских поселков, чтобы не дать повториться карательным набегам красных. Так, отряд Зыкова до весны 1930 г. стоял в пос. Тыныхэ¹³, где летом 1929 г. красными карателями было уничтожено 140 человек.

Несколько белых партизанских отрядов действовали на границе с советским Приморьем, одна из их баз располагалась на Мулинских угольных копях. Наиболее известным из партизанских отрядов являлся отряд полковника Назарова, продолжавший действовать и после окончания конфликта. В июне 1930 г. при возвращении из очередного рейда отряд Назарова попал в окружение и был почти полностью уничтожен советскими пограничниками в бою недалеко от станции Пограничная.

Потерпев поражение в открытом столкновении с частями Особой Дальневосточной армии под командованием В. К. Блохера, китайская сторона была вынуждена в декабре 1929 г. в Хабаровске подписать протокол, восстанавливающий прежнюю ситуацию на КВЖД. По требованию советской стороны белые партизанские отряды предписывалось распустить, а их руководство выслать за пределы Маньчжурии. В 1930–1931 гг. часть участников этих бандформирований, как их стали теперь именовать, были арестованы и получили тюремные сроки, сокращенные лишь приходом в Маньчжурию японцев.

Конфликт 1929 г. не оправдал надежд эмигрантского политического актива на сплочение эмиграции в условиях нового подъема антибольшевистской борьбы за освобождение Родины и лишней

раз показал ненадежность китайцев как союзников в этой борьбе. Новые надежды на политическую консолидацию эмиграции и формирование эмигрантских военизированных структур, как необходимых условий для продолжения борьбы за ликвидацию большевистского режима в России, появились у политических кругов эмиграции после прихода в Маньчжурию японцев.

Богатая природными ресурсами, имеющая стратегически выгодное положение Маньчжурия в геополитических планах Японии всегда занимала очень важное место. Победа в Русско-японской войне 1904–1905 гг. позволила японцам закрепиться в Южной Маньчжурии, получив в распоряжение почти всю южную ветку КВЖД (в дальнейшем Южно-Маньчжурская железная дорога). В 1920-е гг. японская сторона, активно поддерживая «старого маршала» Чжан Цзолина, заметно нарастила свое экономическое присутствие на северо-востоке Китая. Параллельно с этим японцы вели интенсивную разведывательную работу в Маньчжурии, особенно в ее северной части, бывшей в свое время российской сферой влияния. Центром деятельности японской разведки являлся Харбин, где с 1919 г. действовали Японская военная миссия (ЯВМ) и ряд учебно-культурных учреждений (например, Русско-Японский институт в Харбине), служивших в том числе и прикрытием для разведывательной работы.

Приход к власти в Маньчжурии патриотически настроенного «молодого маршала» Чжан Сюэляна, рост влияния советской стороны в результате победы в конфликте 1929 г., нарастающие экономические проблемы Японии в ходе мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. подтолкнули наиболее радикальные силы Страны восходящего солнца к решительным действиям в Северо-Восточном Китае.

В сентябре 1931 г. японская Квантунская армия, используя в качестве повода для вторжения подготовленный японскими спецслужбами инцидент у города Мукден, сравнительно легко нанесла поражение китайским войскам, вынудив их покинуть Маньчжурию. В марте 1932 г. при активнейшей поддержке японцев в Маньчжурии было провозглашено «независимое государство

Маньчжоу-го» во главе с последним императором династии Цин — Пу И.

Японские власти, объявившие главным своим противником мировое коммунистическое движение в лице Коминтерна, в глазах эмигрантского политического актива выступали естественным союзником в борьбе с большевиками, а японцы, в свою очередь, старались поддержать эмиграцию в этом мнении. Японское командование в Маньчжурии высказывалось о своем сочувствии к русским эмигрантам, покинувшим свою Родину из-за непримиримости к коммунизму, обещало облегчить условия их жизни, при этом давая понять, что это не повод считать Японию «источником политических благ эмиграции и ее открытым пособником и союзником», так как «от идеологических симпатий до практических мер расстояние огромно»¹⁴.

После создания Маньчжоу-го на его территории стали свободно действовать эмигрантские политические организации. При маньчжурских отделениях РОВС и Союза легитимистов в 1932 г. по европейскому образцу были открыты вечерние военно-училищные курсы, ориентированные на подготовку младшего офицерского состава из эмигрантской молодежи, и повышающие курсы для бывших офицеров. Занятия в военно-учебных подразделениях вели бывшие офицеры Российской армии, выпускники Академии Генштаба. Впрочем, численность этих подразделений была невелика. Так, годовой набор военно-училищных курсов РОВС в Харбине не превышал 25–30 человек, а завершали обучение единицы.

Более массовыми были казачьи учебные команды, которые начали формироваться, по-видимому, с 1934 г. в крупных казачьих поселках на западной линии КВЖД. В этих командах во время летних сборов казачья молодежь изучала конный и пеший строй, действия с оружием, гимнастику.

Военно-учебными командами обзавелись такие организации, как Союз мушкетеров, Русская фашистская партия, «Русский Сокол».

Союз мушкетеров возник в Харбине в 1924 г. как организация «улично-ударного» типа, противодействовавшая разгулу совет-

ского Отмола (Отряды молодежи), созданного после прихода на КВЖД большевиков. Название объединения было навеяно романтическими идеалами молодых создателей Союза во главе с князем В. И. Гантимуровым и шедшим в то время в городе американским фильмом «Три мушкетера». В 1925 г. часть мушкетеров и все руководство выехали в Северный Китай и поступили на службу в Русскую группу войск армии Чжан Цзунчана. Несколько мушкетеров в дальнейшем окончили Шаньдунскую военно-инструкторскую школу (офицерский инструкторский отряд)¹⁵ и получили звание подпоручиков китайской службы. Во второй половине 1920-х гг. Союз мушкетеров в Харбине вел полуподпольное существование, дискутируя «кулачными методами» с отмольцами, что приводило к жертвам с той и другой стороны. В 1929 г. мушкетеры объявили о монархическом характере своей организации, главной целью которой стала борьба за свержение советской власти и восстановление монархии, и обратились к проживавшему в Лондоне великому князю Никите Александровичу Романову с просьбой стать шефом Союза. По-видимому, Никита Александрович дал согласие, поскольку в 1930-е гг. организация официально именовала себя «Союз мушкетеров Его Высочества князя Никиты Александровича».

В начале 1930-х гг. при Союзе были созданы унтер-офицерские курсы, которые возглавляли В. Э. Лукеш, служивший в Русской группе войск Шаньдунской армии в 1925–1927 гг. в чине фельдфебеля, и В. В. Костриченко, в прошлом подпоручик китайской службы, окончивший Русское военное училище при Русской группе войск. В летний период Союз мушкетеров организовывал летний военный лагерь для своих членов¹⁶. «Мушкетеры», окончившие унтер-офицерские курсы, могли продолжить обучение на военно-училищных курсах РОВС, о чем существовала договоренность с руководством Харбинского отдела Союза.

Еще дальше в планах на «мушкетеров» заходил генерал Т. П. Москалев, имевший связи с ЯВМ и претендовавший на руководство Союзом. Он предложил сформировать Первый мушкетерский полк. Шагом к его созданию предусматривалось разделение

всех членов Союза на три группы: офицерскую («мушкетеры», получившие воинские звания в военном училище Шаньдунской армии и на курсах РОВС), унтер-офицерскую (из окончивших унтер-офицерские курсы) и младшую (из вновь вступивших в Союз, не имеющих военной подготовки)¹⁷. Но этим планам так и не удалось сбыться.

Харбинская дружина организации «Русский Сокол», части крупного международного движения, возникшего еще в начале XX в., вероятно, появилась в 1927 г. и имела достаточно выраженный национальный характер. Шефом дружины являлся генерал-лейтенант Генерального штаба В. В. Рычков¹⁸, в будущем первый начальник Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи, а его сын Николай возглавлял первое звено дружины. Во время осенних боев 1931 г. «соколы» раздобыли несколько винтовок с патронами. Раздавались даже голоса о создании группы разведчиков в помощь японским войскам¹⁹. Но большинство было против этой авантюры. В дальнейшем при Харбинской дружине «Русского Сокола» были организованы курсы по военно-строевой подготовке.

Истоки Русской фашистской партии (РФП) лежали в фашистском движении, оформившемся в стенах Харбинского юридического факультета в середине 1920-х гг. под руководством бывшего офицера Белой армии А. Н. Покровского²⁰. Русские приверженцы итальянского фашизма пытались создать новую, национально-корпоративную основу антибольшевистского движения, полагая, что монархизм утратил свой политический потенциал, а западно-демократическая идея чужда России. На рубеже 1920–1930-х гг. в Русской фашистской организации, созданной в 1925 г., разгорелись идейные разногласия, и часть более молодых соратников Покровского покинули его, образовав в 1931 г. Русскую фашистскую партию (с 1938 г. — Российский фашистский союз). Первым формальным председателем партии стал генерал-лейтенант В. Д. Косьмин²¹, а реальное руководство принадлежало К. В. Родзаевскому²². Вся последующая история фашистской партии была

теснейшим образом связана с японцами и имела немало темных и даже криминальных страниц²³.

В 1934 г. в рамках РФП был создан Учебный отряд, занимавшийся в том числе и военной подготовкой фашистов. Военную подготовку возглавляли подпоручик А. Попов, позднее штабс-капитан И. И. Якуш и поручик К. П. Агеев²⁴. Ежегодно фашисты организовывали летний военный лагерь на Крестовом острове в Харбине. Форменная одежда членов Учебного отряда состояла из гимнастерки и брюк защитного желтоватого цвета, а также сапог и фуражки со свастикой. На правом рукаве гимнастерки члены отряда носили повязку со свастикой²⁵. Парадная же форма, так же как и у «мушкетеров», имела черный цвет. Но, в отличие от «мушкетеров», которые носили рубашку-апах с треугольной нашивкой на левом рукаве, расклешенные брюки, широкий пояс и пилотку, фашисты были одеты в гимнастерки, галифе, заправленные в сапоги, и фуражки. На смотрах и эмигрантских парадах те и другие выглядели очень эффектно, постоянно соперничая между собой.

В апреле 1937 г. одновременно под руководством фашистской партии и претендовавшего на роль главы монархического движения Б. Н. Шепунова были созданы курсы по изучению СССР (другое название в рамках РФС — курсы организаторов или национал-революционеров). Создание курсов проходило при непосредственном участии японской стороны. Курсы, рассчитанные на 6–7 месяцев, давали представление о политико-административной, военной, экономической и других структурах СССР, обучали основам пропагандистско-агитационной, конспиративной и разведывательной деятельности, военному делу. Однако кадровый состав курсов был слабым, а численность их курсантов невелика: одиннадцать человек у фашистов (окончили десять) и пятеро у Шепунова²⁶. К тому же между Родзаевским и Шепуновым постоянно существовала конкуренция, пагубно сказывавшаяся на общем деле.

В декабре 1937 г. японские власти приняли решение полностью поставить под свой контроль работу подобного рода структур.

Весной 1938 г. при 4-м агитационно-пропагандистском отделе харбинской ЯВМ начала работать школа для подготовки агитаторов-пропагандистов из числа русских эмигрантов. Срок обучения в школе составлял 6 месяцев, а количество курсантов в середине 1941 г. достигло 80 человек. Всего за период существования школы состоялось 11 выпусков²⁷.

С начала 1930-х гг. русских эмигрантов стали активно привлекать в пограничные, полицейские, охранные структуры Маньчжоуго. Летом 1932 г. начальник японской армейской разведки и контрразведки «Токуму кикан» генерал-майор Комацубара предложил в то время еще руководителю РФП генералу Косьмину набрать вооруженный отряд, который должен был в будущем составить ядро Белой армии. Отряд в составе нескольких сот человек был набран и в дальнейшем использовался в качестве караульного на железных дорогах Мукден — Шаньхайгуань и Гирин — Лафачан²⁸.

Были сформированы и другие русские охранные отряды. В апреле 1933 г. по предложению руководства японской компании «Мантэцу» (управляла Южно-Маньчжурской железной дорогой) бывший подполковник Н. Н. Ильин²⁹ организовал отряд в составе 180 человек для охраны Лафа-Харбинской железной дороги от хунхузов. Отряд просуществовал свыше полутора лет. В 1935 г. тот же Ильин возглавил казачий отряд, сформированный по предложению переселенческого отдела Японской военной миссии для охраны сельского хозяйства в провинции Шаньцзян от набегов хунхузов³⁰.

Охранные отряды создавались на всех крупных государственных и частных лесных и угольных концессиях, особенно по восточной линии КВЖД (с 1935 г. — Северо-Маньчжурская железная дорога, СМЖД).

Политизация и «военизация» эмигрантского сообщества в Маньчжурии в первой половине 1930-х гг. проходила во взаимных склоках, противостоянии и борьбе между отдельными лидерами эмиграции и эмигрантскими организациями. «Семеновцы» боролись с «каппелевцами», «николаевцы» — с «кирилловцами»,

«мушкетеры» стремились «утереть нос» казакам, а казаки терпеть не могли фашистов и выясняли отношения между собой и т. д. Мощные противоречия между эмигрантскими лидерами и организациями, отсутствие единой идеологической основы, собственная финансовая слабость и слабая поддержка извне — все это делало перспективы политического объединения эмиграции и восстановления ее боевого потенциала крайне призрачными. Постоянная политическая грызня эмиграции была на руку японцам, имевшим свои виды на русское население Маньчжурии в планах дальнейшей экспансии на материке.

В конце 1934 г. под непосредственным руководством японских властей был создан общеэмигрантский административный орган, призванный объединять русское население Маньчжоу-го и представлять его интересы перед властями государства. Этим органом стало Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-го (БРЭМ), в руководство которого вошли лояльно настроенные к Японии эмигрантские деятели. Формально вождем эмиграции на Дальнем Востоке был объявлен атаман Г. М. Семенов, давно имевший тесные связи с японцами, которые не выпускали его из-под своего контроля на всем протяжении 1920-х гг., предоставив в его распоряжение большую усадьбу под Дайреном в местечке Какахаша.

Этими мероприятиями японцы дали понять эмиграции, кто является истинным хозяином положения и в реализации чьих политических планов эмигранты примут участие.

Такое положение дел устраивало далеко не всех — произошел раскол политической эмиграции на тех, кто согласился играть по японским правилам, и тех, кто пытался сохранить свою независимость, по-прежнему ориентируясь на общеэмигрантский политический центр — Европу. В 1935 г. прекратили существование маньчжурские филиалы РОВС и Союза легитимистов, их строптивые лидеры были выдворены за пределы Маньчжоу-го. Лояльная японцам часть руководства этих организаций и рядовые члены были объединены в рамках Дальневосточного союза военных, входившего в качестве одного из отделов (7-й отдел, позднее — 8-й)

в состав БРЭМ. В Союзе военных были обязаны зарегистрироваться все бывшие военнослужащие, не состоявшие в казачьих организациях.

Из-за внутренних противоречий и внешнего давления в 1937 г. раскололся Союз мушкетеров. Остатки Союза вошли в состав созданного в 1938 г. под руководством Б. Н. Шепунова Монархического объединения, претендовавшего на руководство всем русским монархическим движением в Маньчжоу-го. Была закрыта организация «Русский Сокол».

Казачьи организации также претерпели изменения. В 1935 г. единственным общеказачьим объединением остался семеновский Союз казаков на Дальнем Востоке (полное название — Союз казаков на Дальнем Востоке и бывших чинов Дальневосточной армии), включавший в свой состав девять войсковых казачьих станиц с представительством в Харбине. Все мужское казачье население Северной Маньчжурии, начиная с совершеннолетних, было в обязательном порядке зарегистрировано в Союзе казаков.

При Дальневосточном союзе военных в сентябре 1935 г. открылись офицерские и унтер-офицерские повторительные курсы (с производством в следующий чин), двухгодичное вечернее Русское военное училище (военно-училищные курсы) и учебная команда для молодых эмигрантов³¹, ставшие преемниками военно-училищных структур РОВС и Союза легитимистов. По окончании военно-училищных курсов выпускник получал звание подпоручика и зачислялся в офицерскую роту при унтер-офицерском отделе Союза. В 1938 г. аналогичные структуры были созданы в рамках Союза казаков — повторительные курсы для офицеров и двухгодичные военно-учебные курсы для молодых казаков³².

Благодаря усилиям казачьего руководства, занявшего прочные позиции в структурах БРЭМ в период начальствования в Бюро соратника атамана Семенова — генерал-лейтенанта Забайкальского казачьего войска А. П. Бакшеева³³ (1935–1938), во второй половине 1930-х гг. произошла своеобразная «военизация» жизни русского казачества в Маньчжурии.

Именно в этот период усиленно позиционировались первенствующая роль казачества и его лидера атамана Семенова в антибольшевистском движении в годы Гражданской войны и современное авангардное положение казаков в борьбе за освобождение России³⁴. В сентябре 1937 г. повсеместно развернулись торжества по поводу дня рождения и 20-летия начала борьбы атамана Семенова против «красного врага III Интернационала». Так, например, в небольшом поселке Цаган в приграничном районе с советским Забайкальем это событие собрало почти сто человек. Согласно полицейскому рапорту «в процессии по улицам во главе шли казаки с флагами Ниппон, Маньчжоу-го и Русским, за казаками шли фашисты, затем Кружок молодежи, школа и частная публика. Принимал парад Представитель отделения Бюро в поселке Цаган П. Ф. Горячкин»³⁵.

Начиная с 1936 г. стали ежегодно проводиться казачьи станичные военные сборы с участием представителей БРЭМ и ЯВМ. Например, в военных сборах 1936 г. только в недавно начавшем формироваться переселенческом Онэнорском районе приняли участие 40 человек в возрасте от 23 до 30 лет³⁶.

О составе учебных казачьих подразделений можно судить на примере казачьего праздника в Хайларе, состоявшегося 30 марта 1937 г. В празднике приняли участие Учебная команда Хулунбуирского казачьего округа, полусотня Учебной команды Хайларской мусульманской общины, Учебная сотня местной гимназии и Сводная сотня джигитов. На празднике присутствовали генерал Бакшеев и секретарь Главного БРЭМ, полковник В. Л. Сергеев. Командовал парадом войсковой старшина А. У. Акулов³⁷, начальник Хайларского отделения Союза казаков. Казачья джигитовка вызывала неизменное восхищение у зрителей, особенно у японских чинов³⁸.

В середине 1930-х гг. контроль над созданными ранее военнизированными эмигрантскими формированиями перешел к японскому руководству. В 1935 г. русские и китайские охранные отряды начали реорганизовываться в подразделения лесной (горно-лесной) полиции Маньчжоу-го. Согласно сводке Штаба

3-й дивизии Квантунской армии целью отрядов лесной полиции являлась охрана лесных участков от нападения хунхузов и партизан и ведение наблюдения за работой на лесозаготовках. Отряды лесной полиции размещались в уездах Хайлюнь, Учан, Мулинь, Теле и Нинъань (восточная линия КВЖД), а особые отряды лесной полиции — в уездах Вэйхэ и Нинъань. Численность личного состава отрядов превышала 1,5 тыс. человек³⁹.

Во главе русских отрядов лесной полиции стояли главным образом бывшие офицеры Императорской и Белой армий: на станции Вэйшахэ — подполковник Л. М. Матов, на станции Яблоныя — полковник В. Н. Федоров, на станции Ханьдаохэцзы — есаул Б. Д. Быстров, на станции Хайлинь — подполковник Н. Н. Ильин, на станции Шаньши — полковник Борщевский, муданьцзяньским отрядом командовал полковник Колесников⁴⁰ и др. В каждом отряде находились японские советники.

Численный состав русских полицейских отрядов заметно увеличился, а их вооружение улучшилось. Так, в ходе реорганизации 8-го русского охранного отряда на станции Эрдаохэцзы в 1937 г. его численность выросла с 35 до 134 человек, к состоявшим на вооружении отряда винтовкам были добавлены три пулемета⁴¹.

Большинство отрядов постоянно участвовали в боевых столкновениях с отрядами хунхузов и партизан, различия между которыми были весьма условными. Один только полицейский отряд станции Эрдаохэцзы на протяжении 1937 г. принял участие в 37 боях с партизанами, в 1938-м — в 19⁴². Партизанское движение по вполне понятным причинам имело мощную поддержку с советской стороны. Преследуемые маньчжурской полицией, партизаны имели возможность переправляться на советскую сторону, где их обучали, снабжали оружием, боеприпасами и продовольствием. Как показывают документы советской госбезопасности, именно советская сторона контролировала и направляла деятельность китайских партизанских отрядов в восточной части Северной Маньчжурии⁴³.

По словам М. И. Воробьева, служившего надзирателем 2-го класса в полицейском отряде станции Шитоухэцзы, он восемь раз

участвовал в боях с китайскими партизанами (хунхузами) на протяжении ноября 1936 — мая 1939 г. Русские обычно действовали в составе отделения или взвода. Китайцы дрались ожесточенно, зная, что полицейские пленных не берут⁴⁴.

Один из крупных боев между русской лесной полицией и партизанами произошел в марте 1937 г. в зоне действий Вэйшахэйского отряда. Тогда около 50 русских полицейских из состава Вэйшахэйского и Яблонского отрядов под командованием полковника Федорова напали на китайский отряд, насчитывавший до 600 человек. Партизаны были разбиты благодаря внезапности нападения и слаженным действиям полицейских⁴⁵.

Описания самоотверженных действий русских полицейских в борьбе с хунхузами, что нередко вело к гибели эмигрантов, регулярно помещались в русском журнале Союза полиции Маньчжу-Ди-Го «Друг полиции». В шестом номере журнала за 1940 г. рассказывалось о нападении крупного отряда хунхузов в несколько сот человек из банды знаменитого У Луна на небольшую группу русских полицейских, охранявших вечерний сплав плотов по реке Муданьцзян. «Русским полицейским пришлось очень туго: они были посреди реки как на ладони и не могли укрыться от пуль врага. Выбрав хорошее место для высадки, они прыгнули на мелководье, атаковали засевших на сопке хунхузов и сбили их. Однако положение осложнялось тем, что у русских было мало патронов и приходилось бить редкими залпами наверняка. Наутро хунхузы сделали завал из валежника, которым они обнесли сопку, где находились русские, и подожгли его. Полицейские меткими выстрелами убивали одного за другим хунхузов, строивших этот завал, но на место каждого убитого вставал новый бандит. Наши задыхались от дыма, но под его прикрытием соорудили примитивную лестницу из винтовочных ремней, по которой они, невидимые из-за дыма, стали спускаться к реке. При спуске лестница порвалась, по причине чего разбился вахмистр отряда Рябоконт. На вершине сопки, прикрывая своих бойцов, остался командир русского отряда. В это время огонь подошел к нему вплотную, а за ним двинулись хунхузы, надеясь на легкую добычу. Но задыхавшийся от

дыма и обожженный огнем русский офицер стал бросать в подошедших врагов ручные гранаты. Им пришлось отойти на почтительное расстояние. Последняя брошенная граната разорвалась рядом с командиром и ранила его осколком в голову. Тем временем полицейские, спустившись с сопки, и не думали оставлять командира. Они зашли в тыл хунхузам и неожиданно напали на них. Среди хунхузов началась паника: они бежали, бросая раненых и оружие. Однако начальнику полицейского отряда взрыв гранаты в этом бою стоил зрения»⁴⁶.

Для подготовки русских кадров горно-лесной полиции в мае 1936 г. на станции Ханьдаохэцзы было открыто Военно-полицейское (юнкерское) училище (ВПУ) с шестимесячным курсом обучения. Станция Ханьдаохэцзы являлась одной из двух деповских станций на восточной линии КВЖД в 270 км от Харбина. Станционные постройки раскинулись между покрытыми глухой тайгой невысокими сопками. До 1917 г. здесь располагалась первоначально бригада, а позднее штаб и войска 3-го отряда Заамурской пограничной стражи⁴⁷. В 1920-е гг. на станции, включавшей в свой состав четыре поселка с численностью населения свыше 4 тыс. человек, действовали две электростанции, размещались охранные войска, полиция, суд и тюрьма.

Юнкерское училище занимало несколько зданий, когда-то принадлежавших Русской охранной страже, в частности, здание Офицерского собрания, упоминающееся в произведениях известного разведчика, естествоиспытателя, писателя Дальнего Востока Н. А. Байкова.

Директором училища был японский офицер, а его заместителем, русским начальником училища, — один из русских старших офицеров. Первым русским начальником ВПУ в течение одного-двух месяцев являлся подполковник Н. Н. Ильин, его сменил ротмистр А. Н. Гукаев, тоже недолго находившийся на этом посту, пока, наконец, заместителем директора училища не стал полковник В. Н. Федоров, командовавший до этого Вэйшахэйским отрядом горно-лесной полиции. Федоров оставался на должности заместителя директора училища до конца его существования.

Преподавательские кадры училища формировались из русских и японских военных. Среди преподавателей ВПУ были имевшие большой практический опыт офицеры Русской армии — полковник Генерального штаба В. А. Попов и поручик Н. А. Ядыкин. Полковник Попов в середине 1920-х гг. служил в Русской группе войск Шаньдунской армии и позднее возглавлял военно-училищные курсы Харбинского отделения РОВС. Поручик Ядыкин также служил в Русской группе войск в составе русского инструкторского отряда 65-й дивизии, имея чин капитана китайской службы. В ноябре 1926 г. он в чине майора возглавил Отдельную офицерскую полуроту инструкторов пехоты 65-й дивизии⁴⁸. В конце 1937 г. в состав курсовых офицеров училища был включен переведенный на станцию Ханьдаохэцзы командир Учебного отряда РФП поручик К. П. Агеев⁴⁹.

В программу обучения курсантов училища входили уставы внутренней, гарнизонной и дисциплинарной службы, строевая подготовка, тактика пехоты, связь, войсковая разведка, фортификация, топография, подрывное дело, полицейская служба. Раз в неделю давался урок по Закону Божьему⁵⁰.

Личный состав училища достигал 50 человек. Все курсанты были разбиты на три разряда: по первому разряду проходили подготовку командиры взводов, по второму — командиры отделений, по третьему — рядовые полицейские⁵¹. Парадная форма курсантов ВПУ соответствовала форме юнкеров дореволюционной России и форме курсантов военно-училищных курсов РОВС. Окончившие училище получали соответствующие документы и значок с изображением российского двуглавого орла с перекрещенными винтовками и буквами «ВПУ», расположенными под орлом.

Училище существовало до марта 1941 г., за это время состоялось девять выпусков курсантов.

В марте 1941 г. на базе слияния ВПУ и русского отделения Харбинской полицейской школы на станции Ханьдаохэцзы была образована Русская полицейская школа со сроком обучения три месяца. Начальником школы являлся пристав Савада. В штате школы были оставлены несколько русских курсовых офицеров

и унтер-офицеров ВПУ, усиленные несколькими преподавателями из бывшей Харбинской полицейской школы. В новой школе обучение курсантов велось в двух группах: младшая — служащие лесной полиции (30 человек), старшая — сотрудники департаментов городской полиции (12 человек). Курсанты также находились на казарменном положении⁵².

Во второй половине 1930-х гг. перспективы будущего столкновения с «северным соседом» (возможно, оборонительного) для Японии стали вырисовываться достаточно отчетливо. В 1936 г. Германией, Италией и Японией был подписан Антикоминтерновский пакт, обозначивший главного врага и возможный круг сторонников, хотя и не ставший военно-политическим союзом.

Летом 1937 г. японское правительство премьер-министра Коноэ Фумимаро развязало открытые военные действия против Китая, стремясь в ходе молниеносной войны подчинить себе огромную страну с ее мощными ресурсами и обеспечить плацдарм для дальнейшей экспансии на материке. В свою очередь, Советский Союз восстановил дипломатические отношения с Китаем и стал активно помогать китайской стороне кредитами, поставками оружия, боевой техники, кадрами военных советников и добровольцев.

Значение эмиграции в новых условиях, не как самостоятельного союзника, а как контролируемого помощника, заметно возросло. Впрочем, японцы никогда полностью не доверяли русским, так же как и китайцам, считая их не способными на проявление самоотверженной преданности, что было присуще только «народу Ямато».

Глава 2

Формирование отряда Асано

Еще в 1937 г. японскими властями было принято решение о создании регулярного воинского подразделения из эмигрантов. Подразделение должно было играть роль вспомогательного общевойскового, особо значимого в случае войны с Советским Союзом, вероятность которой в тот период была достаточно высока. Контроль над формированием и деятельностью этого подразделения возлагался на 3-й отдел ЯВМ. Месторасположением будущего подразделения стала станция Сунгари-2 (Лаошаогу) на южной ветке СМЖД, находившаяся в 125 км от Харбина.

Станция располагалась на левом берегу Сунгари и являлась важным перевалочным пунктом для хлебных грузов — здесь пересекались железнодорожная и судоходная речная трассы. Станция Лаошаогу считалась летним курортом железной дороги: еще в 1920-е гг. здесь было построено несколько хорошо оборудованных дачных сооружений, имелся курзал, пляж. Но постоянно проживавшего русского населения на Сунгари-2 было немного.

В дореволюционный период вблизи станции (около 500 м к северо-западу) размещался 3-й линейный отряд Заамурского пограничного округа (1901–1910), а с 1910 г. — 4-я Заамурская пограничная конно-горная батарея. Казармы и другие постройки Русской охранной стражи КВЖД стали основой для военного городка эмигрантского воинского отряда.

Командиром формирующегося подразделения был назначен японец — майор Асано Макото, очень высокий для японца (выше 1,8 м), худощавый, носивший усы-стрелки. У майора, по-видимому, в связи с контузией слегка дрожали руки и часто моргали глаза.

Вместе с майором Асано на Сунгари-2 прибыли несколько японских офицеров и двое русских из состава Штаба 4-го военного округа Маньчжоу-го: майор Н. Б. Косов (Коссов) и капитан Г. Х. Ассерьянц⁵³. Оба офицера начали военную службу еще при китайцах⁵⁴, хорошо владели китайским и японским языками, выполняя, помимо прочего, в отряде роль переводчиков. Известно, что капитан Ассерьянц работал в качестве переводчика еще во время визита императора Пу И в Харбин в сентябре 1935 г.⁵⁵ Армянская фамилия Ассерьянца была очень трудна для произношения китайцев, поэтому во время службы в китайской армии он получил фамилию Наголян, которая в дальнейшем практически вытеснила его настоящую фамилию.

Младший командный состав отряда предполагалось подготовить из эмигрантов, для чего необходимо было подобрать людей, имеющих достаточно высокий образовательный уровень, знакомых с военным делом и политически надежных. Чтобы не обидеть ни одну из политических группировок эмиграции, японцы дали возможность участвовать в отборе кадров будущего младшего состава отряда фашистам, монархистам Шепунова, казакам, Дальневосточному союзу военных. Всего в начале марта 1938 г. в Харбине (в Штабе 4-го военного округа) для отправки на Сунгари-2 было собрано 32 человека.

От фашистской партии в отряд была направлена группа из восьми человек. В состав группы входили семь выпускников школы организаторов 1937 г. — А. И. Бердник, Ю. Е. Витвицкий, К. И. Кузнецов, А. С. Макаревич, И. И. Приказчиков, А. С. Шабельник, Г. В. Шехерев. Молодые, энергичные, исполненные романтикой борьбы за освобождение России — именно о таких писал Арсений Несмелов, крупнейший поэт «русского Харбина», близкий к РФП: «Воля к победе, Воля к жизни. Четкое сердце, Верный глаз. Только такие нужны Отчизне, Только таких выкликает час! Через засеки и волчьи ямы, Спешенным строем иль на коне, Прямы, напористы и упрямы — Только такие нужны стране!..»

За исключением Приказчикова и Шехерева остальные члены группы были коренными харбинцами, их родители еще до революции перебрались в полосу отчуждения КВЖД. Приказчиков происходил из Благовещенска, возможно из старообрядческой семьи. Купеческая семья Шехеревых выехала в Маньчжурию из Оренбургской губернии в годы Гражданской войны.

Самому старшему из выпускников школы организаторов, Берднику, было около тридцати лет, остальным — от двадцати одного до двадцати четырех. Как показывают имеющиеся у нас материалы, благосостояние семей этих молодых людей не было высоким и, получив среднее образование, они вынуждены были работать, не помышляя о дальнейшем обучении. Приказчиков и Шабельник имели профессию шоферов-автомехаников, Кузнецов работал конторщиком в фирме Чурина до своего увольнения в 1936 г. Бердник, начав свою трудовую деятельность в 1925 г., успел поработать приказчиком, маляром, швейцаром, трактористом. Учился в Шаньдунском офицерском инструкторском отряде (через пять месяцев бросил обучение), служил в Шанхайском русском волонтерском полку⁵⁶. Разным путями они в 1935–1936 гг. оказались в составе фашистской партии, и все, за исключением Бердника, обучались в Учебном отряде РФП. В это время немало русских юношей были привлечены возможностью надеть военную форму, взять в руки боевое оружие и получить военную подготовку, обучаясь в военно-учебных структурах РОВС, Союза легитимистов, РФП, Союза мушкетеров. В дальнейшем, как мы уже отмечали, эти семеро попали в первый (и единственный) состав школы организаторов РФП.

После окончания школы Витвицкий и Приказчиков были оставлены при школе организаторов вместе с Белосковым, Гольцовым и Наумовым и, вероятно, готовились к заброске с разведывательными заданиями на советскую территорию. Это видно из последующей деятельности трех остальных выпускников курсов организаторов, которые, работая по линии ЯВМ в приграничных районах, неоднократно засылались на советскую территорию. По воспоминаниям В. Е. Гольцова, он шесть раз в составе группы

ходил на советскую территорию из района Трехречья. Задачами разведчиков-диверсантов были захват пограничного разъезда, похищение усть-уровского секретаря райкома (попытка не удалась: секретарь не ночевал дома, поэтому забрали только его личные и райкомовские документы), проведение топографических съемок, переброска антисоветской литературы⁵⁷.

Остальные выпускники школы организаторов после ее окончания были оставлены «до востребования», являясь рядовыми членами партии. За исключением Шехерева, который возглавил детское фашистское объединение — Союз авангарда.

Восьмым членом группы фашистов, направленной в формирующийся отряд, и ее главой являлся штабс-капитан И. И. Якуш, руководитель военной подготовки в Учебном отряде РФС и в свое время один из преподавателей школы организаторов.

Другую группу будущих младших командиров военного эмигрантского отряда составили «люди Б. Н. Шепунова». Участник Германской и Гражданской войн, штабс-капитан, непримиримый антикоммунист, он считал, что только японцы могут помочь русской эмиграции свергнуть власть большевиков и вернуться в Россию. Шепунов начал сотрудничать с японцами еще в 20-е гг., а когда осенью 1931 г. Маньчжурия была оккупирована японскими войсками, заметно пошел в гору, возглавив русский полицейский отряд на станции Пограничная, в одном из самых напряженных приграничных с Советским Союзом районов. Здесь постоянно шли столкновения с китайскими партизанскими отрядами, имевшими базы на советской стороне, и разворачивалась активная разведывательная деятельность и с той и с другой стороны границы. В середине 30-х гг. Шепунов стал одним из активистов объединения русской эмиграции в Маньчжурии, не скрывая при этом собственных лидерских амбиций. При его активнейшем участии была создана Русская национальная община Восточной линии, сменившаяся затем эмигрантским бюро. После создания отделения БРЭМ на Пограничной Шепунов возглавил его, а в 1937 г. переехал в Харбин, где работал первым секретарем Главного БРЭМ и руководил созданным в 1938 г. Монархическим объединением.

На станции Пограничная вокруг Шепунова сложился кружок верных ему людей, часть которых он забрал с собой, перебравшись в Харбин. «Люди Шепунова» составляли весь кадровый состав Пограничного отделения БРЭМ: И. А. Воцилло⁵⁸, Н. В. Меликов, Н. В. Рычков, В. Н. Мустафин, П. А. Дегтев⁵⁹. Являясь сторонниками активной борьбы с большевиками и их пособниками из числа эмигрантов, группа Шепунова оказалась причастна к громким «разоблачениям» и многочисленным арестам эмигрантов на Мулинских угольных коях (Лишучжэнь) и станции Пограничная. Шепунов и его люди активно помогали японским спецслужбам ослабить экономические позиции семьи Скидельских⁶⁰, одной из самых мощных и успешных в деловых кругах русской Маньчжурии. Под давлением японцев Скидельские, обвиненные в связях с советской стороной (впрочем, не совсем беспочвенных), потеряли часть своей собственности в Маньчжурии. Некоторые средства от «экспроприации» Скидельских попали и в руки Шепунова.

Весьма нелестная характеристика окружения Шепунова дана О. Лешко в его книге «Русские в Маньчжоу», изданной в Шанхае в 1937 г. Проживая на Мулинских коях, автор дважды подвергался аресту за якобы просоветскую деятельность и близко познакомился с «людьми Шепунова» и их методами работы. За недоказанность обвинений Лешко в конце концов был освобожден и сумел покинуть Маньчжоу-го. Избежав смертельной опасности и понимая, что руки БРЭМ не дотянутся до «свободного» Шанхая, Лешко в своей книге не пожалел темных красок, характеризуя ситуацию в Маньчжурии и деятельность Шепунова и К°.

Рисуя моральный облик Шепунова, бывшая невинная жертва «японских прихвостней» отмечает, что Шепунов «очень ограниченный человек. Старается сохранить вид тоннаго жандармского ротмистра. Бьет редко, но руководит допросами и дает распоряжения избивать, пользуясь со стороны японцев большим доверием — широко этим пользуется. Самовлюблен. Местное население с иронией называет его «губернатором»»⁶¹. О Рычкове и Мустафине автор пишет следующее: «Н. В. Рычков — сын генерала Рычкова; недоучившийся студент. Ограниченный человек, помешанный на

борьбе с масонством и коммунизмом. Страшно избивает допрашиваемых. В. Н. Мустафин. 25-летний юноша. Сын священника... Бывший шофер. Тупой, малограмотный. Все его обязанности сводятся к разноске корреспонденции и избивению допрашиваемых. Располагает значительной силой, избивает жестче всех»⁶².

Вряд ли Лешко придумал все от начала и до конца. В этих приграничных районах гражданская война не прекращалась ни на миг после 1922 г. Советская агентура, которой была наштаpigована Северная Маньчжурия, помимо разведки и морального разложения эмиграции не останавливалась и перед физическим устранением белых активистов. Были случаи насильственного захвата и увода на советскую территорию эмигрантов, где их ждала печальная участь. В этой борьбе, шедшей на уничтожение, никто не видел возможности компромисса.

Что еще известно о «людях Шепунова»?

Николай Вениаминович Рычков (1901 г. р.), возможно, окончил кадетский корпус и участвовал в последних боях на Дальнем Востоке. В Харбине он учился в одном из вузов, но не окончил его, рано включился в политическую деятельность. Во второй половине 1920-х гг. он возглавлял 1-й взвод Харбинского отделения организации «Русский Сокол», в которой его отец, генерал-лейтенант Генштаба, в будущем первый начальник БРЭМ, В. В. Рычков являлся советником. После прихода в Маньчжурию японцев «Русский Сокол» оказался перед выбором — сотрудничать с японцами или нет. Проблема не была окончательно решена, и к середине 1930-х гг. организация была ликвидирована. После этого Рычков вместе с бывшим руководителем харбинского «Русского Сокола» штабс-капитаном Н. В. Меликовым выехал на станцию Пограничная, где поступил на службу в полицию. Продолжая заниматься политической деятельностью, Николай возглавил здесь Восточный район Союза мушкетеров⁶³. В это же время Рычков тесно сблизился с Шепуновым и вошел в его ближайшее окружение.

Большая семья Мустафиных эвакуировалась из Владивостока в октябре 1922 г. в Гензан и оттуда позднее прибыла в Маньчжурию, где в это время уже находился глава семьи — Н. Мустафин,

в прошлом полковой священник Енисейской бригады, с которой он отступил на китайскую территорию в 1920 г. Семья соединилась в 1923 г. в Чаньчуне, где и жила до 1926 г. Позднее Мустафины переехали в Мукден, где о. Николай служил священником и законоучителем в русском Реальном училище. Все дети о. Николая (шесть сыновей и дочь) рано начали работать, не получив регулярного образования. Виссарион Мустафин (1910 г. р.), за два года окончив Мукденское реальное училище и сменив ряд мест работы (разносчик в магазине Чурина, автозаправщик в «Техас компании»), в 1933 г. выехал на станцию Пограничная, где поступил в поселковую полицию, возглавляемую в это время Шепуновым. Вскоре два младших брата Мустафина, Леонид и Аркадий, стали полицейскими в этом же отряде.

Политический актив станции Пограничная, сложившийся вокруг Шепунова, уделял большую роль работе с детьми. В 1933 г. Виссарион Мустафин, являясь старшим разведчиком (скаут-мастером) Национальной организации русских разведчиков (НОРР)⁶⁴, организовал на станции отряд разведчиков, который и возглавлял до своего отъезда в Харбин в 1937 г. В середине 1930-х гг. Виссарион с младшими братьями, подьесаулом Воцилло и рядом других бывших офицеров Белой армии участвовали в создании еще нескольких отрядов НОРР на восточной линии СМЖД⁶⁵. Аркадий Мустафин являлся сначала адъютантом начальника Восточного отделения НОРР подьесаула Воцилло, а позднее — начальником бригады скаутов, оставив НОРР только в 1941 г.

В апреле 1937 г. в Харбине при непосредственном участии Шепунова и поддержке японцев начали действовать курсы по изучению СССР, готовившие кадры для борьбы с Советами. На курсах обучались соратники Шепунова, но численность курсантов было очень незначительной — всего пять человек. В марте 1938 г. двое из пяти окончивших курсы, братья Мустафины, отправились на станцию Сунгари-2, еще один, бывший подпоручик белой армии В. А. Бржезицкий, не прошел медкомиссию и в отряд не попал. Вместе с братьями Мустафиными на службу в отряд

уехали Г. Г. Джакелли, бывший вахмистр Белой армии, служивший в полиции станции Пограничная, и Н. В. Рычков.

Пять человек в формирующийся воинский отряд были отправлены из казачьего Трехречья, но медкомиссию прошли только трое — И. И. Овчинников, Г. А. Тоболов и В. В. Тырсин.

Василий Васильевич Тырсин (1906 г. р.) происходил из семьи генерал-майора Оренбургского казачьего войска В. Д. Тырсина. Отец Тырсина, по всей вероятности, не участвовал в Гражданской войне, но выехал с семьей в Сибирь. Здесь он скончался от порока сердца в ноябре 1920 г. в Иркутске. Каким образом Василий оказался в Китае и как жил там в первые годы своего пребывания, неизвестно. Мы точно знаем, что летом 1928 г., имея хорошую физическую подготовку (занимался боксом) и желание поступить на военную службу, он по рекомендации Казачьего союза в Шанхае устроился в Отдельный русский отряд Шанхайского волонтерского корпуса. Однако вскоре сбежал, не выполнив условий подписанного им контракта, с намерением выехать в Японию в качестве боксера⁶⁶. По-видимому, попасть в Японию ему не удалось, и уже в начале 30-х гг. Тырсин появился в Трехречье, где служил в японской жандармерии. Своим крутым нравом и жестокостью он быстро приобрел дурную славу в трехреченских поселках. По свидетельствам крупного сибирского краеведа-историка А. М. Кайгородова, выведшего на страницы печатных работ немало бытовавших в эмигрантской среде легенд и слухов, Тырсин, «будучи отменным садистом, что не вязалось с его ангельской внешностью, [после оккупации Трехречья японцами] быстро пошел в гору. На совести Тырсина трое расстрелянных поселян из Трехречья — Ивачев, Патрин, отец Александр. Их обвиняли в сотрудничестве с Советами. Во время допроса Тырсин сорвал с отца Александра крест и его тяжелой цепью бил по глазам арестованных. Его же заслуге приписывают длительные тюремные сроки в страшной цичикарской тюрьме трехреченских казаков Антипьева, Молокова, Коломыльцева и Власова»⁶⁷.

Кроме того, Тырсин, по его же словам, участвовал в переходах на советскую сторону. Во время одного такого перехода (вероятнее

всего, в начале 1938 г.) они с фашистом Гольцовым, служившим в военной миссии трехреченского района, подожгли здание колхозного правления, а когда поднялась тревога, рискуя быть схваченными, пытались сорвать советский флаг⁶⁸.

Остальные кандидаты в младшие командиры формирующегося отряда подбирались Дальневосточным союзом военных, являвшимся одновременно 7-м военным отделом БРЭМ, при участии ЯВМ. Так, например, в отряд попал Д. М. Золотаев (1900 г. р.), участник Гражданской войны, окончивший Читинское военное училище и имевший чин подпоручика русской службы, который в это время был безработным. Но основную часть этой группы составили полицейские из русских отрядов горно-лесной полиции.

Специально отбирались те, кто имел опыт боевых действий, достаточный уровень военной подготовки (например, в объеме курса Военно-полицейского училища), был безупречен в отношении прошлого и хорошо зарекомендовал себя. Хорошей иллюстрацией в этом отношении являются трое полицейских, откомандированных на военную службу из Мулинского отряда. В. Э. Лукеш, член Союза мушкетеров с 1925 г., служил в Русской группе войск генерала Чжан Цзунчана в составе Юнкерской роты 65-й дивизии, имел чин фельдфебеля китайской службы. Был ранен в одном из боев. После возвращения из китайской армии он продолжил работу в Союзе мушкетеров, возглавляя здесь строевую подготовку. В дальнейшем, будучи уже на службе в горно-лесной полиции, Лукеш окончил Ханьдаохэцзийское ВПУ (1936). Д. М. Ложенков, после окончания военно-полицейского училища работал на радиоперехватчике ЯВМ в пограничном поселке Хулин. Я. П. Федорев, в 18 лет окончивший курс ВПУ, как отличник подготовки был оставлен на полгода в училище в качестве инструктора. Позднее он возвратился в свой отряд, где и служил до откомандирования на военную службу.

Из железнодорожной полиции западной линии в отряд был направлен Н. Н. Бородин, в 1930 г. в 15-летнем возрасте бежавший в Маньчжурию с территории СССР с двумя братьями. С 1937 г. он

служил в отряде железнодорожной полиции станции Цаган, располагавшейся в нескольких километрах от советской границы.

15 марта 1938 г. группа кандидатов на звание младших офицеров прибыла на станцию Сунгари-2. Курсанты были обмундированы в форму маньчжурской армии, но без погон, и сразу же начались изнурительные занятия на основании японских уставов на японском языке. В качестве переводчиков на занятиях присутствовали майор Косов и капитан Ассерьянц. После месячной подготовки курсанты получили свои первые звания: от ефрейтора до старшего унтер-офицера, в зависимости от продемонстрированного уровня подготовки.

Система воинских званий в отряде, формально формируемом в составе армии Маньчжоу-го, так же как и в маньчжурской армии, полностью соответствовала системе, принятой в японской армии. К рядовому составу относились рядовой 2-го класса (нитто-хэй), рядовой 1-го класса (итто-хэй), старший рядовой (ефрейтор — джото-хэй). Унтер-офицерский состав включал капрала (старший ефрейтор — го-чо), младшего и старшего унтер-офицеров (гунсо, со-шо). Затем следовали старшина (фельдфебель — юн-и), прапорщик (старшина 1-го класса — юнши-кан) и обер-офицеры (и-кан): подпоручик (второй лейтенант — шо-и), поручик (первый лейтенант — чу-и), капитан (тай-и). Замыкала офицерские звания категория штаб-офицеров (са-кан): майор (шо-са), подполковник (чу-са) и полковник (тай-са).

Вновь произведенных в младшие командиры эмигрантов распределили по подразделениям. По планам японского командования, отряд должен был состоять из четырех подразделений — стрелкового, саперного, артиллерийского и подразделения связи. По фамилиям командиров подразделений — капитанов Васё (с августа 1938 г. — капитан Кодама), Асакура, Кусиада, Омуро — они именовались часть Васё, часть Асакура, часть Кусиада, часть Омуро. В случае смены командира изменялось и название части.

Стрелковая часть Васё состояла из трех взводов, имевших по три отделения. Помощниками командира части являлись поручик Китамура и прапорщик И. И. Якуш⁶⁹, взводными

командирами — поручики Исино, Икэда и Айда. В состав саперной части Асакура входили два взвода под командованием поручиков Хиромасу и Катахира. Артиллерийская часть Кусиада и часть связи Омура являлись взводами. Во главе отряда стоял штаб, сформированный из нескольких отделов: строевого, учебного, интендантского, идеологического. В состав штаба помимо майора Асано и штабных офицеров Косова и Ассерьянца входили начальник штаба майор Синода Ракузо, штабные офицеры — майор Минами, капитан Идзима, адъютант отряда — капитан Адачи, интенданты — капитаны Хокари и Оно, поручик Симасэ⁷⁰ и др.

В середине апреля 1938 г. на Сунгари-2 начал прибывать рядовой контингент отряда, составивший около 200 человек. Подбор кадров для службы в отряде осуществлялся через структуры эмигрантской администрации, Управление отрядами горно-лесной полиции, РФС.

В Харбине набором эмигрантов на военную службу занимался 7-й отдел БРЭМ — Дальневосточный союз военных⁷¹, формально объединявший в своем составе большую часть бывших военнослужащих Белой армии и лиц, окончивших военные учебные заведения в эмиграции. На местах набор происходил под контролем районных отделений Бюро, на западной ветке КВЖД и в Трехречье с преимущественным казачьим населением — через станичные и поселковые казачьи правления. При этом далеко не всегда будущие военнслужащие знали цель своего назначения. Так, в Онэнорском районе 14 молодых казаков, отобранных станичным правлением для службы в армии, вплоть до прибытия на место назначения полагали, что едут учиться на курсы шоферов⁷².

Один из отправленных на «курсы шоферов» являлся П. Г. Литвинцев, едва достигший в то время 17-летнего возраста. В феврале 1938 г. Литвинцев, проживавший с семьей в поселке Култук, был вызван вместе с еще 11 молодыми казаками в Онэнорское управление станичного атамана, где их определили в команду непосредственных участников традиционного казачьего праздника, проводившегося ежегодно 30 марта. Полтора месяца 80 молодых казаков из различных поселков обучались строю, ружейным

приемам, штыковому бою и снарядной гимнастике. На следующий день после окончания праздника Литвинцев получил приглашение явиться к станичному атаману Парыгину, где ему было объявлено, что он направляется на курсы шоферов и любые возражения здесь неуместны, а родители будут извещены о его учебе. Через три дня после разговора со станичным атаманом Литвинцев в группе из 25 человек на машине прибыл на станцию Няньцзышань, где была организована медицинская комиссия, отобравшая 14 претендентов на обучение на «курсах шоферов». На следующий день будущие «курсанты» выехали на станцию Сунгари-2, остальные были выпущены по домам.

Аналогичным образом ситуация с «призывом» складывалась в Трехречье. Например, проживавший в поселке Верхние Кули В. С. Алтабасов в апреле 1938 г. был вызван к станичному атаману генералу Г. Е. Мациевскому в поселок Драгоценка. Мациевский объявил Алтабасову, что тот отправляется на станцию Сунгари-2 учиться, не конкретизировав, чему именно («поедешь учиться на станцию Сунгари-2, а на кого учиться он мне не сказал»), и вручил ему пакет, который нужно было по прибытии на место назначения передать начальству.

В марте 1938 г. Управление отрядами горно-лесной полиции распорядилось направить на формирование эмигрантского армейского подразделения по несколько человек от каждого полицейского отряда, что и было выполнено. Известно, например, что полицейский отряд на Мулинских угольных коях направил в армию 10 человек, отряд на Кисийский угольных коях — 15, отряд на станции Эрдаохэцзы — 10 человек и т. д. Полицейские подразделения обеспечили половину всего будущего состава первого эмигрантского воинского отряда.

Некоторую часть отряда составили добровольцы. Так, 12 добровольцев на военную службу направил фашистский союз К. В. Родзаевского. Были среди добровольцев и люди, не являвшиеся членами союза. Получив информацию о возможности поступить на военную службу через РФС, они подали заявления вместе с другими претендентами. Одним из добровольцев был

А. М. Богатырь, семья которого бежала на территорию Маньчжурии во время коллективизации в 1930 г. Мальчику в это время было десять лет. Помимо него в семье было еще шестеро детей. Первоначально положение семьи было стабильным — отец работал в крупной русской фирме «Чурин и сыновья». Но после смерти отца в 1934 г. благосостояние семьи резко ухудшилось. Анатолий в шестнадцать лет, не окончив полного курса средней школы, вынужден был начать работать — сначала мальчиком, позднее приказчиком в магазине фирмы Чурина. Но ему хотелось чего-то большего, особенно будила воображение военная служба. Поэтому, когда весной 1938-го Богатырь узнал от своих знакомых о том, что фашистская партия набирает добровольцев для службы в японской армии и им обещают хорошее жалованье, он подал прошение о зачислении на военную службу.

Прибывшие в апреле 1938 г. на станцию Сунгари-2 новобранцы еще раз прошли медкомиссию, дали подробные биографические данные, получили воинские книжки и обмундирование. По-видимому, первоначально отрядники были обмундированы в форму армии Маньчжоу-го без знаков отличия. Через два месяца эту форму заменили на японскую с поперечными погонами и нашивками.

Бойцы отряда были одеты в форму японской армии образца 1930 г. (тип 90), состоявшую из мундира, брюк и шерстяных обмоток цвета хаки с горчичным оттенком. Летний вариант обмундирования был изготовлен из легкой хлопчатобумажной ткани, зимний — из плотной шерстяной материи. Мундир имел жесткий стоячий воротник, пять медных или латунных пуговиц спереди, два нагрудных и два боковых прорезных или накладных кармана. Брюки имели вид бриджей длиной чуть ниже колен с застежкой внизу, и заправлялись в обмотки из шерстяной ткани. Дополняли обмундирование полевая кепи (зимой в помещениях гарнизона военнослужащие носили фуражки) и коричневые ботинки из свиной кожи до лодыжек. Знаки различия в виде поперечных нашивок размещались на стыке плеча и верхней части рукава мундира. На полевой кепи отрядники носили пятилучевую пятицветную

(сообразно цветам государственного флага) звезду, принятую в армии Маньчжоу-го. В начале 40-х гг. военнослужащие отряда стали переводиться на обмундирование образца 1938 г. (тип 98), отличавшееся от типа 90 главным образом моделью воротника, который был стояче-отложным.

Верхняя одежда военнослужащих состояла из шинели и зимнего пальто. Шинель тип 90 шилась из плотной шерстяной ткани, являлась двубортной с двумя вертикальными рядами пуговиц. К воротнику пристегивался большой капюшон. Шинель типа 98 стала однобортной. Зимой выдавались двубортные пальто с подкладкой из овчины или меха и зимние папки с поднимающимися наушниками. Зимние полуботинки дополнялись гетрами и крагами на меху.

К концу апреля формирование отряда было закончено. 29 апреля 1938 г. отряд получил государственный акт о его основании (Высочайший Рескрипт) и официально начал свое существование⁷³. По фамилии командира отряда майора Асано подразделение стало именоваться «отряд Асано» (япон. — Асано бутай).

Глава 3

Отряд Асано (1938 — июнь 1941 г.)

Что представлял собой отряд Асано в военно-техническом отношении? На вооружении личного состава отряда находились японские пятизарядные магазинные винтовки Арисака тип 38, ручные пулеметы Арисака тип 96 и 50-мм ручные гранатометы тип 89⁷⁴ (рис. 1–4). Унтер-офицерский и офицерский состав был вооружен «маузерами» Намбу тип 14 (рис. 5), чины от фельдфебеля и выше имели сабли⁷⁵. Впрочем, японские офицеры, особенно происходившие из старых самурайских родов, предпочитали носить вместо сабли самурайский меч, нередко передававшийся в семье из поколения в поколение. Это не соответствовало уставу, но было широко распространено в японской армии.

Артиллерийская часть отряда располагала двумя горными 3-дюймовыми (75-мм) пушками тип 41 (образца 1908 г.) и 70-мм горной гаубицей образца 1932 г. (бомбометом) на конной тяге⁷⁶.

Подразделение связи работало с японскими радиостанциями «Гогоки», с 1941 г. — «Когатаки», «Муяо», используя трехзначный цифровой шифр. Связисты имели в распоряжении не только радиостанции, но также почтовых голубей и собак. Часть Омуро делилась на три отделения: радиотелеграфистов (15 человек), почтовых голубей (5 человек) и связных собак (5 человек). Голубеводами и собаководами в подразделении обычно становились те, кто не имел полного среднего образования⁷⁷.

Все обучение русских отрядников проходило на основании японских уставов и на японском языке. Срок обучения в отряде составлял два года.

Рис. 1. Винтовка и карабин Арисака тип 38

Рис. 2. Ручной пулемет Арисака тип 11 и 96

Рис. 3. Станковый пулемет Тайсё тип 14

Рис. 4. Ручной гранатомет тип 89

Рис. 5. «Маузер» Намбу тип 14

В первые месяцы службы все асановцы осваивали стандартный армейский курс — строевую подготовку, материальную часть вооружения, огневую подготовку, фехтование на штыках, действия бойца в одиночном порядке и в составе подразделения, караульную службу и т. д.

Большое внимание уделялось «моральному воспитанию». В японской армии еще в середине 20-х гг. была введена политико-воспитательная работа. Считалось, что моральное совершенствование ценнее, чем физическая сила. В армейских документах, где была представлена концепция морального воспитания, говорилось: «Дисциплина, воинская доблесть, героизм и, наконец, победа даются только тем, кто одухотворен идеей преданности его императорскому величеству»⁷⁸. На так называемых «духовных лекциях» русским солдатам внушалась идея героизма и патриотизма японской армии, являющейся образцом для подражания, важности борьбы против Коминтерна и создания Великой Восточной Азии,

в состав которой должны были войти и российские территории до Урала. Вряд ли такие беседы сильно одухотворяли русскую молодежь, воспитанную в целом в рамках русских национальных традиций.

Важное участие в «духовном воспитании» бойцов отряда Асано должна была играть отрядная газета «К победе!», выдержанная в русском националистическом духе и приверженности идее создания «единого дома» под «японской крышей» в Маньчжоу-го. Составителем и редактором газеты являлся старший унтер-офицер Витвицкий, работавший при штабе отряда⁷⁹.

Поскольку отряд Асано имел «японский строй» и все команды отдавались на японском языке, солдатам было необходимо хотя бы элементарное знание этого языка. В связи с этим в программу обучения для русских военнослужащих отряда был включен курс японского языка. Специальных дисциплин разведывательно-диверсионного характера первоначально в учебной программе отряда не было.

Особенностью и нормой японской армейской системы являлось постоянное применение физического воздействия со стороны командиров к подчиненным и со стороны старослужащих и старших по званию низших чинов к младшим и новобранцам. По воспоминаниям служивших в отряде Асано, вплоть до прихода к руководству в отряде русских офицеров в 1944 г. здесь процветало рукоприкладство. Среди русского младшего комсостава отряда в этом особенно преуспевал фельдфебель артиллерийской части (на конец 1938 г.) В. В. Тырсин, который, по отзывам младших сослуживцев, отличался «зверски-грубым обращением с провинившимися, особенно при производстве дознаний по различным проступкам»⁸⁰.

В сентябре 1938 г. состоялся первый смотр отряда Асано командующим войсками 4-го военного округа. Командующий остался доволен подготовкой бойцов, в связи с чем несколько русских старших унтер-офицеров были произведены в фельдфебели (А. И. Бердник, В. Н. Мустафин, Н. В. Рычков, И. И. Приказчиков, В. В. Тырсин и др.), а в феврале 1939 г. майор Асано был повышен

в звании до подполковника⁸¹. Вскоре появились и первые отчисления из отряда. Так, в октябре 1938 г. за систематическое пьянство был уволен старший унтер-офицер, каптенармус стрелковой роты Д. М. Золотаев.

В сентябре–октябре 1938 г. состоялся первый учебный поход отряда (часть Кодама) в район реки Чол. Сочетание горных падей и ущелий, поросших вековыми лесами, с многочисленными горными речками и речушками делало эти места идеальным полигоном для учебного похода. К тому же с начала 30-х гг. в Чольском районе существовало несколько русских поселков, население которых постоянно росло в связи с переселением эмигрантов из Харбина. Бойцов отряда Асано всегда тепло встречали на чольской концессии.

В марте 1939 г. был осуществлен второй набор эмигрантской молодежи в отряд Асано. Сто новобранцев были призваны в основном из населенных пунктов по западной ветке КВЖД, из районов Чола и Трехречья. Так, трехреченский набор составил 50 человек⁸², набор в Онэнорском районе — 35 человек⁸³. В массе своей это была казачья молодежь, воспитанная в духе старых казачьих традиций, с уважительным отношением к страшим и вышестоящим, с детства прекрасно владевшая навыками конной езды. Многие молодые казаки, регулярно занимаясь охотой, были хорошими стрелками. Возможно, большое количество казаков среди военнослужащих отряда Асано, а также стремление сделать отряд более мобильным в условиях пересеченной горно-лесной местности большинства районов Северной Маньчжурии заставили японское руководство начать перевод отряда во второй половине 1939 г. на конный строй. Окончательно реорганизация отряда завершилась к февралю 1940 г.

При переводе на конный строй отряд первоначально сохранял старое деление на части, но позднее они были заменены эскадронами. В 1940–1941 гг. отряд состоял из двух стрелковых эскадронов трехвзводного состава и эскадрона связи, включавшего четыре отделения. В составе стрелковых эскадронов третий взвод

являлся пулеметным. Первый эскадрон возглавлял капитан Томинага, имевший среди отрядников прозвище «Губа». Инструктором верховой езды эскадрона являлся капитан Икэда. Пулеметным взводом 1-го эскадрона командовал поручик Тамизава. Командиром второго эскадрона первоначально оставался капитан Асакура, который в апреле 1942 г. был замещен капитаном Катахира. Связистами до лета 1941 г. командовал капитан Омуро⁸⁴. В составе отряда действовала учебная команда для подготовки унтер-офицерских кадров, находившаяся под началом капитана Китамура⁸⁵. В штабе отряда появился новый отдел — ветеринарный.

Кроме того, из бойцов, имевших соответствующие навыки, была сформирована группа специалистов, в чьи обязанности входило обеспечение нормального функционирования подразделений, — кузнецы, портные, сапожники, ветеринары. Существовали курсы для подготовки специалистов.

В составе отряда был организован клуб, в рамках которого работала библиотека и созданные силами военнослужащих драматический и музыкальный кружки. В руководство клуба входили вахмистры Витвицкий и Приказчиков, служившие в идеологическом отделе штаба. У Приказчикова нарастали проблемы со здоровьем, делавшие его малопригодным для строевой службы, — одна из его рук стала сохнуть и плохо сгибалась. В дальнейшем, уже будучи офицером, он будет постоянно носить ее заложенной за борт кителя. Важное место в деятельности клуба занимал Нил Бахвалов, замечательно игравший на гармонии и выступавший на сцене в роли комика. Постановки отрядного драмкружка носили в основном «антисоветский характер»⁸⁶.

В связи с переходом на конный строй на вооружение отряда поступили активно использовавшиеся в китайской армии чешские карабины (модель Vz24, рис. 6) и японские кавалерийские сабли тип 32 образца 1899 г. (рис. 7). На вооружении пулеметных взводов состояли по шесть ручных пулеметов Арисака тип 96 и по два станковых — Тайсё тип 14. До 1941 г. еще проводились занятия с артиллерийскими орудиями, но затем орудия были поставлены на консервацию и занятия с ними прекратились⁸⁷.

Рис. 6. Чешская винтовка Vz24

Рис. 7. Кавалерийская сабля тип 32

Несколько изменилось обмундирование отрядников. Были введены кавалерийские бриджи, высокие коричневые сапоги из свиной кожи или ботинки с крагами, снизу удерживаемыми ремешком, пропущенным под ботинком.

Лошади для отряда закупались главным образом в Трехречье. Известно, что к весне 1940 г. в распоряжении отряда находилось около 400 лошадей⁸⁸.

Перевод отряда на конный строй привел к созданию на территории военного городка дополнительных сооружений. Вероятно, в 1940 г. военный городок на Сунгари-2 приобрел свой окончательный вид. На территории гарнизона располагались четыре казармы, штабное помещение, пороховой погреб (оружейный склад и склад боепитания), окруженный валом, фуражный склад, карцер, санчасть и гимнастический городок. Территория военного городка была обнесена валом с проволочным ограждением. Имелось трое охраняемых ворот — главные, задние (или восточные) и ворота, ведущие к квартирам служащих отряда Асано, которые имели разрешение жить вне гарнизона. В непосредственной близости от военного городка находились отрядное стрельбище с артиллерийским окопом и парк на берегу Сунгари, а также квартиры для состава и их семей⁸⁹.

Жизнь отряда Асано строилась в соответствии с жесткими правилами японских уставов. В течение почти всего дня рядовой состав в расположении отряда перемещался только бегом. Подъем производился в 6 часов (зимой — в 7). После подъема солдаты строем бежали на уборку лошадей, на что отводился один час. Затем возвращались в казарму, в течение 20 минут умывались и убирали казарменное помещение и отправлялись на чай (завтрак), занимавший не более 20 минут. После чая до 12 часов следовали занятия. Каждое занятие длилось 50 минут с перерывом на 10 минут. По окончании занятий в течение часа нужно было напоить лошадей и пообедать. Во второй половине дня снова проводились занятия до 16 часов, затем шла уборка лошадей, чистка оружия, приведение в надлежащий вид обмундирования и т. д. В 19 часов состав отряда отправлялся на ужин. После ужина до 21 часа давалось свободное время, затем — вечерняя поверка и отбой⁹⁰.

Требуя четкого выполнения приказов и распоряжений и добиваясь полного подчинения, младшие командиры и офицеры нередко использовали физическую силу. Сохранилось даже свидетельство убийства японским офицером слишком строптивного русского солдата⁹¹. Обычно нарушители отрядной дисциплины подвергались таким взысканиям, как наряд вне очереди, постановка по стойке «смирно» под ружье на определенное время и, в особых случаях, карцер.

Существовала и система поощрений. Отрядникам, неоднократно отличившимся в том или ином виде деятельности, выносились благодарности и вручались специальные значки. Существовали, например, значки «За любовь к лошади» и «Отличник фехтования (на штыках)»⁹². Отличники боевой подготовки получали повышенное денежное довольствие.

Увольнения для рядового состава отряда разрешались только после первых трех месяцев службы и только в расположении гарнизона — в парк на берегу Сунгари. Здесь можно было находиться в военной форме и при штыке. Увольнение в китайский поселок Шанчай, расположенный в пяти километрах от военного городка, предоставлялось после полугодового обучения в отряде.

В этом случае нужно было сдать форму и в целях конспирации надеть гражданскую одежду⁹³. Краткосрочный отпуск по месту жительства был введен не ранее второй половины 1940 г. Кроме того, известны случаи посещения родителями своих сыновей, служивших в отряде Асано, что делалось на основании письменного запроса, подаваемого в ЯВМ⁹⁴.

Каждый военнослужащий отряда Асано помимо вещевого довольствия получал довольствие денежное. У рядового оно составляло 7–8 гоби (денежная единица Маньчжоу-го, заменившая прежний китайский доллар — даян. — *С. С.*) в месяц, у ефрейтора 10–12, унтер-офицеры получали до 24 гоби. Ежемесячное денежное пособие получала и семья военнослужащего. За рядового его семье выдавалось пособие в размере 30–40 гоби⁹⁵.

В мае — августе 1939 г. один из взводов отряда находился в Тоогенском районе, где власти Маньчжоу-го выделили земельные участки для эмигрантов, желающих переселиться сюда из Харбина и других районов восточной ветки КВЖД. Тоогенский район имел важное стратегическое значение, так как располагался в непосредственной близости от советско-китайской границы, в живописной долине р. Тайванхэ. Для освоения Тоогенского района сюда тянули железнодорожную ветку от станции Цзямусы. Отрядники несли охрану чиновников-землемеров, работавших в районе, а в августе 1939 г. предприняли карательную экспедицию против хунхузов, убивших 14 русских переселенцев. Асановцы настигли китайский отряд, насчитывавший около 150 человек, но разгромить его не смогли. В ходе короткой перестрелки китайцы отошли, потеряв 3 человек пленными, которые в дальнейшем были отправлены на грузовой машине в Тооген, а русские вернулись на базу⁹⁶.

Тем временем в мае 1939 г. начались боевые действия на монгольско-китайской границе в районе р. Халхин-Гол (в японской традиции — район Номонхан). События на Халхин-Голе стали результатом целой цепи разведывательно-провокационных действий Квантунской армии на значительном протяжении пустынной границы между Монгольской Народной Республикой, не

признанным никем, кроме СССР, государством, и Маньчжоу-го, имевшей слабую демаркацию, а иногда и вообще не имевшей ее. В какой-то степени бои на Халхин-Голе стали проверкой готовности СССР выполнить свои обязательства по заключенному в марте 1936 г. военному союзу с МНР и боеспособности советской Красной армии.

Военные действия на Халхин-Голе велись с использованием всех родов войск. Помимо японской 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Комацубара и ряда приданных ей подразделений в конфликте приняли участие части армии Маньчжоу-го, в том числе и баргутская кавалерийская бригада (Северо-Хинганский охранный отряд) под командованием генерал-лейтенанта Уржина Гармаева⁹⁷, в прошлом офицера войск атамана Г. М. Семенова, видного общественного и политического деятеля баргутской (бурятской) эмиграции в Китае. В отличие от баргутов русские воинские подразделения в событиях на Халхин-Голе не участвовали, но отдельные русские эмигранты находились в действующих частях.

В июле 1939 г. из команды связи отряда Асано на театр военных действий было откомандировано шесть радистов: младший унтер-офицер Г. В. Ефимов, рядовые Б. И. Цыганков, М. А. Натаров, А. Поротников, Городецкий, Козловский. Возглавлял группу японец Сасано. Русские радисты были приданы информационному отделу Штаба японской армии, где и находились до августа-октября 1939 г.⁹⁸ В качестве пропагандиста на театр военных действий на некоторое время выезжал вахмистр Витвицкий. Помимо радистов из отряда Асано на Халхин-Голе находились несколько русских радистов и переводчиков из подразделений ЯВМ.

В ходе боев 22 июля при прорыве из окружения японские части, в составе которых находились русские радисты, были атакованы советской авиацией. В этом бою сраженный осколком советской авиабомбы погиб один из асановцев — М. А. Натаров⁹⁹. Тело погибшего было доставлено в Харбин и здесь захоронено с воинскими почестями в ограде Николаевского кафедрального собора, несмотря на протесты харбинского митрополита Мелетия.

Похороны Натарова превратились в крупный антисоветский митинг с большим стечением народа, участием учащихся школ, эмигрантской администрации. Представителем отряда Асано на похоронах являлся майор Ассерьянц, прибывший в Харбин в сопровождении нескольких одетых в гражданскую форму отрядников. В своей речи во время погребения Натарова начальник БРЭМ генерал В. А. Кислицин сказал: «героическая смерть вознесла его [Натарова] на недостижимую высоту, сделала его нашим национальным героем... Начиная культ героев похоронами Натарова, продолжим его постройкой памятника всем нашим соотечественникам, павшим в борьбе с коммунизмом в последние годы. Покажем, что культ героизма как раз является тем, что цементирует наше русское боевое единство и наше русско-ниппонское братство, освященное кровью павших»¹⁰⁰. Позднее на могиле Натарова был сооружен памятник, а напротив собора в 1942 г. была открыта часовня — памятник борцам с Коминтерном.

Еще один радист-асановец, находившийся в командировке на Халхин-Голе, Городецкий, после увольнения в резерв в 1940 г. по неизвестной причине покончил жизнь самоубийством в Харбине¹⁰¹. По некоторым сведениям, майор Косов также получил ранение (или контузию) на Халхин-Голе и в дальнейшем хромал на левую ногу. По другим свидетельствам, он был ранен еще в 1938 г. на озере Хасан¹⁰². В любом случае в конце 1939 г. Косов был отозван из отряда Асано в распоряжение Штаба 4-го военного округа Маньчжоу-го и в отряд больше не возвращался.

Что касается переходящих из публикации в публикацию легенд об участии всего состава отряда Асано в боевых операциях на Халхин-Голе¹⁰³, нужно отметить, что никаких конных эскадронов асановцев (находившихся в это время в стадии формирования), тем более пятого (первоначально их было только два) под командованием поручика Тырсина (офицеров из эмигрантской молодежи в это время просто не существовало), в стремительном встречном бою вырубавших полностью монгольские подразделения, на Халхин-Голе не было.

Завершение халхин-голской авантюры было ускорено совершенно неожиданным для Японии заключением в августе 1939 г. военно-политического союза между Германией и СССР в рамках пакта Молотова — Риббентропа, оставившего Страну восходящего солнца без союзников. После этих событий в японском руководстве в очередной раз разгорелась борьба между сторонниками «северного» и «южного» вариантов экспансии, с явным перевесом второго.

В то же время, вероятно, именно Халхин-Гол подтолкнул японцев к введению в программу обучения отряда Асано разведывательно-диверсионных дисциплин, но окончательно назначение отряда изменилось только в 1941 г.

В период халхин-голских событий в среде русской эмиграции вновь поползли слухи о близкой войне между Японией и СССР, которая может стать для эмигрантов «освободительной». Слухи подкреплялись некоторыми публикациями из периодической печати. В журнале «Друг полиции» № 9 от 1939 г., в частности, говорилось, что японцы не являются врагами для эмигрантов и, если случится война между Японией и СССР, она «будет для русского народа войной освободительной». А пока в задачи полиции входит «очищение освобожденной территории от оставшихся на ней скрытых, враждебных новому строю коммунистических элементов... Русские молодые люди, прошедшие курс наших полицейских школ, получили для этого прекрасную, всестороннюю подготовку. В основу их воспитания положены великие принципы Ван-Дао, провозглашенные Конфуцием и разработанные далее его учеником Лао-Цзы...»¹⁰⁴

Претворением в жизнь великого принципа ван дао (императорского пути) как основы объединения под «японской крышей» народов, проживающих на территории Маньчжоу-го, занималась созданная в 1932 г. полуправительственная организация Киовакай (кит. — Сехэхуй). Русские эмигранты были включены в состав Киовакай в 1939 г., в качестве одного из «коренных народов» Маньчжоу-го. В это же время появилось русское подразделение

молодежного отдела Киевакай, а летом 1940 г. начали действовать Высшие курсы Киевакай для русской молодежи, включавшие в себя и начальную военную подготовку.

Русский женский отдел Киевакай, Кокубо фуцзинкай, нес своеобразное шефство над бойцами отряда Асано, ежегодно собирая пожертвования на подарки военнослужащим и выезжая время от времени на Сунгари-2 с театральными постановками¹⁰⁵.

Летом 1940 г. на западной линии КВЖД (станция Хакэ в 30 км от Хайлара) и в Трехречье (поселок Драгоценка) прошли военно-учебные сборы, в которых приняли участие молодые эмигранты практически из всех русских населенных пунктов западной линии. Занятия на сборах вели японские офицеры и резервисты из отряда Асано. В качестве наблюдателей на сборах присутствовали командующий 10-м военным округом Маньчжоу-го (Северо-Хинганская и Восточно-Хинганская провинции) генерал У. Гармаев, а также представители ЯВМ (начальник Хайларской ЯВМ — полковник Таки) и БРЭМ (начальник Захинганского бюро эмигрантов — генерал Бакшеев)¹⁰⁶. В дальнейшем многие из молодых людей, прошедших военные сборы на станции Хакэ и в поселке Драгоценка, отправились служить в отряд Асано.

Своеобразным финалом военных сборов 1940 г. стал строевой смотр казачьих учебных подразделений в составе Хакинской учебной пешей полусотни (станция Хакэ), Чжаромтинской пешей полусотни (станция Чжаромтэ), Якешинской конной сотни (станция Якешу), Хайларской пешей полусотни, Хайларской конной полусотни, Хайларской пехотной роты. В распоряжении о проведении смотра генерал Бакшеев отмечал: «...Порабощенный русский народ лишен возможности собственными силами порвать цепи рабства. Российская эмиграция материковой Азии и казачество, объединенные вокруг Бюро по делам российских эмигрантов, готовы по первому зову своего атамана Семенова прийти на помощь порабощенным братьям! В этот ответственный момент наша готовность к любой жертвенности должна быть доведена до совершенства, а потому ваша строевая подготовка... необходима вам, как воздух!»¹⁰⁷

В марте 1940 г. большая часть русских военнослужащих отряда Асано, призванных на службу в 1938 г., была демобилизована и зачислена в резерв. Из первого набора в отряде остались только часть русских младших командиров и солдат, пожелавших продолжить военную службу. Каждый увольняемый в резерв давал подписку о неразглашении сведений об отряде Асано.

Эмигранты, прошедшие военную службу в отряде Асано, оказались на особом счету у японского руководства, которое стремилось их использовать и после окончания военной службы. Известно, что весь первый состав резервистов, получив документы о демобилизации (они были нужны, в частности, для оформления резервистами новых видов на жительство, так как срок действия старых истек за время их службы), прошел собеседование с сотрудниками харбинской ЯВМ. Резервистам была предложена служба в специализированных японских учреждениях¹⁰⁸. Те, кто изъявили такое желание, в дальнейшем работали в подразделениях военной миссии, Киовакай, Главного штаба японской армии. Так, все бывшие члены РФС, уволенные из армии, работали в дальнейшем в различных отделах и территориальных отделениях ЯВМ. Тем, кто отказался работать в японских учреждениях, была оказана помощь в трудоустройстве на частные и государственные предприятия. При этом резервистам вменялось в обязанность следить за политическими настроениями русских рабочих и служащих этих предприятий.

Для поддержания боеготовности и осуществления переподготовки резервистов были учреждены ежегодно проводимые в расположении гарнизона отряда Асано военные сборы. Первые десятидневные сборы состоялись в августе 1940 г.¹⁰⁹

На смену уволенным в резерв асановцам в апреле 1940 г. в отряд пришел новый, третий набор эмигрантской молодежи. Этот набор осуществлялся под лозунгом военной службы как священной обязанности для всех русских молодых эмигрантов, являющихся пятой равноправной нацией Маньчжоу-го.

Дело в том, что 15 апреля 1940 г. в Маньчжоу-го была введена всеобщая воинская повинность («Закон об обязательной воинской

повинности») для представителей пяти национальностей, проживавших на территории этого государства: китайцев, монголов, корейцев, японцев и русских. Отныне обязательному набору в армию подлежали все русские эмигранты в возрасте от 18 до 25 лет, «имеющие полную достоверность личности, твердые убеждения и преданность»¹¹⁰, годные по состоянию здоровья и не имеющие отсрочки в связи с обучением в вузе или сложными семейными обстоятельствами.

После введения всеобщей воинской повинности для русских юношей призывного возраста выехать за пределы Маньчжоу-го стало крайне сложно. Иногда у призывников за несколько месяцев до очередного набора в армию изымали паспорт, и они становились «невыездными».

Здесь стоит отметить, что служба в армии Маньчжоу-го русской эмигрантской молодежью воспринималась весьма неоднозначно. Некоторая часть молодежи и их родители не видели ничего дурного в военной службе. Это была, по их представлению, если не священная обязанность, то по крайней мере необходимая повинность в отношении государства, предоставившего приют для них. Молодые люди, прошедшие армейскую службу, приобретали своеобразный статус «настоящего мужчины», на что указывают многочисленные документы биографического характера. В качестве примера сошлемся на воспоминания бывшего асановца М. И. Павлова: «...вся русская молодежь, служившая раньше меня [в отряде Асано] и приезжавшая в отпуски, чувствовала себя значительнее нас, которые еще не служили в этом отряде. Они рассказывали, что ничего страшного и непосильного в службе нет: форма, казармы хорошие и питание отличное»¹¹¹.

С другой стороны, для значительной части русской молодежи, особенно городской, служба в маньчжурской армии, где русские парни должны были, может быть ценой своей крови, отстаивать интересы японцев, была очень непопулярной. Молодые люди, чтобы избежать призыва, поступали в вузы (с 1941 г. в Харбине остался только один русский вуз — Северо-Маньчжурский университет, СМУ), шли на службу в полицию, симулировали различные

заболевания, всеми правдами и неправдами стремились покинуть Маньчжурию. По воспоминаниям бывшего студента СМУ, в 1940 г. наплыв абитуриентов в университет был очень высок, так как «молодых людей, которые нигде не учились, забирали в военный отряд Асано на станции Сунгари-2»¹¹². В книге воспоминаний В. Санникова, несколько лет прожившего на концессии Чол, есть несколько сюжетов, посвященных военной службе русских эмигрантов в армии Маньчжоу-го (сам он, по его словам, ее счастливо избежал). Как пишет Санников, во время призывной кампании «у каждого [из призывников] было на языке то, что на уме: как бы не попасться... Подходящих для военной службы ребят подбирали из нашей среды и увозили в военные школы... Некоторые из служащих нередко приезжали на побывку... Они производили впечатление своей выправкой и военной формой с японской саблей на боку. Но внешний вид никого не соблазнял». Санников приводит один из случаев, когда вызванный на медкомиссию призывник съел перед осмотром целую пачку сухого чайного листа, симулируя сердечное заболевание¹¹³.

Основной контингент новобранцев давала западная ветка СМЖД с ее значительным процентом казачьего населения, в среде которого военная служба по-прежнему считалась священной обязанностью. Эта идея активно поддерживалась казачьей администрацией и внедрялась в сознание молодого поколения. Интересным документом в этом отношении является сборник «Краткие сведения из уставов для обучения молодых казаков», использовавшийся в казачьих учебных командах. Общий раздел «Краткие сведения» гласил: «Каждый русский подданный, или гражданин по-теперешнему, обязан защищать свое государство. Защищать что-либо от нападающих можно только оружием. А мы, эмигранты, не признали теперешней власти в России и ушли в чужия страны, но большинство наших братьев осталось дома и невыносимо страдают от гнета коммунистов. Там, дома, нарастает большое недовольство властью, и мы, эмигранты, не собираемся оставаться вечно за границей. Коммунисты добровольно от власти не уйдут, их можно только силой прогнать. Никто посторонний не

будет изгонять для нас большевиков, самое большее, на что мы можем надеяться, — на оказание помощи, а свергнуть ненавистную власть придется нам самим. Принять участие в этом должен каждый русский и особенно молодежь. Для выполнения этих задач каждый молодой человек должен быть ознакомлен с военным делом»¹¹⁴.

Но даже в казачьих районах было немало противников службы русской молодежи в армии Маньчжоу-го. Местная казачья администрация в меру своих сил боролась с подобными проявлениями. Один из приказов начальника Захинганского районного БРЭМ генерала Бакшеева от августа 1940 г. гласил: «Ежегодно в марте месяце происходит набор молодых казаков в отряд полковника Асано. Специальные комиссии по набору, прежде чем взять то или другое лицо, тщательно и всесторонне обсуждают его семейное и имущественное положение, благополучие семьи и ее остающихся работников, и только после этого казак берется. Состояние же здоровья его определяется врачом. Несмотря на это после набора нередки случаи, когда родители взятого на службу казака возбуждают ходатайства об освобождении от службы их сына, ссылаясь на различные обстоятельства и общественные приговоры, которые охотно выдаются сердобольными общественниками. Такое положение считаю недопустимым. Станичные и поселковые атаманы обязаны принимать решительные меры против ходатайств и в корне их пресекать»¹¹⁵.

И представители эмигрантской администрации, которая не в последнюю очередь формировалась из бывших офицеров Белой армии, старались выполнить предписание начальства, отправляя в первых рядах в отряд Асано своих сыновей.

После введения закона о всеобщей воинской повинности набор эмигрантской молодежи на военную службу проходил строго через Главное бюро российских эмигрантов (ГБРЭМ) и районные отделения БРЭМ. В состав призывной комиссии обычно входили представители Бюро, ЯВМ, офицеры отряда Асано и врачи. Теперь по прибытии в отряд призывники не только заполняли необходимые документы, но и сдавали отпечатки пальцев обеих

рук. Дезертирство из армии каралось шестилетним тюремным заключением.

Вероятно, к этому времени окончательно сложился текст воинской присяги, в целом выдержанный в духе конфуцианских ценностей. Присяга строилась на следующих положениях:

1. Основой воинского духа должны быть патриотизм, искренность, доверие и человеколюбие. Слово не должно расходиться с делом и не должно быть ни малейшего нарушающего доверие поступка.
2. Все приказание начальников должны всегда и везде точно и беспрекословно исполняться, поддерживая этим строгость дисциплины.
3. Абсолютно не допускаются своевольное применение оружия и превышение власти, ложные и безрассудные разговоры и прочие незаконные действия, легко вызывающие народное недоверие и подрывающие престиж армии.
4. Военнослужащий должен сохранять опрятность и порядок, строго соблюдать чинопочитание, уважать старших и любить младших, не допускать ни низости, ни подлости, ни других поступков, могущих запятнать честь воина.
5. Военнослужащий обязан свято соблюдать воинский долг, не допускать ни малейшего страха перед неприятелем.
6. Высоко держать воинское звание.
7. Бережно относиться к казенному имуществу, строго разграничивать общеказенное и лично-частное.
8. Сохранять свое здоровье и не допускать излишней роскоши¹¹⁶.

Новобранцы отряда Асано принимали воинскую присягу на второй неделе военной службы. По описанию асановцев, принимавших присягу в 1940 г., церемония проходила поэскадронно. Японский командир эскадрона зачитывал текст присяги по-японски перед строем новобранцев, вооруженных только прикрепленными к поясному ремню штыками. Русский помощник командира переводил текст присяги на русский язык. После этого каждый новобранец ставил свою подпись под текстом присяги. В заключение

церемонии был проведен общий сбор молодых солдат в штабном здании гарнизона, где с речью выступил командир отряда, полковник Асано¹¹⁷.

Введение обязательной воинской повинности для эмигрантов поставило на повестку дня численное увеличение отряда Асано и потребовало подготовки русских офицерских кадров для обеспечения его нормального функционирования. Кроме того, наличие национальных офицерских кадров должно было облегчить более быструю адаптацию в отряде новобранцев и улучшить взаимосвязь между японским командованием и основной массой военнослужащих. В связи с этим в августе 1940 г. при отряде были организованы полковые офицерские курсы для наиболее подготовленных русских фельдфебелей и прапорщиков, рассчитанные на один год. На полковые курсы были определены братья Мустафины, Рычков, Приказчиков, Тьрсин и др. После прохождения учебной программы и сдачи экзаменов в июле 1941 г. все русские курсанты в звании прапорщиков были распределены в подразделения отряда для прохождения офицерской практики¹¹⁸.

Трое курсантов, отличников подготовки, — В. Н. Мустафин, И. И. Приказчиков и Н. В. Рычков — в качестве поощрения и воспитания чувства благодарности к Стране восходящего солнца были отправлены командованием отряда в декабре 1940 г. в трехнедельную поездку в Японию. Вместе с курсантами в Японию выехали полковник Асано, майор Ассерьянц (являлся постоянным переводчиком при Асано) и казначей отряда капитан Оно. График поездки был весьма насыщенным: группа осмотрела кладбище русских солдат, умерших в плену в период Русско-японской войны, в Хиросиме, большой буддийский храм и военное училище в Токио, курортные места в Бейпу, театры в Нагое. В Хиросиме в честь приезда гостей мэра города устроил банкет, в Токио русские курсанты удостоились чести присутствовать на обеде в японском Генеральном штабе, где с ними беседовал полковник Абэ. Там же, в Токио, асановцы встречались с консулом Маньчжоу-го в Японии — генералом Ли, который оказался в прошлом сослуживцем Нагояна по китайской армии.

В сентябре 1940 г. отряд Асано в полном составе совершил учебный поход на Нижний Чол. Это был первый большой учебный поход отряда, хотя еще в январе 1940 г. был осуществлен пятисуточный марш-бросок до города Ванфу, целью которого являлось выявление выносливости и кавалерийских навыков бойцов¹¹⁹.

До станции Чжаланьтунь отряд с лошадьми был переброшен по железной дороге, а уже оттуда двинулся в конном строю в долину реки Чол. Русское население чольской концессии устроило асановцам торжественную встречу. В процессе чольского похода отработывались боевые навыки, полученные во время обучения на Сунгари-2. Проводились тактические занятия в составе отделения, взвода, эскадрона. В общей сложности поход длился месяц¹²⁰.

В марте 1941 г. состоялся очередной призыв эмигрантской молодежи в отряд Асано. В преддверии нового набора эмигрантская администрация в Харбине решила воззвать к патриотическим и антикоммунистическим чувствам молодежи и провести призывную кампанию, демонстрируя высокий энтузиазм и сознательность молодых людей.

В феврале 1941 г. около тысячи молодых эмигрантов были приглашены в здание харбинского Коммерческого собрания для встречи с начальником БРЭМ генералом Кислициным. Не сильно уповая на сознательность молодежи, администрация приказала закрыть все двери и выставить охрану. После непродолжительной речи Кислицина, в которой он призывал молодых людей добровольно поступать на военную службу, готовя себя к будущему освобождению Родины, юноши были разбиты на группы по 30–40 человек. Затем молодые люди группами входили в соседнее помещение, где находились генерал Кислицин, японские офицеры и врачи, и выстраивались в шеренгу. Японский врач, двигаясь вдоль шеренги, указывал на подходящих юношей и те выходили на два шага вперед. Несколько человек отобрал лично Кислицин. Отобранным на осмотре были выданы анкеты, в которых нужно было указать биографические данные и род войск, где желал бы служить доброволец. Тем, кто согласился пойти добровольцем в армию, было обещано сохранение средней заработной платы

на прежнем месте работы, которую теперь должна была получать семья военнослужащего.

В результате призывной кампании добровольцев набралось около 60 человек¹²¹.

В марте 1941 г. добровольцы вместе с призывниками прибыли на станцию Сунгари-2 и начали свое обучение. Все шло в обычном режиме, но уже летом 1941 г. в связи с начавшейся советско-германской войной ситуация резко изменилась.

Глава 4

Сунгарийский отряд (июль 1941 — декабрь 1943 г.)

22 июня 1941 г. Германия без объявления войны напала на Советский Союз, что стало неприятной неожиданностью не только для сталинского руководства, но и для правящих кругов Японии.

После горькой пилюли в виде пакта Молотова — Риббентропа 1939 г. японское правительство было вынуждено откорректировать свои планы в отношении Москвы. К тому же начиная с 1932 г. Советский Союз на Дальнем Востоке постоянно поддерживал военный перевес над японцами. К началу 1941 г. советское командование сосредоточило на Дальнем Востоке более 20 процентов своих сухопутных войск. Советские дальневосточные войсковые соединения превосходили японскую группировку в Маньчжурии и Корее по численности в 1,5 раза, по орудиям и минометам — в 4,8 раза, по самолетам — в 4,5 раза и танкам — в 11 раз¹²². Все это способствовало усилению японских «евразийцев», выступавших за создание континентального блока «Германия — Россия — Япония» против морского блока «Великобритания — США». Одним из крупнейших представителей «евразийцев» являлся принц Коноз Фумимаро, вновь занявший пост премьер-министра страны в июле 1940 г.

После подписания Тройственного пакта в сентябре 1940 г. и немецкие, и японские «евразийцы» ожидали скорого подключения к нему Советского Союза, что могло бы сделать Четвертой союз мировым лидером. В известной степени следствием этих ожиданий можно считать подписание в апреле 1941 г. Пакта о нейтралитете между Японией и СССР. Однако окончательного

оформления континентального блока не произошло, наоборот, советско-германские отношения начали все больше обостряться, что обеспечило в дальнейшем разрыв союза 1939 г. и фатальную для Германии войну.

Японские правящие круги ничего не знали о подготовке плана «Барбаросса». Гитлер, презрительно называвший японцев желтыми обезьянами, не считал нужным посвящать дальневосточного союзника в свои стратегические планы. Поэтому, так же как и в 1939 г., Япония должна была стремительно реагировать на изменившуюся международную обстановку в связи с начавшейся советско-германской войной. Весь конец июня 1941 г. прошел под знаком противостояния «южного» и «северного вариантов» экспансии. В конце концов победа осталась за сторонниками «южного варианта», но с известной долей компромисса, вкладываемого обычно в слова тогдашнего военного министра Японии генерала Тодзэ Хидэки: «Нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз, подобно спелой хурме, готов будет пасть на землю».

В июле 1941 г. японский Генеральный штаб разработал очередной стратегический план¹²³ возможного военного столкновения с СССР, получивший название «Кантогун токусю энсю» («Специальные маневры Квантунской армии»), сокращенно — Кантокуэн. В соответствии с этим планом была осуществлена масштабная переброска к советской границе японских войск, которые должны были составить три фронта: восточный (приморский), северный (амурский) и западный (Большой Хинган). Но, не желая оголять китайский фронт, вместо первоначально запланированных 34 дивизий японское командование направило в Северную Маньчжурию только 24, не создав тем самым ни численного, ни технического перевеса над противником. Японцы ждали результатов немецкого наступления.

Разведуправление японского Генерального штаба, оценивая обстановку в Советском Союзе и на советско-германском фронте, в конце 1941 г., пришло к выводу, что «даже если Красная армия в этом году оставит Москву, она не капитулирует. Намерение Германии быстро завершить решающее сражение не осуществится.

Дальнейшее развитие войны не будет выгодно для германской стороны»¹²⁴. В начале сентября 1941 г. Координационный совет правительства и императорской ставки пришел к выводу, что, «поскольку Япония не сможет развивать крупномасштабные операции на севере до февраля [1942 г.], необходимо за это время быстро осуществить операции на юге»¹²⁵. А начавшаяся в декабре 1941 г. война с Соединенными Штатами сделала перспективы военного нападения на СССР весьма призрачными.

Начало войны между СССР и Германией и необходимость для Японии в данной ситуации окончательно определить свой курс привели к изменению отношения японского военного руководства в Маньчжурии к эмигрантским военизированным формированиям. Японское военное командование и спецслужбы поставили задачу превратить эти формирования в разведывательно-диверсионные подразделения, значимость которых в случае войны с СССР была бы неопределима. Введение разведывательно-диверсионных дисциплин в программу обучения личного состава стало обязательным не только для отряда Асано, но и для горно-лесной полиции и ополченческо-волонтерских структур в казачьих районах Маньчжоу-го.

В докладе начальника разведуправления Квантунской армии Янагита Гэндзо от 26 июня 1941 г. в отношении отряда Асано отмечалось следующее: «Я считаю, что его организация, а также вооружение, боевая подготовка и обучение постепенно повышаются. Однако для того, чтобы его действительно превратить в настоящую современную диверсионную часть, состоящую из русских, необходимо провести основательные улучшения как в отношении организации, так и в области вооружения, боевой подготовки, обучения и т. д. В частности, необходимо увеличение численности русского комсостава, введение русских методов обучения, усиление и поднятие на должную высоту таких специальных, необходимых для диверсантов предметов, как прыжки с парашютом, механизация, артиллерийское дело, работа среди населения, изучение вопросов, относящихся к СССР, и т. д. Необходимо также повышение качества комсостава и солдат»¹²⁶.

В июле–августе 1941 г. началась активная работа по расширению численного состава отряда Асано. Эмигрантская администрация организовала дополнительный набор на военную службу молодых эмигрантов призывного возраста. Только в Харбине для прохождения отборочной комиссии в здании Харбинского коммерческого собрания было собрано около 1500 человек¹²⁷. Помимо этого в отряд Асано были привлечены добровольцы и проведена мобилизация русских полицейских из состава горно-лесной полиции.

Для обучения молодого пополнения и собственной переквалификации из резерва на военную службу вновь были призваны русские ефрейторы и унтер-офицеры. 30 июня 1941 г. на сборный пункт в Харбине, находившийся на Большом проспекте в расположении 3-го отдела БРЭМ, прибыло 60 резервистов, которые в сопровождении майора Ассерьянца в этот же день выехали на станцию Сунгари-2¹²⁸. В августе на Сунгари-2 на очередные военные сборы прибыл рядовой состав резервистов. Обучение проходило по новой программе и затянулось до декабря¹²⁹. Пройдя переподготовку в качестве разведчиков-диверсантов, резервисты возвратились на прежние места жительства. Некоторые из них в дальнейшем привлекались для участия в проведении военных сборов и работы в качестве инструкторов по военной подготовке в учебных заведениях и подразделениях Киевакай. Часть младшего комсостава из резервистов оставалась в отряде до лета 1942 г. Что касается увольнения в резерв военнослужащих срочной службы, то вплоть до весны 1943 г. этот процесс был приостановлен в связи с неисключавшейся возможностью войны против СССР.

В конце июля 1941 г. под непосредственным руководством ЯВМ на станции Ханьдаохэцзы состоялся общий сбор части личного состава русских полицейских отрядов общей численностью в 350 человек. После двухнедельного обучения и проверки из 350 полицейских для службы в отряде Асано были отобраны 100 человек. Когда к отобраным для службы в армии обратился чин из военной миссии с предложением поднять руки тем, кто не желает служить, никто не осмелился этого сделать. Все знали

о деятельности японской жандармерии, из подвалов которой возвращались немногие. Невольных новобранцев поздравил от лица японских властей начальник муданьцзянской ЯВМ подполковник Цучия (в свое время директор Ханьдаохэцзийского военно-полицейского училища), затем они были направлены на станцию Сунгари-2¹³⁰, где вместе с добровольцами и призывниками составили три новых эскадрона.

Пополнение, прибывшее на станцию Сунгари-2, нашло здесь практически пустой военный городок. Еще 8 июля отряд Асано почти в полном составе выступил в учебно-тренировочный поход к советско-китайской границе. Главной целью похода являлось обучение личного состава методам осуществления разведывательно-диверсионной и партизанской деятельности в максимально приближенных для этого условиях приграничной полосы. Перед выступлением в поход полковник Асано обратился к своим бойцам с речью, отметив, что в случае войны с СССР они должны первыми оказаться на советской территории. Возглавил походное подразделение офицер Штаба отряда Асано капитан Идзима¹³¹. Молодые русские прапорщики, только что окончившие полковые офицерские курсы, получили хорошую возможность пройти офицерскую практику (командирами взводов) в условиях, приближенных к боевым.

Поход начался переброской личного состава отряда вместе с лошадьми по железной дороге в город Мерген, раскинувшийся в верхнем течении реки Нонни, на ее левом берегу, примерно в 230 км к северо-востоку от Цицикара. Бойцы походного отряда в новом обмундировании без погон двое суток в закрытых вагонах добирались до места назначения. В Мерген прибыли 10 июля и расположились лагерем у реки. Здесь личный состав получил оружие: карабины и легкие пулеметы чешского производства, японские гранатометы. 15 июля отряд в конном строю покинул лагерь, направляясь к русским поселкам Чичилин и Алексеевка, размещавшихся километрах в двухстах от Мергена. Отряд сопровождал обоз с месячным запасом продуктов. Новый лагерь был разбит недалеко от русских поселков на берегу речки Алихэ. Здесь

были построены землянки для личного состава, макет деревянного моста и другие тренировочные сооружения. В течение двух месяцев асановцы изучали подрывное дело и тактику партизанских действий в тылу врага¹³².

В сентябре походный отряд, получив соответствующий приказ, возвратился в город Мерген, бросив недостроенным зимний лагерь. Здесь для личного состава была организована медицинская комиссия, все больные подлежали возвращению на Сунгари-2. Вместе с ними в расположение гарнизона возвращались несколько офицеров и младших командиров для обучения прибывшего на Сунгари-2 молодого пополнения. Группу инструкторов возглавил капитан Асакура. В нее вошли недавно произведенные в прапорщики Г. В. Шехерев, К. И. Лисецкий и В. Э. Лукеш, унтер-офицер А. М. Богатырь, рядовые Е. С. Яковлев (вестовой Асакуры) и Игнатенко. Кроме того, на Сунгари-2 был отправлен весь конный состав походного отряда.

Оставшиеся в Мергене бойцы были разбиты на четыре взвода и вскоре по железной дороге скрытно переброшены в город Сахалян (сегодня город Хэйхэ. — С. С.)¹³³.

Несмотря на высокий уровень секретности, окружавшей деятельность походного отряда, сведения о нем очень быстро попали в руки советским спецслужбам. Уже 18 июля 1941 г. начальник Управления госбезопасности по Хабаровскому краю сообщал секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) о переброске военной школы «Асано» к границе в районе Сахаляна «с целью выброски мелкими группами на нашу территорию в красноармейской форме для организации диверсионных актов и распространения листовок»¹³⁴. Это лишний раз указывает на то, что советская сторона пристально наблюдала за событиями на границе и имела очень широкую сеть осведомителей в Маньчжурии.

На сахалянской железнодорожной станции личный состав походного отряда сутки находился в закрытых вагонах. Бойцы здесь были переодеты в полицейскую форму без знаков различия. Всем было разъяснено, что необходимо держать в строжайшей тайне назначение отряда, запрещалось обращаться к вышестоящим по

званию, заменив его безликим «господин старший». Ночью личный состав отряда был подвезен к пристани на реке Амур и погружен без лишнего шума на пассажирский пароход¹³⁵.

Пароход взял курс вверх по течению Амура на город Опу (Оцу), лежащий примерно в 300 км от Сахалина. В районе Опу располагались переброшенные к границе на случай войны с Советским Союзом японские воинские части. Во время движения по Амуру асановцам было запрещено появляться на палубе в дневное время и смотреть из иллюминаторов в сторону советского берега¹³⁶.

Разгрузка в Опу также проходила ночью. Рано утром отряд выступил к югу от города в сопки, находясь в 30 км от советской границы. В течение месяца отрядники обследовали границу, обучались подрывному делу. Через месяц отряд перебрался в недавно построенные казармы 12-го постоянного двора в 35 км от города Опу, в лесном местечке Чигодян. Военный лагерь строго охранялся специальными караульными постами. Местное население не подпускалось близко к месторасположению лагеря. Продукты, доставляемые китайцами, складировались в специально подготовленном месте, откуда уже доставлялись в расположение отряда¹³⁷.

В Чигодяне большая часть отряда размещалась до начала июня 1942 г., осваивая тактику партизанских и диверсионных действий. Наибольший интерес у японского командования в данном районе вызывала Амурская железная дорога, которую в случае начала войны с СССР должны были в первую очередь вывести из строя диверсанты.

На занятиях асановцы изучали систему охраны границы советских приамурских районов — пограншосты, секреты, засады, маневренные группы, режим их расположения и смены и т. п.; способы перехода границы, маскировки, разведки, нападения и уничтожения различных объектов, живой силы противника и т. д. На складе отряда имелось большое количество заготовленных на случай начала войны листовок, в которых бойцам Красной армии предлагалось прекратить военные действия и перейти на сторону японцев. Листовки были обращены и к местному населению

с призывами свергнуть власть большевиков и установить сотрудничество с новой администрацией¹³⁸.

В конце 1941 г. выпускники полковых офицерских курсов были произведены в корнеты. Часть личного состава получила очередные воинские звания ефрейторов и унтер-офицеров.

В целях улучшения подготовки личного состава отряда для действий на советской территории в учебную программу подразделений было введено изучение уставов Красной армии, вся система обучения была переведена на русский язык.

В декабре 1941 г. взвод под командованием капитана Казияма и корнета Рычкова получил особое задание. Личный состав взвода на самолетах был переброшен еще выше по Амуру, в город Мохэ, откуда на конных санях передислоцировался в район заставы Юнходян, примерно в 30 км от советской границы. Здесь асановцы изучали строевую и тактическую подготовку в составе взвода, методы ведения партизанских действий в тылу врага, особое внимание уделялось подрывному делу. Весной 1942 г. взвод Казияма был направлен на строительство дороги от берега Амура до заставы Юнходян и сооружение пристани на амурском берегу. В мае корнет Рычков получил приказ о возвращении на Сунгари-2, а его место занял переброшенный из Чигодяна прапорщик Д. Л. Ложенков.

В июне 1942 г. оба подразделения походного отряда в скрытном порядке вернулись в расположение своей воинской части на станции Сунгари-2. Участники похода получили соответствующие значки, а в конце 1944 — начале 1945 г. все участники Амурского похода 1941–1942 гг. (или 1-го Амурского похода) получили награды от правительства Маньчжоу-го. Те, кто в течение всего похода находились в строю, были награждены медалями и орденами Чукокусэ (Столпов государства) VII–VIII степени (рис. 8). Те, кто по какой-либо причине покинули походный отряд раньше окончания срока похода, получили в качестве подарков деревянные чаши с изображением герба Маньчжурской империи¹³⁹.

В то время когда старый состав отряда Асано находился в Амурском походе, на станции Сунгари-2 шло формирование

второй очереди отряда в составе трех эскадронов. В сентябре 1941 г. японским командованием было принято решение перебросить 6-й эскадрон отряда, укомплектованный в основном мобилизованными полицейскими, для постоянной дислокации на станцию Ханьдаохэцзы. 7 сентября сто человек нового состава отряда Асано под командованием капитана Китамура в закрытых вагонах были отправлены на станцию Ханьдаохэцзы. В октябре 1941 г. был сформирован еще один эмигрантский воинский отряд, дислоцировавшийся в Хайларе. О жизни этих подразделений мы расскажем в следующей главе.

Рис. 8. Орден Чукокусё
VIII степени

Рост количества русских воинских отрядов и численности их подразделений ставили на повестку дня вопрос об увеличении контингента русских офицеров. Японцы, несмотря на то что в Маньчжурии проживало немало высококвалифицированных и опытных бывших русских офицеров Императорской и Белой армий, делали ставку на эмигрантскую молодежь. Японские власти, привлекая старых русских офицеров для работы в администрации, полиции, различных специальных учреждений, тем не менее доверяли им не полностью. Повод для этого имелся: в 30-е гг. были раскрыты, арестованы и казнены несколько русских офицеров (в частности, советскими агентами оказались

проживавшие на западной линии КВЖД полковник А. М. Заалов и генерал В. С. Семенов)¹⁴⁰, работавших на советскую разведку. И, как покажет время, японцы не только не ошибались, но даже

недооценивали размеры недовольства в эмигрантской среде и готовность сотрудничать с советскими разведорганами.

Весной 1942 г. японское командование объявило о создании Юнкерского училища при отряде Асано для подготовки офицерских кадров из эмигрантской молодежи. Набор в училище осуществлялся открыто, информация о наборе была помещена в харбинских газетах. Нужно отметить, что в это же время с отряда Асано была снята полупрозрачная пелена секретности. Офицеры отряда в 1942 г. во время празднеств по случаю 10-летней годовщины образования Маньчжоу-го впервые появились в военной форме в Харбине.

Для обучения в юнкерском училище отряда приглашались люди, имевшие достаточно высокий образовательный ценз. В частности, большое внимание обращалось на студентов единственного из сохранившихся в Харбине русских вузов — Северо-Маньчжурского университета. По воспоминаниям Н. К. Буйнова, в то время студента второго курса коммерческого факультета, «в начале мая 1942 г. все учащиеся университета мужского пола были собраны в одном помещении. Руководитель военной подготовки университета полковник Косов (в конце 1939 г. он возвратился в Штаб 4-го военного округа Маньчжоу-го, а позднее стал работать сотрудником БРЭМ и руководителем военной подготовки русских учебных заведений и Харбинского штаба Киовакай. — С. С.) зачитал положение о военном училище отряда Асано и объявил, что желающие могут поступить в него для подготовки на офицеров. Из числа учащихся университета в юнкерское училище записалось человек 20–25... Я также записался»¹⁴¹.

Несколько десятков человек для участия в отборе кандидатов в юнкерское училище были отправлены от Высших курсов Киовакай (20 лучших курсантов), ДВСВ (выпускники военно-училищных курсов), Бюро эмигрантов (20 человек). Несколько заявлений подали молодые люди призывного возраста, работавшие в различных местах, рассудив, что лучше пойти курсантом в военное училище, нежели рядовым на срочную службу.

В общей сложности в начале мая 1942 г. в здание гимназии Христианского союза молодых людей на Садовой улице в Харбине для участия в отборочной медицинской комиссии прибыло около ста человек. Комиссия определила для учебы в училище 10 человек. Пять человек были отобраны ЯВМ на восточной линии — в Лишучжэни (Мулинские угольные копи) и Мукдене. Возраст курсантов колебался от 18 до 21 года. Пятеро из них окончили один-два курса университета, остальные имели полный курс гимназии.

Перед отправкой в училище для будущих курсантов была организована встреча с начальником БРЭМ генералом Кислицыным, который сказал им напутственное слово. 20 мая 1942 г. будущие курсанты торжественно, с молебном и «чашкой чая», провожаемые представителями Бюро эмигрантов, гимназии БРЭМ, Северо-Маньчжурского университета, родными и знакомыми, были отправлены из Харбина в сопровождении полковника Косова на станцию Сунгари-2¹⁴².

По прибытии курсантов на Сунгари-2 командование отряда Асано устроило для них небольшой банкет и разместило их в отдельной казарме рядом со зданием штаба. Курсантам первоначально было выдано русское обмундирование (желто-зеленые гимнастерки и синие галифе с красными кантами с наружной стороны, черные сапоги и полевые кепи), позднее замененное на японскую форму, и погоны рядовых 1-го класса¹⁴³. В качестве личного оружия каждый курсант получил штык-нож, его носили на поясном ремне.

Командование курсантами первоначально было вверено корнету Рычкову, специально откомандированному для этого из состава походного отряда, и старшему унтер-офицеру В. Широкову. Через две недели корнет Рычков, получивший приказ возглавить новый учебный поход к границе, был заменен в должности начальника юнкерского училища корнетом Джакелли¹⁴⁴, которого через два месяца сменил капитан Хасимото, возглавлявший училище до апреля 1943 г. Заместителем Хасимото являлся прапорщик Кикучи, которому курсанты дали прозвище «Дуплов»¹⁴⁵. Позднее

на посту начальника юнкерского училища находился капитан Тамасита, а с начала 1944 г. — поручик Шехерев¹⁴⁶.

Первые полгода учеба курсантов мало отличалась от начального учебного курса рядового бойца отряда Асано, за исключением более значительного теоретического и идеологического блоков. Юнкерам давалась строевая подготовка (до 1943 г. — по японским уставам, с 1943 — на основе сочетания элементов японского, русского дореволюционного и советского воинских уставов), тактическая, включая разведывательно-диверсионные дисциплины, кавалерийское дело, водные занятия (лодки), изучение оружия (винтовка, «маузер», ручной и станковый пулеметы, ручной гранатомет, артиллерийские орудия), стрелковое дело, штыковой и сабельный бой, гимнастика, топография, связь. На занятиях по теоретико-идеологической подготовке изучали русскую дореволюционную историю, историю Японии и Маньчжоу-го, советский быт, включая историю и политическое устройство СССР, ВКП(б), Красной армии. С целью развития в будущих представителях состава русских воинских отрядов «самурайского духа» большое внимание уделялось постижению Бусидо¹⁴⁷ (Путь воина — своеобразный моральный кодекс самурайства).

Полковник Асано проводил для курсантов так называемые «духовные беседы» и рассказывал о международном положении Японии и ситуации на фронтах Тихоокеанской войны. Майор Синода читал историю Японии, майор Ассерьянц — историю России и СССР; капитан Гото — военную администрацию Маньчжоу-го; капитан Хасимото — устав внутренней жизни. Агитацию и пропаганду преподавали капитан Идзима и поручик Тырсин; тактику партизанских действий — капитан Хасимото (позднее капитан Тамасита) и поручик Приказчиков; диверсионно-подрывное дело — поручики Ядыкин и Приказчиков; стрелковое оружие и стрелковое дело — поручики Исобэ и Осака, старший унтер-офицер Б. А. Кутц; строевую подготовку — вахмистр И. А. Новиков и старший унтер-офицер Н. Н. Эпов.

Многим курсантам, пришедшим с «гражданки», было нелегко свыкнуться с новой жизнью. По воспоминаниям С. М. Голубенко,

который бросил в 1939 г. после первого курса университет, до поступления в юнкерское училище сменил несколько мест работы, одновременно являлся командиром отделения на Высших курсах Киовакай, «с шести часов утра до пяти-шести вечера с часом перерыва на обед были строевые занятия попеременно с лекциями, затем ужин. После ужина снова занятия, затем отдых по расписанию... час-два свободного времени на усвоение пройденного, писание писем домой и заполнение дневника, затем сон, прерываемый звуком трубы и матом соседей по койкам»¹⁴⁸. По окончании полугодового курса всем юнкерам было присвоено звание ефрейторов. Через год курсанты «получили погоны младших унтер-офицеров — но чего же они нам стоили, это знают только те, кто там находился — особенно вспоминаются два дня экзаменов... Вообще иногда появлялось желание покончить с жизнью...»¹⁴⁹

Не все курсанты сумели свыкнуться с новой для них жизнью. На шестом месяце обучения из училища был отчислен и отправлен для прохождения дальнейшей службы в отряд курсант Д. Муратов за оскорбление (избиение) взводного унтер-офицера Эпова¹⁵⁰.

В середине октября 1942 г. состав курсантов был дополнен 10 старослужащими отряда Асано, имевшими среднее образование и добровольно пожелавшими поступить в юнкерское училище. Часть из них носили звания старших ефрейторов и младших унтер-офицеров и только что вернулись из Амурского похода. Теперь в юнкерском училище обучались 24 человека. Первоначально отношения между «старыми» и «новыми» курсантами были натянутыми, но в дальнейшем юнкеры стали жить одной большой дружной командой.

На втором году обучения курсанты на практике осваивали полученные в училище знания. Например, в сентябре 1943 г. они приняли участие в учебном походе отряда от станции Сунгари-2 до местечка Мадаченкоу на восточной линии СМЖД (в районе станции Яблоня)¹⁵¹.

В то время как курсанты юнкерского училища постигали азы армейской жизни, отряд Асано продолжал жить в режиме ожидания возможной войны.

В июне 1942 г. подразделения отряда Асано, находившиеся в Амурском походе, вернулись на станцию Сунгари-2. В военном городке стало тесно, здесь скопилось четыре эскадрона. Чтобы разгрузить территорию военного городка и предоставить возможность военнослужащим первого года обучения отработать на практике полученные знания, руководство отряда организовало новый учебный поход. После прохождения медицинской комиссии 70 асановцев (два взвода и команда связи) под командованием корнета Рычкова выступили в поход. Капитан Казияма теперь занимал положение военного инспектора. Кроме него русскими офицерами в отряде были корнет В. В. Тырсин, К. И. Лисецкий и Г. В. Шехерев.

Три оставшихся на Сунгари-2 эскадрона (именовавшиеся 3-й, 4-й и 5-й) продолжали обучение под командованием капитанов Томинага, Катахира и Сайто.

Учебный поход 1942–1943 гг. (2-й Амурский поход) проходил по отработанной год назад схеме. Эскадрон в армейской форме без знаков различия был переброшен по железной дороге до города Сахалин. Здесь в закрытых вагонах бойцов переделали в форму горно-лесной полиции, ночью погрузили на пароход и отправили вверх по Амуру к заставе Юнходян. По прибытии к месту назначения асановцы расположились километрах в двадцати от японской заставы на берегу реки Албазин. Они сами построили себе несколько барачков для жилья и складских помещений¹⁵². С сентября 1942 г. начались занятия. Осень считалась самым лучшим временем для изучения границы: лес оголялся, и это позволяло без помех вести наблюдение, а увядающая трава не сохраняла следов во время перемещений.

Главным объектом наблюдения асановцев являлся участок границы в зоне ответственности советских застав Покровка и Джалинда. В случае начала войны именно этот участок предназначался для пересечения границы. Перебравшись на советскую территорию, диверсанты должны были вывести из строя Амурскую железную дорогу, взорвав Амазарский и Олдойский железнодорожные мосты. Для отработки подрывной техники использовался

деревянный макет моста, сооруженный отрядниками. Кроме того, предполагалось проникновение в расположение советских частей и отравление пищеблоков и источников воды, для чего изучались два вида отравляющих веществ. Все бойцы и командиры отряда имели красноармейскую форму. Эта форма использовалась один раз, в период трехдневных учений отряда в марте 1943 г.¹⁵³

Активно изучались и отрабатывались методы партизанской деятельности — ведение боя небольшими группами, разведка местности и населенных пунктов, уничтожение мостов, складов, средств связи, разгром штабов и мелких подразделений Красной армии, а также методы антисоветской пропаганды среди гражданского населения в тылу противника, в том числе составление листовок¹⁵⁴.

В марте 1943 г. группа асановцев в десять человек под руководством корнетов Шехерсва и Лисецкого находилась на заставе Юнходян, осуществляя «диверсии» на советской стороне. Ночью (или рано утром) в белых маскировочных халатах они переходили замерзший Амур в районе советской погранзаставы Сгибнево и, не сходя со льда, перебрасывали на советскую сторону листовки, стараясь попасть на контрольную тропу. Днем «диверсанты» скрытно возвращались на берег реки и наблюдали реакцию советских пограничных патрулей на разбросанные листовки.

В августе 1943 г. походный эскадрон возвратился на станцию Сунгари-2. Все участники похода получили месячный отпуск и впоследствии были награждены медалями Маньчжоу-го. Амурский поход 1942–1943 гг. был последним большим походом асановцев, в дальнейшем практические действия отрядники отрабатывали в ходе краткосрочных учебных походов. Так, в сентябре 1943 г. три эскадрона отряда вместе с прибывшими на военные сборы резервистами под руководством полковника Асано совершили марш-бросок к местечку Мадаченкоу, расположенному в 250 км к северо-востоку от Сунгари-2. Бойцы отряда с полной выкладкой и оружием двигались поэскадронно пешим порядком, выставляя авангардные и арьергардные группы дозора в пути следования. В районе Мадаченкоу в лесу был разбит лагерь, где проводились

занятия по ориентированию, действиям в наступлении и обороне с использованием холостых патронов. На обратном пути следования отряд ночью форсировал Сунгари, используя понтонную переправу. В общей сложности поход длился пятнадцать дней¹⁵⁵.

В 1943 г. отряд Асано отметил пятилетие своего существования. По этому поводу был выпущен специальный значок в виде диска, выдававшийся старослужащим и, по-видимому, резервистам из первого состава отряда.

На протяжении 1943 г. произошел окончательный перевод обучения и жизни подразделений отряда Асано на русские и советские уставы (единственным японским уставом остался устав дисциплинарной службы), а японские офицеры передали командование эскадронами отряда в руки русских офицеров. Второй походный эскадрон возглавил поручик Рычков, третий — поручик Мустафин, четвертый — поручик Ядыкин (в 1941 г. он, как и другие чины Ханьдаохэцзийского полицейского училища, был направлен в отряд Асано), пятый — поручик Тырсин. Казалось бы, японцы сохранили за собой только высшие командные должности, но количество японских офицеров в отряде не сократилось. Теперь они играли роль советников и инструкторов.

Для пополнения русских офицерских кадров, в связи с предполагаемым переходом руководства отрядом в руки русских, параллельно с работой юнкерского училища были организованы курсы для кандидатов на звание офицеров. На курсы были зачислены наиболее подготовленные вахмистры и прапорщики отряда — А. М. Богатырь, А. В. Вращиль, Н. И. Ежовский, Г. В. Ефимов, С. Козырев, В. Э. Лукеш, А. И. Макаров, Н. Н. Постовский, Я. П. Федорев.

Курсы начали свою работу 2 февраля 1943 г. и проводились без отрыва от основной служебной деятельности кандидатов. 10 декабря того же года все курсанты, успешно сдавшие экзамены, получили звания прапорщиков и были направлены на четырехмесячную стажировку командирами взводов. Курсанты, не выдержавшие экзамены, остались в прежних званиях. В мае 1944 г. по истечении стажерского срока прапорщикам Богатырю, Вращиллю,

Ежовскому, Ефимову, Макарову, Постовскому, Федореву было присвоено звание корнета.

Описание жизни отряда Асано будет неполным, если не упомянуть о том, что в 1943 г. в военном городке была оборудована новая сцена, где силами военнослужащих осуществлялись театральные постановки «антикоммунистической» направленности, а также музыкальные вечера. Деятельность отрядного драматического кружка курировал 5-й идеологический отдел Штаба отряда. В функции идеологического отдела входило «духовное» воспитание военнослужащих, для чего с лекциями в отряд приглашались видные представители политических кругов русской эмиграции в Маньчжоу-го. В частности, с лекциями перед бойцами отряда неоднократно выступали глава Главного БРЭМ генерал В. А. Кислицин, лидер фашистов К. В. Родзаевский, официальный лектор эмигрантского бюро И. Волков. Волков, бежавший из СССР в 1940 г., был одним из главных экспертов по советской действительности.

Рис. 9. Нагрудный знак резервиста

Первое большое увольнение в резерв русских военнослужащих состоялось весной 1943 г., тогда же прошел новый набор эмигрантской молодежи на военную службу.

Все русские эмигранты-военнослужащие, увольняемые в резерв, получали номерную книжку с Положением о чинах запаса отряда Асано и становились на учет в созданном в том же году Союзе резервистов¹⁵⁶. В 1944 г. был введен нагрудный знак резервиста, который выдавался увольняемым в запас (рис. 9).

Штаб Союза резервистов располагался в Харбине, с конца 1943 г. его возглавлял полковник Асано, а заместителем начальника являлся подполковник Ассерьянц. Отделения Союза резервистов

создавались в крупных эмигрантских центрах на протяжении 1943–1944 г. Например, Союз резервистов Захинганского района был сформирован в декабре 1944 г. на съезде резервистов, проходившем в поселке Якеши¹⁵⁷. При отсутствии соответствующей структуры в местах проживания русских эмигрантов из числа резервистов назначался старший, который должен был вести учет личного состава резервистов, обеспечивать их отправку на военные сборы и т. д. После создания региональных отделений Союза резервистов военные сборы стали проходить не в расположении Сунгарийского отряда, а по месту жительства резервистов.

К началу 1944 г., после увольнения части рядового состава в резерв в конце 1943 г., отряд Асано включал в себя два кавалерийских стрелковых эскадрона (трехвзводного состава), полуэскадрон тяжелого оружия, команду связи из двух взводов, штабную команду в составе взвода и юнкерское училище. В общей сложности 350–400 человек.

Глава 5

Ханьдаохэцзийский и Хайларский отряды (июль 1941 — декабрь 1943 г.)

В сентябре 1941 г. эскадрон, возглавляемый капитаном Китамура, был переброшен на станцию Ханьдаохэцзы, положив в дальнейшем начало новому русскому воинскому отряду. Формально оставаясь эскадроном отряда Асано, подразделение практически было самостоятельным и неофициально именовалось «отряд Китамура» по имени командира эскадрона. Отряд не имел лошадей и являлся пехотной частью. Личный состав отряда разместился в здании полицейской школы, которую решено было переформировать в Учебную команду горно-лесной полиции (Кунрэнзэ — Кунрэнтай), дислоцировавшуюся на той же станции Ханьдаохэцзы¹⁵⁸.

Главной задачей Учебной команды горно-лесной полиции являлась разведывательно-диверсионная подготовка полицейских чинов, которые в случае начала войны с Советским Союзом должны были действовать в тылу Красной армии. Это кардинальным образом отличалось от деятельности прежнего Военно-полицейского училища. Первоначально предполагалось, что Учебная команда будет готовить и унтер-офицерские кадры для русских воинских отрядов.

Командный состав будущей Учебной команды был в основном набран из руководящих чинов полицейских подразделений восточной линии СМЖД. Исключение составляли трое асановцев и трое «волонтеров»-харбинцев, недавно окончивших военно-училищные курсы при ДВСВ. Так, И. С. Яшкову, чиновнику русского отдела Коммерческо-промышленного кооперативного банка, в совершенстве владевшему японским языком (с восьми лет жил,

учился и работал в Японии), служба в Учебной команде горно-лесной полиции была предложена в качестве альтернативы армейской службы; Н. П. Горлову (в 1938 г. после ухода поручика Агеева возглавлял Учебную команду РФС, в связи с чем по ходатайству Родзаевского был произведен приказом атамана Семенова в чин прапорщика) предложение о службе в Учебной команде было сделано со стороны ЯВМ. От таких предложений отказываться было не принято.

В общей сложности для будущего комсостава Учебной команды было отобрано 18 человек. В мае–июне 1942 г. для них были организованы специальные 40-дневные командные курсы в гарнизоне отряда Асано. Возглавлял курсы хорошо владевший русским языком поручик Окицу Масами, который в дальнейшем вместе со своими курсантами в качестве инспектора Учебной команды был направлен на станцию Ханьдаохэцзы¹⁵⁹.

Русским начальником отряда в звании капитана был назначен М. П. Иванов, донской казак, в прошлом сотник в частях атамана И. П. Калмыкова. До назначения в учебный отряд Иванов командовал Шитоухэцзийским отрядом горно-лесной полиции и некоторое время являлся помощником атамана казачьей станицы на станции Ханьдаохэцзы¹⁶⁰. Заместителем начальника отряда стал поручик А. А. Ильинский¹⁶¹ (в прошлом подпоручик Белой армии, десятник лесной фирмы Осима-Йоко), командиром первого взвода — поручик В. С. Плешко (надзиратель 1-го разряда полицейского отряда и уполномоченный БРЭМ в г. Тямусы), командиром второго — подпоручик Г. Т. Шимко (помощник командира Шитоухэцзийского полицейского отряда). Хозяйственной частью заведовал прапорщик И. В. Попов (из забайкальских казаков, в прошлом вахмистр в Белой армии), офицером штаба и переводчиком являлся И. С. Яшков, получивший звание подпоручика. Инструкторами в отряде были несколько японских унтер-офицеров — Эндо, Кавасаки, Сугимото, Кониси, Комя.

Открытие Учебной команды горно-лесной полиции состоялось 6 июля 1942 г.¹⁶² С торжественной речью выступил японский полковник. Он сказал, что русские эмигранты не представляют

собой значительную военную силу и у японцев достаточно войск, поэтому русским отводится роль разведчиков-диверсантов, в качестве таковых и будут подготовлены курсанты отряда.

Учебная команда дислоцировалась примерно в километре от поселка Ханьдаохэцзы, недалеко от японской воинской части, занимая одно большое здание с классными комнатами для занятий курсантов, жилыми помещениями для курсантов и младших командиров, столовой, кухней и складом. Казарма Учебной команды была обнесена стеной, вход постоянно охранялся. Офицеры и инструкторы команды проживали с семьями в поселке. Численность курсантов достигала 80 человек. Курсанты были разбиты на два взвода и команду связи. На вооружении личного состава находились винтовки, ручные пулеметы и гранатометы. Офицеры были вооружены саблями и «маузерами». Срок обучения курсантов составлял 6 месяцев. Практическую подготовку курсанты Учебной команды проходили в лагере на станции Шаньши, в 15 км от Ханьдаохэцзы.

Учебная команда горно-лесной полиции действовала до января 1944 г., осуществив три выпуска разведчиков-диверсантов и два выпуска — связистов¹⁶³.

С августа 1941 г. для всего русского личного состава горно-лесной полиции были введены обязательные проводимые дважды в год двухнедельные лагерные сборы, где отрабатывались навыки перехода границы, проведения разведки, диверсионной деятельности. До 1944 г. сборы проводились на станции Ханьдаохэцзы, в 1944–1945 гг. — на разъезде 22-я верста станции Ханьдаохэцзы. Ответственность за проведение сборов возлагалась на начальника ЯВМ на станции Ханьдаохэцзы (в 1941 г. — майор Сикай Ёситэру)¹⁶⁴. Руководили сборами японские и русские инструкторы из офицеров воинских отрядов и начальников отрядов горно-лесной полиции. Русским начальником сборов на протяжении практически всего периода их существования являлся начальник Вэйшахэйского полицейского отряда, надзиратель 1-го разряда С. Г. Трофимов¹⁶⁵, в прошлом штабс-капитан Белой армии.

Итак, русский воинский отряд на станции Ханьдаохэцзы в момент своего образования насчитывал около 100 человек рядового состава. Младший командный состав отряда был сформирован почти исключительно из русских полицейских кадров, прошедших командные курсы на станции Сунгари-2 летом 1941 и весной 1942 г. Рядовой состав отряда также почти полностью был представлен бывшими служащими горно-лесной полиции. Для формирования разведывательно-диверсионного подразделения полицейские кадры имели неоценимое значение, поскольку прекрасно знали окружающую гористо-лесную местность и имели большой опыт военных действий в данных условиях.

Командирами взводов (первоначально их было два) отряда Китамура были назначены А. Н. Гукаев в звании поручика армии Маньчжоу-го и К. П. Агеев в звании прапорщика.

Александр Николаевич Гукаев, осетин по национальности, в 1915 г. в 18 лет ушел на фронт в Германскую войну. Служил в Осетинском кавалерийском полку Кавказской кавалерийской дивизии, был ранен, в начале 1917 г. окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков. Октябрьский переворот Гукаев встретил в Сарапуле. Здесь он вступил в конный отряд Воткинской народной армии. В дальнейшем служил в составе Ижевско-Воткинской дивизии командиром эскадрона. Перенес все тяготы страшного Сибирского Ледяного похода, отступая в Забайкалье по льду озера Байкал. Военную службу завершил в 1921 г. в чине ротмистра. Позднее работал кассиром в «Восточном товариществе» в Харбине, но в конце 1922 г. выехал во Владивосток и не успел или не захотел эвакуироваться с уходящими из Приморья белыми частями. После краткосрочного ареста Приморским губотделом ГПУ в 1924 г. решил перебраться в Маньчжурию. Осенью 1925 г. бежал на китайскую территорию и был объявлен в СССР во всеобщий розыск. В Маньчжурии бывший ротмистр сменил целый ряд профессий (шофер-механик, доверенный писчебумажного магазина, доверенный Британского лесопромышленного товарищества), пока, наконец, в 1935 г. не возглавил русский охранный отряд на станции Яблоня. В дальнейшем Гукаев некоторое время

возглавлял Управление охранных отрядов, а после его роспуска стал начальником отряда горно-лесной полиции на станции Шитоухэцзы, позднее — на станции Ханьдаохэцзы, являясь одновременно представителем БРЭМ на этой станции. В августе 1941 г. после сборов служащих горно-лесной полиции и обучения на командных курсах Гукаев был направлен во вновь формировавшийся русский воинский отряд.

Прапорщик К. П. Агеев служил в свое время в Русском отряде Шанхайского волонтерского полка, в 1937 г. преподавал военное дело в Учебном отряде РФП. С ноября 1937 г. и до конца его существования служил младшим курсовым офицером Военно-полицейского училища на станции Ханьдаохэцзы, зарекомендовав себя грамотным и исполнительным офицером. Еще одним бывшим инструктором ВПУ, служившим теперь в Ханьдаохэцзийском отряде, являлся В. П. Гусев, носивший воинское звание фельдфебеля.

На вооружении Ханьдаохэцзийского отряда состояли японские винтовки (позднее карабины) со штыками, ручные пулеметы и гранатометы, аналогичные вооружению отряда Асано, офицеры были ввооружены «маузерами» Намбу. Тяжелого вооружения отряд не имел.

Подразделение Китамура изначально формировалось как разведывательно-диверсионная часть, поэтому основу его учебной деятельности составило изучение дисциплин разведывательного, партизанского, диверсионного плана. Полученные знания отрабатывались на регулярно проводимых практических занятиях в условиях походного лагеря. Хорошей иллюстрацией деятельности Ханьдаохэцзийского отряда может служить обнаруженный нами План лагерной жизни и действий партизанского отряда от сентября 1943 г.

Нужно отметить, что к этому времени произошли некоторые перемены в руководстве отрядом. С сентября 1942 г. все японские чины отряда стали отрядными инструкторами (капитаны Ивамото и Камимура, поручик Окицу, прапорщик Баба и др.), а капитан Китамура занял пост инспектора отряда. После ухода Китамуры

с поста командира Ханьдаохэцзийский отряд стал именоваться отрядом Асаёко, что в переводе с японского означает «отряд Асано на Ханьдаохэцзы». Новым командиром отряда в звании капитана был назначен А. Н. Гукаев, его заместителем стал прибывший из отряда Асано корнет Ложенков, командирами взводов назначены прапорщик Агеев и вахмистр П. Г. Литвинцев, также командированный из отряда Асано. Осенью 1943 г. прапорщик Агеев был отозван в распоряжение командира сунгарийского отряда, а его место занял асановец — прапорщик А. В. Павлов, до 1944 г. служивший надзирателем 2-го разряда в Шитоухэцзийском полицейском отряде¹⁶⁶.

Согласно Плану лагерной жизни и действий партизанского отряда практические действия по отработке разведывательно-диверсионной и партизанской деятельности осуществлялись в лагерных условиях в период с 6 по 18 сентября 1943 г. в районе Дорин (?). В походе участвовали оба взвода отряда, по три отделения в каждом, общей численностью около 70 человек. В «поле» бойцы размещались в восьми больших палатках с печками. Возглавлял походный лагерь инспектор Китамура. Бойцы и командиры подразделений имели на вооружении карабины, «маузеры», взрывчатые вещества (мелинит) с капсюлями и горючим шнуром.

Суть плана заключалась в формуле «Выковать воинский дух, соответствующий для бойцов передовой линии фронта. Согласованность действий с уверенностью в победе. Сохранение полной конспирации в процессе проведения занятий в лагере». Согласно учебной легенде «синего государства партизанский отряд “А” силою... человек, находясь на вражеской территории, согласно приказу по радиосвязи, 6.09 в 24.00 прибыл от станции Ивановка (Ханьдаохэцзы) юго-восточнее в район (Дорин) с задачей производить разрушительные действия по транспорту, связи и разрушения военных объектов, а также проводить пропаганду и агитацию как устно, так и листовками среди населения противника»¹⁶⁷.

В течение лагерного периода отрядники отработывали следующие виды действий:

- 1) боевую стрельбу (тактика ближнего боя).

Стрельбы проводились 9 сентября в составе отделений. Дальность стрельбы составляла 300 м из винтовки и 40 м из «маузера». Каждый боец сделал по пять выстрелов;

2) переходы вообще и переходы через границу;
3) разведку переправ и местности;
4) сбор необходимых сведений (точная разведка) во время войны;

5) оценку путей проходимости;

6) ориентировку днем и ночью;

7) связь сигналами и донесениями;

8) выбор баз и остановок;

9) устройство шалаша и охранение;

10) самоснабжение продовольствием на вражеской территории;

11) выбор мест-ниш и технику сохранения продовольствия в нишах от глаз противника и дождя;

12) захват часового и чинов обхода;

13) демонстрацию (? — С. С.);

14) прерывание проволочной связи;

15) набег на колхоз;

16) набег на аэродром;

17) набег на лагерь противника;

18) набег на город — разрушение проволочной связи, станции железной дороги и станции связи;

19) политическую работу агитаторов (среди населения во время набега);

20) уход на сборное место;

21) подрыв железной дороги;

22) выход из затруднительного положения;

23) меры против преследования групп противника.

Вышеуказанные действия отрабатывались в составе отделения, взвода и совместно двух взводов. В роли противника выступали ежедневно выбираемые из взводов бойцы в количестве отделения. При отработке учебных действий строго запрещалась борьба и примыкание штыков, использование услуг населения. Все

переноски осуществлялись своими силами. Командиры подразделений должны были вести записи ежедневных занятий с указанием времени и действий. В течение всего лагерного периода командованием производился осмотр оружия и обмундирования¹⁶⁸.

Летом 1941 г. на западной линии СМЖД, так же как и в других частях Маньчжоу-го, японцы начали мобилизацию людских ресурсов эмиграции в преддверии возможного начала войны с СССР. Главным объектом мобилизации в этом регионе явилось русское казачество.

В середине июля 1941 г. в Хайларе под председательством генерала Бакшеева и руководителя Хайларской ЯВМ полковника Таки состоялся съезд представителей всех казачьих станиц Маньчжоу-го. Делегаты съезда приветствовали начало советско-германской войны и приняли решение о подготовке казачества к вооруженному выступлению против СССР. Съезд завершился традиционным казачьим конным праздником.

После окончания съезда было ускорено начатое в прошлые годы оформление ополченческо-волонтерских подразделений, в состав которых были включены все мужчины-казаки от 18 до 55 лет. Формируемые подразделения объединялись в Захинганский сводный казачий корпус под общим командованием генерала Бакшеева. Штаб корпуса располагался в Хайларе.

Захинганский казачий корпус состоял из двух бригад. Первая бригада (Захинганская казачья отдельная бригада) включала в себя население Трехречья и поселков вдоль железнодорожной линии западнее станции Хакэ. Штаб бригады находился в административном центре Трехречья — поселке Драгоценка. Командиром бригады являлся начальник Трехреченского БРЭМ полковник В. Л. Сергеев. В бригаду входили два полка: Волонтерский полк в составе пяти сотен под командой войскового старшины И. К. Пинигина, помощника начальника полиции поселка Драгоценка, и Ополченческий полк из четырех сотен под командой подполковника Н. М. Стерхова, учителя начальной школы поселка Попирай. Волонтерский полк объединял молодежь от 18 до 35 лет, в Ополченческий полк включались мужчины старше 35 лет.

Помимо указанных подразделений в состав бригады входили Маньчжурский сводный батальон (город Маньчжурия) и Чольский сводный батальон (концессия Чол)¹⁶⁹.

Первая сотня Волонтерского полка, которую первоначально возглавлял войсковой старшина А. У. Акулов, а с 1944 г. прапорщик П. Г. Морозов, подчинялась непосредственно ЯВМ и обучалась по особой программе, включавшей разведывательно-диверсионные дисциплины (изучение взрывчатых веществ, методов подрыва различных объектов, приемов перехода границы). Преподавателями по разведывательно-диверсионным дисциплинам в основном являлись японцы. Обучение сотни происходило дважды в год по две недели в расположении казарм военной миссии в поселке Драгоценка и в местечке Березиха, располагавшемся в 2–3 км от пос. Дубовая. Здесь обучавшиеся размещались в двух бараках. Численный состав сотни доходил до 70 человек, на вооружении сотни состояли винтовки, ручной пулемет и гранатомет¹⁷⁰.

Аналогичные Первой сотне по направленности подготовки молодежные учебные команды существовали и в других пограничных с СССР районах. Так, в Сахаляне в 1941 г. на базе учебной команды местного отделения РФС был создан учебный отряд численностью до 45 человек. Командовал отрядом надзиратель Сахалянской полиции Г. П. Милюков. Первоначально сборы отряда проводили раз в месяц или раз в два месяца. Занятия вели японские и русские инструкторы. Упор делался на методы ведения партизанской войны и изучение разведывательных дисциплин.

Вторая бригада Захинганского корпуса состояла из Якешинского, Хайларского и Хинганского сводных волонтерских полков. Якешинский полк был укомплектован пятью сотнями (три якешинские, одна чжаромтинская, одна мяньдухэйская) и отдельной пехотной ротой. Командиром полка являлся забайкальский казак, полный георгиевский кавалер, полковник В. Г. Казаков¹⁷¹ (1941–1942), позднее — есаул Козулин (1943–1945). Личный состав полка насчитывал до 600 человек¹⁷². Хинганский полк состоял из двух пехотных батальонов (в составе чжаланьтуньской, бухэдинской, баримской и других рот) и двух сводных сотен.

Штаб располагался на станции Бухэду. Командовал полком войсковой старшина Ф. Д. Толкачев (1941–1943), позднее полковник М. Я. Новиков (1943–1944) и есаул С. В. Коренев (1944–1945). Численность полка составляла 350 человек¹⁷³. Хайларский полк был составлен из двух батальонов общей численностью до 400 человек. Его возглавлял начальник военного отдела Захинганского БРЭМ полковник П. М. Портнягин, начальником штаба полка являлся войсковой старшина А. Н. Зимин¹⁷⁴.

Военная подготовка личного состава волонтерских подразделений проходила на двухнедельных военно-учебных сборах. В 1941–1942 гг. такие сборы проводились дважды в год, в 1943–1944 — один раз. Инструкторами на сборах были офицеры и унтер-офицеры русских армейских отрядов¹⁷⁵. Никакого вооружения, за исключением небольшого количества учебных винтовок и собственных шашек у некоторых казаков, Захинганский сводный корпус не имел. Обращаясь к своему хайларскому детству, В. В. Перминов вспоминает, как по улицам Хайлара «маршировало это воинство в лампасах с... деревянными винтовками, распевая “Зореньку алую”»¹⁷⁶. Во время учебных стрельб все стреляные гильзы подлежали строгому учету и сдавались командирам подразделений. Это лишний раз подчеркивало недоверие японцев к своим русским союзникам. Все огнестрельное оружие состояло на учете у властей, иметь нарезное оружие (винтовки, карабины) запрещалось. Исключение составляли только сотрудники японских и эмигрантских учреждений, которые могли оформить особые разрешения на использование нарезного оружия для охоты.

По воспоминаниям В. Санникова, работавшего на территории концессии Чол, молодые ребята, волонтеры Чольского батальона, «смотрели на эти занятия как на спортивные упражнения; это было развлечением в однообразной таежной обстановке»¹⁷⁷. Многие молодые казаки воспринимали военную подготовку таким же образом. Да и казаки старшего возраста к военной подготовке, организованной ЯВМ, относились достаточно прохладно, тем более что она отрывала от многочисленных хозяйственных дел. Собрать казаков-ополченцев на военные занятия было непросто.

В связи с этим военные сборы Ополченческого полка Захинганской казачьей отдельной бригады за весь период войны были проведены только один раз — в ноябре 1944 г.¹⁷⁸

В октябре 1941 г. в Хайларе был сформирован еще один русский воинский отряд. Главной задачей этого подразделения, получившего название «Хайларский полицейский казачий отряд», являлась подготовка казачьей молодежи призывного возраста основам разведывательно-диверсионной деятельности. Отряд размещался на Центральной улице Хайлара в комплексе зданий Хайларской полицейской школы, где до 1941 г. русские не обучались. Возглавил отряд есаул Пешков.

Иван Александрович Пешков на основании имеющихся материалов оценивается весьма неоднозначно. Казачий офицер (есаул Забайкальского казачьего войска), участник Гражданской войны, он и после ее окончания возглавлял один из белых партизанских отрядов, совершавших набеги на советскую территорию из района Трехречья. Позднее служил в Русской группе войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана. В период советско-китайского конфликта 1929 г. Пешков вновь возглавил антисоветский отряд, выполнявший в том числе и функции охранного в приграничной полосе Трехречья. По сведениям, приводимым В. В. Перминовым, «в 1932 г. по Трехречью прошли две сотни двух Иванов — Пешкова и Аксенова, сея смерть среди поселенцев. Аксенов и его люди были почти все уничтожены пешковцами и зыковцами»¹⁷⁹. Впрочем, данное утверждение представляется достаточно спорным, поскольку большая часть участников партизанских отрядов, действовавших в приграничных с СССР районах в 1929 г., была арестована и освобождена только в 1933 г. по ходатайству атамана Семенова.

После прихода японцев в Маньчжурию бывший есаул служил в пограничной страже Южно-Аргунской провинции, возглавляя один из погранотрядов, а после увольнения всех русских из пограничной стражи в 1934 г. — в полиции Хайлара. Непримирымый антикоммунист, Пешков между тем не был слепо предан японцам, стремясь как можно меньше «выносить сор из избы», не отправляя

по первому подозрению русского эмигранта в японскую жандармерию, откуда выходили немногие.

По имени командира Хайларский отряд стал неофициально именоваться «отрядом Пешкова».

Заместителем командира отряда в первые месяцы его существования являлся сотник А. И. Савватеев. Весной 1942 г. в связи с болезнью Савватеев был освобожден от занимаемой должности и в дальнейшем возглавил русскую разведывательно-диверсионную школу. После ухода Савватеева новым заместителем командира стал старый соратник Пешкова по партизанской борьбе забайкальский казак И. И. Зыков (в период Гражданской войны, по-видимому, имел звание не выше вахмистра или подхорунжего). В связи с назначением на эту должность Зыков приказом атамана Семенова был произведен в есаулы.

В состав командования отрядом в звании подпоручиков (хорунжих) по распоряжению ЯВМ были назначены К. А. Вологдин и В. Н. Потапов, ставшие взводными командирами.

Вологдин происходил из забайкальских казаков, в годы Гражданской войны служил старшим урядником 1-го Атаманского полка в войсках атамана Семенова. В 1930-е гг. он работал в железнодорожной полиции приграничной станции Цаган и возглавлял местную казачью учебную команду. Потапов не был казаком. Он с матерью прибыл в Маньчжурию подростком в начале 20-х гг., потеряв во время Германской войны отца, офицера (по одной из версий генерал-майора) Императорской армии. В середине 1920-х гг. Потапов сбежал из дому в китайскую армию. В 1927 г. окончил Шаньдунский офицерский инструкторский отряд. Служил в 7-м Особом учебном полку, а затем, до самого конца существования Русской группы войск, — в чине поручика в личном конвое командующего Шаньдунской армией генерала Чжан Цзунчана. Еще в китайской армии Потапов познакомился с есаулом Пешковым, а позднее служил под его началом в пограничной страже Южно-Аргуньской провинции.

В первый период существования отряда в состав его командования также входили выпускники школы агитаторов-пропагандистов 4-го отдела харбинской ЯВМ — вахмистры Г. Н. Чипизубов

(член РФС) и Н. Н. Бородин (резервист-асановец из первого набора, инструктор на военных сборах на станции Хакэ в 1940 и 1941 гг.)¹⁸⁰.

Первоначально в отряде Пешкова состояло 40 казаков, разбитых на два взвода. Срок обучения в отряде был определен в три месяца. Обмундированием служащих отряда в отличие от других русских военных подразделений в Маньчжоу-го была казачья форма. На вооружении отряда имелись японские винтовки Арисака (позднее чешские карабины), маузеры у офицеров и клинки (японские кавалерийские сабли и казачьи шашки). Рядовой состав отряда набирался из русского населения западной линии СМЖД (от станции Маньчжурия до станции Чжаланьгунь) и Трехречья¹⁸¹.

Весной 1942 г. японское руководство приняло решение о превращении Хайларского казачьего полицейского отряда в армейское подразделение, аналогичное отрядам на Сунгари-2 и Ханьдаохэцзы. Для этого в апреле 1942 г. в Хайлар из отряда Асано была направлена группа японских и русских инструкторов под руководством капитана Асакура: русские старшие унтер-офицеры — П. И. Переводчиков (пулеметное дело), Г. В. Поручиков (радиодело), М. Халин (гранатометы), Э. П. Берзин (подрывное дело), И. И. Овчинников (кузнечное и ветеринарное дело), японцы — поручик Кубо, унтер-офицеры Кикучи (станковые пулеметы) и Каники. Поскольку капитан Асакура, как и большинство японских офицеров, не знал русского языка, при нем в качестве переводчика на протяжении всего полугодового периода реорганизации Хайларского отряда находился вахмистр А. И. Макаров¹⁸².

В ходе реорганизации рядовой состав Хайларского отряда был разбит на группы специализации: стрелки, автоматчики, пулеметчики, гранатометчики, радисты. На вооружение отряда были поставлены несколько японских автоматов (четыре на взвод), ручных пулеметов и гранатометов (по одному на взвод), а также один станковый пулемет на весь отряд. Было введено японское обмундирование, как в других отрядах. Только офицеры сохранили казачью форму с русскими погонами и фуражкой¹⁸³.

Для более качественной подготовки военных специалистов срок службы в отряде был увеличен до полугода (первый состав отряда, обучавшийся по новой программе, начал службу

15 апреля), а с 1943 г. — до года. Численность отряда также увеличилась и достигла к концу 1942 г. 80 человек¹⁸⁴, в составе трех стрелковых взводов и команды связи.

В июле 1942 г. отряд Пешкова был передислоцирован на северную окраину Хайлара в специально подготовленный для этого военный городок на правом берегу реки Умин, недалеко от железобетонного моста через реку. В расположении городка находились три казармы (две были заняты личным составом, одна — штабом), две конюшни, столовая, баня и прачечная, оружейный и вещевой склады. Все здания имели вид полужемлянок, обшитых тесом. Городок был окружен рвом в метр глубиной и земляным валом. Выход военнослужащих за пределы военного городка разрешался только в гражданской одежде¹⁸⁵.

После реорганизации и перемещения отряда Пешкова на окраину Хайлара его место в здании Хайларской полицейской школы на Центральной улице заняла русская разведывательно-диверсионная школа, открытая в сентябре 1942 г. Эта школа была аналогом Учебной команды горно-лесной полиции на станции Ханьдаохэцзы, имела секретный характер и официально именовалась русским отделением Хайларской полицейской школы. Это разведывательно-диверсионное подразделение возглавлял сотник Савватеев. Срок обучения здесь составлял три месяца. На одном курсе обучалось 24 человека (взвод). Первоначально преподавателями школы являлись офицеры и унтер-офицеры отряда Пешкова. В 1943 г. школа переместилась на окраину Хайлара, поблизости от военного городка. В расположении школы находились два строения — казарма-полужемлянка и одноэтажное кирпичное здание, построенное буквой П, где располагались штаб и учебные классы¹⁸⁶.

Жизнь в отряде Пешкова подчинялась строгому распорядку. Подъем трубили в 7 часов, затем следовали утренняя поверка, уборка лошадей, завтрак, чистка оружия. В 9 часов начинались занятия. С 12.00 до 13.00 осуществлялась дневная уборка лошадей, затем следовал обед. С 14.00 до 17.00 продолжались учебные занятия, за которыми следовала вечерняя уборка лошадей, ужин, чистка оружия, амуниции и обмундирования. После вечерней

поверки в 21.00 оставалось немного свободного времени для писем, чтения, игр. В 22.00 трубился отбой¹⁸⁷. За нарушение дисциплины в отряде виновные несли взыскания — наряд вне очереди, постановку под ружье, бег на различные дистанции по кругу¹⁸⁸.

Практические занятия для служащих отряда Пешкова проводились совместно с курсантами полицейской школы, которые играли роль условного противника, а также в рамках учебных походов. В июне 1943 г. весь отряд совершил 10-дневный поход из Хайлара на станцию Якеши и обратно. Во время похода отрабатывались маршевые дисциплины, тактика наступательных и оборонительных действий в составе мелких групп, полевая разведка, преодоление инженерных сооружений и водных преград, подрыв железных дорог, мостов, уничтожение средств связи¹⁸⁹. Пешков, старый партизан, особое внимание в обучении своих бойцов уделял методам ведения партизанской войны.

В апреле 1943 г. руководство ЯВМ провело смотр боевой готовности реорганизованному отряду Пешкова. На смотре присутствовал начальник Харбинской ЯВМ генерал Дои, который в целом остался доволен результатами смотра¹⁹⁰. Вероятно, вскоре после смотра Пешков приказом атамана Семенова был повышен в звании до войскового старшины.

Одной из проблем для отряда Пешкова являлось отсутствие достаточного количества русских офицерских кадров. К концу 1943 г. единственным кадровым военным русской службы в отряде был его командир — войсковой старшина Пешков. Хорунжий Потапов, который в это время занял должность помощника командира вместо уволенного за пьянство есаула Зыкова¹⁹¹, получил военное образование в Шаньдунском военном училище Русской группы войск армии Чжан Цзунчана. Адьютант отряда с июня 1942 г. хорунжий Вологдин имел воинское звание старшего урядника российских казачьих войск. Все командиры взводов являлись старшими урядниками (унтер-офицерами).

Необходимость подготовки младших офицерских кадров из эмигрантской молодежи для отряда Пешкова и других военизированных подразделений западной части Северной Маньчжурии

привела к организации при Хайларском полицейском казачьем отряде юнкерских курсов.

Юнкерские курсы начали свою работу 1 октября 1943 г. В состав курсантов были зачислены четыре старших урядника отряда и восемь резервистов, отозванных в отряд из Хайлара, поселков Якеши, Челотуй и др. Срок обучения на юнкерских курсах составил шесть месяцев. Преподавателями являлись русские офицеры отряда и японские инструкторы.

По окончании курсов в апреле 1944 г. выпускникам было присвоено звание прапорщиков. Четверо из них остались в отряде на командных должностях. Стрелковые взводы возглавили асановцы Берзин и Переводчиков, прибывшие в отряд в качестве инструкторов в 1942 г., и Г. М. Черепанов, выпускник ханьдаохэцзийского ВПУ (1940) и школы агитаторов-пропагандистов 4-го отдела харбинской ЯВМ (1941), который до призыва в отряд в апреле 1942 г. работал наборщиком в типографии хайларской газеты «Захинганский голос». Асановец прапорщик Поручиков являлся начальником команды связи отряда. Остальные выпускники юнкерских курсов возвратились по месту проживания до востребования. Многие из них в дальнейшем привлекались для обучения эмигрантов военному делу. Так, прапорщик П. Г. Морозов был назначен командиром 1-й сотни Волонтерского полка Захинганской казачьей отдельной бригады, сборы которой периодически организовывались в поселке Драгоценка.

«Культурная» жизнь отряда Пешкова проходила прежде всего в рамках деятельности казачьего хора, регентом которого являлся хорунжий Потапов. В 1943–1944 гг. хор несколько раз выступал на хайларском радио¹⁹².

К концу 1943 г. стало совершенно очевидно, что перелом в мировой войне осуществился в пользу антигитлеровской коалиции. Японцы, истратив почти все свои военные ресурсы, больше не помышляли о наступлении, а перешли к обороне на всех своих рубежах. Новый расклад военных и политических сил на мировой арене вынуждал Японию несколько скорректировать свои позиции в Маньчжурии. Что сказалось, в частности, и на деятельности эмигрантских армейских подразделений.

Глава 6

Русские воинские отряды армии Маньчжоу-го (1944 — июль 1945 г.)

Военные неудачи Японии в 1943 г. способствовали усилению политических кругов, склонных к компромиссу с Соединенными Штатами. Такие устремления особенно укрепились после падения летом 1944 г. правящего кабинета генерала Ходзэ Хидэки. В этих условиях существование пакта о нейтралитете с СССР давало определенные надежды на возможность переговоров с США при советском посредничестве. И действительно, с лета 1944 г. такие попытки предпринимались, но безуспешно. Антигитлеровской коалиции нужна была только безоговорочная капитуляция.

Не помышляя больше о наступлении, японцы бросили все силы на укрепление обороны приграничных рубежей Маньчжоу-го. В 1945 г. японское командование имело 17 укрепленных районов вдоль границ с СССР и МНР, насчитывавших более 4,5 тыс. оборонительных долговременных сооружений. Самым мощным из укрепрайонов считался хайларский. По свидетельствам советских офицеров, участвовавших в захвате Хайлара в августе 1945 г., на окраине города в сопках были сооружены подземные двух-, трехэтажные доты, соединенные подземными ходами, имелись противотанковые рвы, несколько рядов заграждений из колючей проволоки¹⁹³.

Не желая настраивать против себя Советский Союз, японские власти в Маньчжурии в годы войны реорганизовали, а в дальнейшем ликвидировали эмигрантские политические объединения. Первым еще в 1942 г. было закрыто Монархическое объединение, в 1943 г. — Российский фашистский союз, функционировавший

с 1941 г. как общественная организация. Союз казаков на Дальнем Востоке и Дальневосточный союз военных превратились в ветеранские организации. В средствах массовой информации Маньчжоу-го практически исчезла антикоминтерновская и антисоветская риторика. Несомненно, перемены не могли не коснуться и русских воинских отрядов.

В конце 1943 г. японское военное руководство в Маньчжурии приняло решение о передаче всей полноты руководства русскими отрядами русским военным. Из особых разведывательно-диверсионных подразделений русские отряды должны были стать общевойсковыми подразделениями армии Маньчжоу-го. Так, отряд Асано был придан 162-му стрелковому полку армии Маньчжоу-го. Следовательно, менялись и учебные программы, в которых почти не осталось места для разведывательно-диверсионных дисциплин. Но в то же время контроль над деятельностью русских воинских отрядов сохранялся в руках военной миссии.

В январе 1944 г. русские воинские отряды, дислоцированные на станциях Сунгари-2 и Ханьдаохэцзы, были формально подчинены Военному министерству Маньчжоу-го и стали именоваться 1-м и 2-м Отдельными русскими кавалерийскими отрядами или Сунгарийским и Ханьдаохэцзийским русскими воинскими отрядами (РВО). В мае того же года Хайларский полицейский казачий отряд был включен в состав армии Маньчжоу-го и переименован в Хайларский РВО. Из штатного расписания РВО были исключены японские инспекторы и инструкторы, однако каждый отряд имел японского советника. Советником Сунгарийского отряда являлся полковник Асано, служивший начальником 5-го отдела харбинской ЯВМ, советником Ханьдаохэцзийского отряда — сотрудник ЯВМ на станции Ханьдаохэцзы капитан Камимура Морио¹⁹⁴. Непосредственно при отрядах имелись чиновники-наблюдатели от ЯВМ. Группу сотрудников военной миссии при Сунгарийском РВО возглавлял начальник отделения военной миссии на Сунгари-2 капитан Идзима, по-прежнему живший в расположении отряда¹⁹⁵. В его группу входили военные чиновники Обояси,

Мицуки, Окояма, прапорщик Кобаяси, работавшие в составе интендантского отдела и финансовой части отряда¹⁹⁶.

Учебный отряд горно-лесной полиции на станции Ханьдаохэцзы и Хайларское полицейское училище были расформированы в январе 1944 г. и влиты в состав соответствующих русских воинских отрядов.

Изменение статуса РВО сделало информацию о них широко-доступной: в периодической печати появились статьи и заметки о жизни русских солдат, сопровождаемые фотоснимками; торжественно обставлялись проводы на службу новобранцев, родители получили возможность присутствовать на церемонии присяги. Русские воинские отряды отныне позиционировались не иначе, как национальные военные подразделения, «гордость российской эмиграции», где «лучшие представители эмигрантской молодежи с честью выполняют свой почетный воинский долг».

Первая публикация о русских воинских отрядах появилась в журнале «Луч Азии» в ноябре 1943 г. в связи с увольнением в резерв части военнослужащих. На торжестве по этому случаю присутствовали начальник Харбинской военной миссии и руководители Главного бюро эмигрантов. В обращении к солдатам, увольняющимся в запас, говорилось: «Гордитесь, что вы воины, будьте всегда готовы к борьбе!». Далее следовали слова благодарности эмигрантской администрации в адрес японских властей и, в частности, начальника ЯВМ генерала Дои за доверие к эмиграции и возможность молодым эмигрантам «получить военную подготовку в русских воинских отрядах — Сунгарийском, Ханьдаохэцзийском и Хайларском»¹⁹⁷. В феврале 1944 г. в том же «Луче Азии» был помещен материал о торжественных проводах новобранцев в РВО, состоявшихся в январе 1944 г. в связи с очередным призывом молодых эмигрантов на военную службу. По случаю проводов был отслужен молебен в Благовещенском храме Харбина, с речами выступили руководители БРЭМ, с ответным словом — представитель новобранцев Б. С. Цылов. Проводы завершились концертом¹⁹⁸.

Вообще январский набор на военную службу 1944 г. проходил с помпой и широким освещением в эмигрантской прессе.

БРЭМовская администрация инициировала «добровольческое движение» эмигрантской молодежи на военную службу. Несколько известных среди харбинской молодежи юношей, хороших спортсменов, отличников школьной учебной и военной подготовки, подали «добровольные» заявления на военную службу в РВО. Их портреты, интервью с ними и благодарности их родителям от японской администрации были помещены на страницах эмигрантского официоза «Харбинское время». Одним из таких «добровольцев» был О. В. Баранов, к воспоминаниям которого мы уже обращались.

Сохранились и свидетельства того, что принятие присяги в русских воинских отрядах стало мероприятием, открытым для родственников новобранцев. Согласно воспоминаниям В. В. Катенина, служившего в Ханьдаохэцзийском РВО, «в мае месяце [1945 г.], ко дню летнего Николая Чудотворца (22 мая) была назначена присяга. К этому дню готовились тщательно, были заранее извещены родители с приглашением быть на этом торжественном моменте. В назначенный день курсанты (так в тексте. — С. С.) под звуки русских военных маршей прошли перед многочисленными гостями церемониальным маршем по-гренадерски, т. е. винтовки с примкнутыми штыками держали на весу, острие штыков слегка упиралось в кончик правого плеча впереди идущего...»¹⁹⁹

Изменился и текст присяги, принимаемой русскими военнослужащими. Он выглядел теперь примерно так: «Я, российский эмигрант, как равноправный гражданин империи Маньчжу-Ди-Го, вступая в ряды русского воинского отряда, обязуюсь быть честным и справедливым, защищая интересы Маньчжурской империи; выполнять все требования уставов и приказов начальников; быть готовым с оружием в руках выступить по первому зову своих начальников на защиту территории Маньчжу-Ди-Го против врагов империи и дружественной ей империи Ниппон»²⁰⁰.

С 1944 г. военнослужащие, выезжавшие в краткосрочный отпуск к месту жительства, не снимали военной формы и, по некоторым свидетельствам, имели при себе саблю.

После реорганизации эмигрантских военных отрядов в общевойсковые подразделения и ликвидации учебно-полицейских структур основными тренировочными центрами для подготовки разведывательно-диверсионных кадров из числа эмигрантов стали специальные разведывательно-диверсионные подразделения, существовавшие обособленно от РВО в режиме строгой секретности. К таким подразделениям относились особый отряд «Облако» (с 1945 г. — отряд № 900), дислоцировавшийся на станции Имяньпо, и Хайларская разведшкола.

Особый отряд «Облако» был создан в марте 1944 г. и располагался в 25 км от станции Имяньпо (местечки Лянцзялинь и Цинлуншань), находившейся по восточной линии приблизительно в 160 км от Харбина. Базой для формирования отряда стала школа 4-го агитационно-пропагандистского отдела харбинской ЯВМ, функционировавшая с апреля 1938 г. под руководством поручика (капитана) Накамура. Русским начальником школы являлся член РФС капитан С. И. Долов. С 1941 г. личный состав школы составлял 80 человек: 40 человек обучались в течение шести (девяти) месяцев на дневном отделении, 40 — в течение трех (шести) месяцев на вечернем отделении. Курсанты были разбиты на три группы: радисты, агитаторы-пропагандисты, художники. В начале 1944 г. школа формально была закрыта, но подготовка агитаторов-пропагандистов, наряду с разведчиками и диверсантами, продолжилась в рамках отряда «Облако»²⁰¹.

Начальником отряда «Облако» являлся сотрудник военной миссии майор Иси, позднее — подполковник Макино Масатоми. Отряд состоял из штаба и четырех оперативных отделов. Первый отдел возглавлял капитан Имаидзуми, второй — капитан Симادا, третий — капитан Аибара, четвертый — капитан Ватараи. Из русских эмигрантов были укомплектованы четыре из шести отделений первого отдела, размещавшегося в Лянцзялине²⁰². Два отделения являлись разведывательно-диверсионными и набирались главным образом из резервистов РВО, два других — отделения пропагандистов и радистов. Разведывательно-диверсионное подразделение возглавлял ротмистр Тырсин, переведенный из Сунгарийского отряда

на станцию Имяньпо весной 1944-го. Его помощником являлся призванный из резерва бывший асановец — вахмистр В. С. Шабалин. Двумя другими подразделениями руководили подпоручики В. Широков и Ганин. Одним из японских инструкторов-связистов в отделении связи работал Сасано, возглавлявший в 1939 г. группу асановцев-связистов на Халхин-Голе²⁰³. Срок обучения (переподготовки) в отряде составлял шесть месяцев. За каждого обучающегося в отряде семья получала пособие в 170 гоби в месяц²⁰⁴.

Курсанты группы Тырсина (20 человек) изучали методы перехода границы и сбора информации, фотосъемку, ориентирование, стрелковое вооружение, экипировку Красной армии и т. п. Дважды проводились учебные походы, один из них в район Нижнего Чола²⁰⁵.

Подготовка разведывательно-диверсионных кадров в отряде «Облако» продолжалась вплоть до мая 1945 г.

Хайларская разведшкола располагалась в квартале Мацуя старого Хайлара в здании военной миссии и начала работу в 1944 г. Начальником школы был капитан Накамура, из русских преподавателей здесь работали переведенный из отряда Пешкова вахмистр Г. Н. Чипизубов, сотрудники хайларской ЯВМ — вахмистр Н. Н. Бородин, Е. Батенев и А. Н. Семенов. Курсанты набирались главным образом из резервистов РВО. Так же как в отряде «Облако», здесь изучались способы перехода границы, маскировки и поведения на советской территории, фотосъемка, топография, военная разведка, вооружение и экипировка войск Красной армии, агитация и пропаганда. Школа строго охранялась, и в течение двух-трех месяцев обучения курсанты ни разу не покидали ее территорию, отсюда запрещалось отправлять и письма.

Последний набор курсантов (12 человек) в мае 1945 г. вместе с их русскими преподавателями был отправлен на станцию Якеши для участия в строительстве базы учебного разведывательно-диверсионного центра. База располагалась в 35 км к северу от станции Якеши, около железнодорожной ветки, ведущей в тайгу к японской лесной концессии Кульдур, имела номер 35 и неофициальное название «медвежий отряд»²⁰⁶.

Помимо указанных учебных разведывательно-диверсионных центров существовали и другие структуры, занимавшиеся подготовкой разведывательно-диверсионных кадров из эмигрантской среды на случай войны с Советским Союзом. Так, при мунданьцзянской ЯВМ с 1941 г. действовали трехмесячные курсы радистов особого рода. Курсанты (20 человек на каждом курсе) располагались в лагере военной миссии на горе Бэйциншань (яп. — Хокусэйдзан). Главным руководителем курсов являлся начальник мунданьцзянской военной миссии майор Мацуура (1942–1943), непосредственными руководителями — поручик Номура и подпоручик Оцука²⁰⁷.

Продолжали проводиться лагерные сборы для резервистов РВО и служащих горно-лесной полиции. Лишь заметно сократилась частота лагерных сборов, и подготовка была ориентирована на проведение боевых операций не на советской территории, а на территории Северной Маньчжурии. Последние лагерные сборы полицейских чинов (32 диверсанта) под руководством надзирателя Трофимова состоялись 17–31 июля 1945 г. на станции Тутахэцзы. Сборы завершились показательным выступлением по легенде «Нападение на аэродром». Одна группа полицейских осуществляла нападение, другая — оборонялась. На смотре присутствовал начальник отделения ЯВМ на станции Ханьдаохэцзы капитан Камимура²⁰⁸.

Постоянным центром разведывательно-диверсионной подготовки (учебной командой) считался созданный весной 1943 г. полицейский отряд, дислоцированный на 22-й версте от станции Ханьдаохэцзы. Отряд возглавлял поручик Ильинский, его заместителем с мая по декабрь 1944 г. являлся корнет Лукеш, который, будучи уволенным в резерв из отряда Асано в сентябре 1943 г., сразу же был направлен в Учебный отряд горно-лесной полиции, а после его слияния с Ханьдаохэцзийским РВО возглавлял один из взводов отряда. Японским инструктором при отряде состоял фельдфебель Эндо Сакаци. Численность отряда на 22-й версте составляла первоначально 60 человек, позднее сократилась до 45. Полицейские отряда вместе с семьями постоянно жили на 22-й версте, имея здесь собственные огороды²⁰⁹.

На 22-й версте проводились и сборы для резервистов Восточного района. В частности, такие сборы состоялись в январе 1945 г. под руководством капитана Норита и поручика Ложенкова. В течение пятнадцати дней резервисты отработывали навыки наступательных и оборонительных действий. Завершением сборов стал смотр боеготовности, на котором присутствовал начальник Муданьцзянской военной миссии полковник Таки²¹⁰.

Начиная с 1943 г. военные сборы подразделений Захинганского казачьего волонтерского корпуса проводились один раз в год. И хотя казаки традиционно демонстрировали высокое искусство верховой езды (джигитовки) и владения холодным оружием, это было позавчерашним днем в современной механизированной войне. Стремясь сохранить контроль над казачеством, японские власти в апреле 1945 г. организовали съезды представителей казачьих станиц западной и восточной линий СМЖД под председательством полковника Таки, одного из главных японских специалистов по казачеству. Японцы требовали, чтобы все казаки в возрасте от 17 до 55 лет имели строевых лошадей, сбрую, обмундирование и холодное оружие (шашки или сабли) и были готовы по первому зову властей выступить против советских войск²¹¹. Последние двухнедельные военные сборы казаков-волонтеров совместно с резервистами были проведены на западной линии в июне 1945-го²¹².

В ходе реорганизации Сунгарийского отряда его новым командиром в чине полковника армии Маньчжоу-го был назначен полковник Генерального штаба русской службы Я. Я. Смирнов.

Яков Яковлевич Смирнов являлся русским кадровым офицером, выпускником Елизаветградского кавалерийского училища. В годы Германской войны служил ротмистром в 17-м гусарском Черниговском полку, окончил ускоренный курс Николаевской академии Генштаба в 1917 г. В период Гражданской войны в чине подполковника (позднее полковника) возглавлял Штаб 9-й стрелковой Дальневосточной дивизии и Уссурийской стрелковой бригады, был генералом для поручений 2-го стрелкового корпуса в Приморье.

В середине 20-х гг. служил инструктором в Русской группе войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана. Состоял в Харбинском отделении РОВС. С образованием БРЭМ некоторое время являлся секретарем Главного бюро. Во второй половине 30-х гг., вместе с другими русскими офицерами был привлечен японцами на службу во 2-й отдел харбинской ЯВМ, занимавшийся сбором информации из советской печати и радиопередач о структуре, руководстве, боевых возможностях Красной армии. В 1943 г. у Смирнова разгорелся конфликт с руководством военной миссии по поводу защиты чести одного из его русских сослуживцев, и он подал прошение об увольнении²¹³. Вместо увольнения (что было распространенной практикой) строптивому полковнику было предложено возглавить Сунгарийский РВО. После некоторых колебаний Смирнов принял предложение японцев.

Начальником Штаба бывшего отряда Асано стал майор А. Ф. Михайлов, в прошлом войсковой старшина казачьих войск. Поручик (весной 1944 г. — ротмистр) Тырсин получил должность офицера штаба. Вновь прибывшие в отряд Ю. Е. Витвицкий и Г. С. Наумов были назначены в 5-й идеологический отдел штаба в чине поручиков. Первый — на должность начальника этого отдела, второй — цензором отряда.

Наумов, после окончания в 1937 г. школы организаторов фашистской партии, стал работать по линии ЯВМ. До 1941 г. находился в Сахаляне, официально служил в местной полиции и возглавлял учебную команду из молодежи, сочувствовавшей фашистам. Вероятно, был причастен к переброске агентов японской разведки из числа русских эмигрантов на советскую территорию. В начале 1941 г. Наумов был переведен в Харбин и включен в состав преподавателей школы 4-го агитационно-пропагандистского отдела харбинской военной миссии. Сюда же в качестве преподавателя был назначен и Витвицкий (псевдоним в школе АПО — Громов), в 1940 г. в чине вахмистра уволенный в резерв из отряда Асано и все это время работавший в структурах ЯВМ.

За боепитание Сунгарийского отряда отвечал поручик Приказчиков, его помощником являлся корнет Ежовский. Хозяйственной

частью заведовал корнет Богатырь. Адъютантом командира отряда по-прежнему являлся поручик Л. Н. Мустафин.

Командование эскадронами осталось за поручиками (с марта 1944 г. — ротмистрами) В. Н. Мустафиным и Рычковым. Команду связи возглавлял поручик Лисецкий, Юнкерское училище — корнет (в дальнейшем поручик) Шехерев, штабную команду — прапорщик Д. Горячев. Санитарной частью руководил майор П. С. Логиновский, ему подчинялись прапорщики (с мая 1944 г. — корнеты) Макаров и Е. П. Грацианов.

В июне 1944 г. в составе отряда была создана учебная команда (курсы кандидатов младшего командного состава), готовившая унтер-офицерские кадры для всех РВО. Ее начальником являлся ротмистр Ядыкин. В состав учебной команды был влит полуэскадрон тяжелого оружия под командованием корнета Агеева. Как когда-то в Ханьдаохэцзийском ВПУ, Ядыкин и Агеев снова работали вместе. Срок обучения в учебной команде составлял шесть месяцев. Сюда отбирались наиболее подготовленные солдаты и ефрейторы из всех русских воинских отрядов.

С приходом в отряд нового командования жизнь отряда существенно изменилась. Появилась особая символика — отрядное знамя, представлявшее собой белое полотнище с изображением святого Георгия Победоносца²¹⁴, и нагрудный отрядный знак. Отрядный знак был выполнен в форме вписанного в круг выпуклого креста с расширяющимися концами, в центре креста в круглом медальоне располагалась фигура святого Георгия Победоносца, поражающего змия. Этот же крест был изображен на отрядных печатях РВО²¹⁵. Ханьдаохэцзийский и Хайларский РВО также получили отрядные знамена.

Место размещения отрядного знамени и Высочайшего Рескрипта о создании отряда вместе с Божницей являлось дежурным постом номер 1. Согласно предписанию об особых обязанностях часовых караула «к Божнице, знамени и Рескрипту не имеют права прикасаться никто, кроме командира отряда, адъютанта, знаменщика и дежурного офицера. При возникновении пожара или в чрезвычайных случаях, когда отсутствует командир отряда

и адъютант, — [часовой] срочно сообщает дежурному офицеру или рунду. Если же для этого нет времени, сам выносит Божицу, знамя и Рескрипт в безопасное место»²¹⁶.

Некоторые изменения были внесены во внутренний распорядок жизни отряда. Были введены утренняя гимнастика, часовой отдых после обеда. Упразднены обязательные перемещения по территории военного городка только бегом, запрещено рукоприкладство²¹⁷. Разведывательно-диверсионные дисциплины в учебной программе отряда были оставлены только для отдельных подразделений. Так, в ходе реорганизации отряда 1-й взвод 1-го эскадрона (командир — ротмистр Мустафин) получил наименование взвода подрывников. В то же время изучением подрывного дела занималось лишь одно отделение взвода, и все это носило секретный характер²¹⁸.

Ослабление режима внутренней жизни Сунгарийского отряда, как, впрочем, и остальных РВО, привело к увеличению случаев нарушения военнослужащими дисциплины. Так, в марте 1944 г. курсант юнкерского училища старший унтер-офицер Г. Я. Коваленко совершил самовольную отлучку в Харбин. Причиной стала девушка. В Харбине Коваленко был задержан, препровожден на Сунгари-2 и посажен в карцер. По окончании 15-дневного заключения в карцере курсанта разжаловали в рядовые и уволили в резерв. Летом 1944 г. эстандарт-юнkersы В. В. Горохов и С. В. Михайлов, проходившие практику в Ханьдаохэцзийском РВО, получили строгий выговор со стороны отрядного советника капитана Камимура за нетактичное поведение, поскольку пили водку, играли в карты и волочились за женщинами. Осенью того же года в Ханьдаохэцзийском РВО была обнаружена пропажа нескольких единиц оружия, что привело к увольнению со службы подозревавшегося в пропаже каптенармуса 1-й роты Н. И. Шашлова. В апреле 1945 г. старший унтер-офицер Сунгарийского отряда Ю. А. Волков был снят с должности и. о. начальника отдела боепитания за оскорбление в пьяном виде прапорщика и переведен писарем в 5-й отдел Штаба отряда. И это далеко не все случаи.

После 2-го Амурского похода отряд прекратил практику долгосрочных учебных походов. В 1944 г. был совершен только один учебный пеший поход в район Мадаченкоу (станция Яблоня), длившийся десять дней. В районе Мадаченкоу проводились отрядные учения, в ходе которых штурмом была взята сопка, взорван мост, осуществлено освобождение «арестованных советскими солдатами колхозников». Учения завершились смотром отряда. На учениях присутствовали начальник харбинской ЯВМ генерал Дои и ряд других японских чинов²¹⁹.

В мае 1944 г. курсанты юнкерского училища отряда завершили свое обучение. Из 25 курсантов полный курс училища окончили 23. После заключительных смотров и письменных экзаменов только 9 курсантов получили звание эстандарт-юнкера — кандидата в офицерский чин. Вместе с ними звание эстандарт-юнкера было присвоено вахмистру хозяйственной части отряда И. К. Парыгину (в отряде с 1939 г.); имевшим высшее образование военным служащим медицинской службы — ветеринару Е. П. Грацианову и зубному врачу Г. М. Раснюку (в 1942 г. окончил курсы радистов особого рода при мунданьцзянской военной миссии). Как следует из более поздних источников, некоторые курсанты намеренно провалили экзамены, чтобы быть отчисленными из отряда²²⁰. (Определенную роль здесь, по-видимому, сыграл пример Коваленко.) Но им это не удалось: курсанты, сдавшие экзамены с низкими баллами, были направлены в звании старших унтер-офицеров в подразделения Сунгарийского, Ханьдаохэцзийского и Хайларского отрядов для прохождения дальнейшей службы. Что же касается эстандарт-юнкеров, то в течение следующего полугодия они проходили практику.

На период практики эстандарт-юнгеры направлялись командирами взводов в один из русских воинских отрядов или в качестве сотрудников в гражданские учреждения. Эстандарт-юнгеры Н. А. Баклашев, С. М. Голубенко, А. М. Томашевский, С. П. Шароглазов, а также Парыгин, Грацианов и Раснюк проходили практику в Сунгарийском отряде; В. В. Горохов и С. В. Михайлов — в Ханьдаохэцзийском; Б. А. Зимин — в Хайларском. Н. К. Буйнов и В. В. Гальвин работали инструкторами военной подготовки при

2-м отделе Главного БРЭМ в Харбине. Буйнов являлся адъютантом начальника 2-го отдела — полковника Косова, а также инструктором по военному делу 4-й высшей народной школы, Духовной семинарии, Лицея Св. Николая, 2-й женской школы и Конвента Св. Урсулы; Гальвин — инструктором по военному делу в Северо-Маньчжурском университете и Русском техникуме.

По окончании практики 17 декабря 1944 г. приказом Военного министерства Маньчжоу-го 12 русских эстандарт-юнкеров были произведены в корнеты и направлены для прохождения дальнейшей службы в русские воинские отряды, за исключением Голубенко, который был переведен в Главное БРЭМ.

В марте 1945 г. состоялось последнее увольнение в резерв солдат, завершивших срок военной подготовки. Все увольняемые получили напутствие со стороны руководства, в котором указывалось, что они, как резервисты РВО, по своему поведению и преданности властям и делу российской эмиграции должны являть собой пример для остальной массы эмигрантов, и быть готовыми в нужный момент выступить на защиту интересов Маньчжурской империи²²¹.

В апреле 1945 г. прошел последний призыв в русские воинские отряды. Более ста молодых эмигрантов отправились служить в Сунгарийский и Ханьдаохэцзийский РВО.

Ханьдаохэцзийский воинский отряд в ходе реорганизации и слияния с Учебным отрядом горно-лесной полиции существенно увеличился. Теперь он имел в своем составе две роты и штабную команду общей численностью в 165 солдат, 26 унтер-офицеров и 9 офицеров.

Согласно сведениям на 30 августа 1944 г. командиром отряда оставался капитан (с января 1945 г. — майор) Гукаев, адъютантом отряда был подпоручик И. В. Попов, начальником интендантской службы — подпоручик И. С. Яшков. Первую роту трехзвездного состава (третий взвод являлся взводом связи) возглавлял поручик Плешко, вторую роту двухзвездного состава — поручик Ложенков. Военврачом отряда в чине майора медицинской службы

состоял по совместительству врач Ханьдаохэцзийского отделения БРЭМ А. Я. Приходько, в прошлом капитан медицинской службы Белой армии, более десяти лет прослуживший в госпитале китайских Охранных войск железной дороги (последний чин — подполковник китайской медицинской службы). В начале 1945 г. в командовании отрядом произошли некоторые перестановки в связи с переводом на станцию Ханьдаохэцзы нескольких офицеров из Сунгарийского РВО. Заместителем командира отряда был назначен ротмистр Ядыкин, поручик Богатырь возглавил хозяйственную часть отряда, прапорщик А. В. Павлов — ставшую самостоятельной команду связи. Командиром второй роты вместо выбывшего в резерв поручика Ложенкова (по распоряжению ЯВМ возглавил Союз резервистов восточного района в Муданьцзяне) стал корнет Шимко. Корнет Яшков сменил на посту адъютанта отряда корнета Попова, переведенного командиром взвода в первую роту. Выпускники юнкерского училища корнеты Буйнов и Михайлов стали командирами взводов.

После отмены разведывательно-диверсионной подготовки бойцы отряда были переведены на изучение общевоинских дисциплин, осуществляя учения в окрестностях Ханьдаохэцзы.

В апреле 1945 г. Ханьдаохэцзийский отряд совместно с горнолесной полицией принял участие в операции против китайских партизан в районе станции Яблоня. Рано утром 14 апреля отряд в полной боевой готовности выступил в направлении станции Яблоня. Не доходя 25 км до Яблони, к востоку от станции, отряд разбил лагерь и на следующий день выдвинулся к станции 30-я верста. Партизаны не были обнаружены, задержали лишь трех китайских торговцев опиумом. 19 апреля отряд вернулся на базу²²².

Хайларский РВО, благодаря слиянию в начале 1944 г. с полицейской школой, вырос в численности до 115–120 человек, но при этом сохранил прежнее подразделение на три стрелковых взвода и команду связи.

Командиром отряда остался И. А. Пешков, в начале 1945 г. повышенный в чине до майора армии Маньчжоу-го, заместителем

командира отряда — поручик Потапов. Отношения между Пешковым и Потаповым были весьма напряженными, что стало одной из причин снятия Потапова с должности заместителя командира отряда в марте 1945 г. После этого он был направлен в распоряжение Трехреченского БРЭМ, но никакой реальной должности не имел и в дальнейшем возвратился в отряд, также не получив никакой должности. Последним заместителем командира отряда являлся поручик Вологдин, занимавший до этого должность отрядного адъютанта.

Возглавившие взводы и команду связи отряда после окончания юнкерских курсов прапорщики Берзин, Переводчиков, Поручиков, Черепанов после включения отряда Пешкова в состав армии Маньчжоу-го были понижены в звании до вахмистров (фельдфебелей). Аргументировано это было тем, что для получения офицерского чина требовалось окончить офицерскую школу повышенного типа. Понижения в чине избежал только Черепанов, возможно, благодаря тому, что в свое время окончил курсы военной миссии.

Летом 1944 г. в отряд в качестве стажера прибыл эстандарт-юнкер Б. А. Зимин, принявший во временное командование один из взводов. Позднее, в январе 1945-го, после присвоения чина корнета Зимин был направлен в Хайларский отряд в качестве штатного командира первого взвода, заместив возглавившего хозяйственную часть отряда вахмистра Берзина. Второй взвод отряда в это время возглавлял прапорщик Черепанов, третий — вахмистр Переводчиков, команду связи — вахмистр Поручиков. Отрядным ветеринарным врачом являлся хорунжий Е. Фальков, в дальнейшем замещенный прапорщиком И. И. Лесковым; фельдшером в отряде работал Исакин.

С лета 1944 г. для подготовки унтер-офицерского состава наиболее отличившихся и имеющих среднее образование солдат стали отправлять в Сунгарийский отряд, единственный из РВО имевший учебно-войсковые структуры. В июле 1944 г. на станцию Сунгари-2 на курсы кандидатов младшего комсостава русских воинских отрядов из Хайларского отряда была направлена группа

из семи человек. В дальнейшем они в звании младших урядников служили командирами отделений Хайларского РВО²²³.

После капитуляции фашистской Германии в мае 1945 г. последний очаг Второй мировой войны оставался на Дальнем Востоке. Здесь продолжалось противостояние между японскими и англо-американскими войсками.

Еще в феврале 1945 г. на Крымской конференции стран — участниц антигитлеровской коалиции руководство Советского Союза, преследуя и свои политические цели, приняло на себя обязательство перебросить часть своих войск после окончания войны с Германией на Дальний Восток и вступить в войну с Японией. Следуя этому обязательству, советская сторона в апреле 1945 г. объявила о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете. Вступление СССР в войну с Японией было подтверждено и на Потсдамской конференции в июле 1945 г.

Японцы до последнего не желали верить в возможность развития такого варианта событий, указывая советскому руководству свою верность пакту о нейтралитете 1941 г., которую они сохранили даже в самые тяжелые для Советского Союза годы войны. Стремясь подчеркнуть свою лояльность к СССР и не дать лишнего повода для недовольства Москве, японские власти в Маньчжоу-го объявили о расформировании всех армейских и военизированных подразделений из русских эмигрантов, т. е. русских воинских отрядов, отрядов горно-лесной полиции и ополченческо-волонтерских структур. Приказ о расформировании РВО вышел 30 июня 1945 г., горно-лесная полиция была расформирована в течение июля. В это время советские части, сломавшие мощную германскую военную машину, ускоренно перебрасывались на Дальний Восток.

После расформирования РВО и полицейских отрядов их личный состав тем не менее не был распущен. Продолжали функционировать и некоторые секретные объекты. Так, не прекращалось строительство в районе поселка Якеши базы № 35 для обучения разведывательно-диверсионных кадров. Японцы, продолжая сохранять некоторые надежды на мирные отношения с СССР, не

могли не видеть, что ситуация складывается не в их пользу, и большого доверия к русским не испытывали.

В июле 1945 г. у всех русских воинских отрядов были изъяты отрядные знамена и большая часть вооружения. В Сунгарийском отряде начала работу ликвидационная комиссия.

Из части личного состава РВО были сформированы трудовые дружины, находившиеся на казарменном положении. Дружинники сохраняли военную форму без знаков различия, деление по взводам и отделениям и холодное оружие. Количество оставшихся в отрядах винтовок и маузеров обеспечивало только несение бойцами караульной службы.

Стоял самый разгар лета, тысячи людей на линии были заняты на покосах. Как раз в это время власти Маньчжоу-го запретили русским владельцам скотоводческих хозяйств использовать труд китайских батраков. В связи с этим в русские отряды стали поступать просьбы о направлении бойцов на сельскохозяйственные работы. Идя навстречу запросам, командир Сунгарийского отряда направил на сенокос на станции Аньда и Сарту (примерно в 120 и 135 км к западу от Харбина) эскадрон двухвзводного состава под командованием ротмистра Мустафина (командиры взводов — корнеты Н. А. Баклашев и С. П. Шароглазов). В распоряжении эскадрона было по шесть винтовок на взвод и «маузеры» у офицеров и унтер-офицеров, а также сабли у всего личного состава эскадрона²²⁴. Остальные отрядники оставались на станции Сунгари-2, за исключением нескольких офицеров, которые получили отпуск и выехали к местам проживания.

После выхода приказа о расформировании РВО половина личного состава Ханьдаохэцзийского отряда была отправлена в резерв и покинула военную часть. Оставшиеся бойцы под руководством корнета Шимко были объединены в трудовую дружину в составе трех взводов. Помощником Шимко являлся корнет Михайлов. Дружина работала на заготовке сена в районе Хайлинской пади и поселка Эхо (65–90 км от Ханьдаохэцзы).

Остальные офицеры отряда во главе с майором Гукаевым были направлены в распоряжение Муданьцзянской ЯВМ,

контролировавшей восточную линию СМЖД. Здесь они получили новые назначения. Майор Гукаев возглавил Союз резервистов восточного района в Муданьцзяне вместо поручика Ложенкова, ротмистр Ядыкин — отделение Союза резервистов на станции Ханьдаохэцзы, сменив на этом посту поручика Ильинского. Их помощниками стали соответственно корнет Буйнов и прапорщик Павлов. Корнет Яшков получил должность сотрудника молодежного отдела Ханьдаохэцзийского отделения БРЭМ. Поручик Плешко был направлен в военную миссию города Цзямусы, а корнет Богатырь оставлен при Муданьцзянской ЯВМ. В Муданьцзяне находились и другие бывшие офицеры Ханьдаохэцзийского отряда — поручик Ложенков и корнет Лукеш, являвшийся чиновником русского отделения Киовакай.

Личный состав Хайларского отряда, так же как и других РВО, был сведен в трудовую дружину. В июле из состава дружины были выделены две группы, которые уехали на сенокос в местечки Ара-Булаг и Шаратала (недалеко от поселка Якеши). Первую группу в 30 человек при четырех карабинах и трех «маузерах» возглавил прапорщик Черепанов. Вторую группу из 15 человек — младший урядник И. В. Белокрылов. 26 июля в тайгу близ местечка Вакручи (Трехречье, в районе поселка Дубовая) для заготовки бересты выбыла группа из 20 человек под руководством вахмистра Поручикова. Группа имела при себе четыре карабина и «маузер»²²⁵. Тринадцать человек под руководством вахмистра Переводчикова косили сено в 18 км к северо-западу от Хайлара²²⁶. Часть бойцов под командованием майора Пешкова оставались в самом Хайларе.

Тяжелая ситуация неопределенности и предполагаемая подготовка советских войск на Дальнем Востоке для наступления заставили японцев начать подбор разведчиков из числа русских и китайцев для заброски на советскую территорию. Особенно активно такая деятельность велась на восточной линии. 16 июля корнет Богатырь был назначен инструктором разведотдела Муданьцзянской ЯВМ, в задачу которого входило курирование русских разведчиков. 24 июля на советскую территорию были направлены первые разведчики. Есть сведения и о заброске нескольких

русских разведгрупп на территорию советского Забайкалья из северо-западной Маньчжурии в мае–июле 1945 г.

В конце июля несколько резервистов, обучавшихся в отряде «Облако», по приказу японских властей были собраны ротмистром Тырсиним в Харбинс и размещены в гостинице «Нью-Харбин». В течение недели резервисты в составе групп из трех человек тренировались для перехода границы. 7 августа члены разведгрупп получили экипировку (фотоаппараты, компасы, резиновую обувь, обмотки, резиновые пузыри для переправы через реку) и были отправлены в сопровождении японских инструкторов на границу. В частности, группа вахмистра Шабалина направлялась в Сахалин. Но начавшиеся в ночь с 8 на 9 августа 1945 г. боевые действия спутали все планы японского командования. Заброска русских разведгрупп на советскую территорию была отменена.

Глава 7

Август 1945 г.

Мощное наступление советских войск тремя фронтами с территории Приморья, Приамурья, Забайкалья и Монголии не оставило японцам ни времени, ни шансов на организацию эффективной обороны. Тем не менее японские войска оказали упорное сопротивление более многочисленным, лучше вооруженным и подготовленным частям Красной армии.

В восточной части Маньчжурии наступление на японские позиции осуществлялось силами 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов; 1-й Дальневосточный фронт наносил главный удар в направлении на Мулин и Муданьцзян. Ночью 9 августа под прикрытием проливного дождя передовые части прорвали японскую оборону и за двое суток в сложных условиях горно-лесистой местности продвинулись на 75 км, заняв укрепрайоны Хутоу, Пограничная, Дуннин. Ожесточенные бои пришлось вести за каждый укрепленный объект, японцы сражались до последнего солдата. Особенно трагические события развернулись при штурме высот «Верблюд» и «Острая» в Хутоуском укрепрайоне. Японские гарнизоны, отвергнув ультиматум о сдаче, были полностью уничтожены. Вместе с ними погибли все женщины и дети, члены семей японских военнослужащих, находившиеся в подземных крепостных казематах. 14 августа советские части вступили в бои за Муданьцзян, обороняемый 5-й японской армией. Бои не утихали в течение трех дней, японские подразделения несколько раз переходили в контрнаступление. 16 августа город пал, для советских частей была открыта дорога на Харбин и Гирин.

Войска 2-го Дальневосточного фронта, форсировав Амур, вели наступление на сунгарийском направлении. Наиболее ожесточенные бои на этом направлении развернулись за Фугдинский укрепрайон, который советские части штурмовали два дня. После падения Фугдина был высажен десант в Цзямусы, откуда советские войска стали наступать по обоим берегам Сунгари на Харбин. Вместе с другими сотрудниками ЯВМ в Цзямусы был арестован бывший командир роты Ханьдаохэцзйского РВО поручик Плешко.

В западной части Маньчжурии бои вели войска Забайкальского фронта. На левом участке фронта части советской 36-й армии, обойдя с севера Трехречье, сосредоточили все свои силы на взятии Хайларского укрепрайона, самого мощного в Маньчжурии. На преодоление этого участка японской обороны потребовалось шесть дней. Последние группы японцев сдались здесь только 18 августа.

С первого дня войны японское командование в спешном порядке начало возводить дополнительные оборонительные сооружения и располагать зенитные установки в поселках и на железнодорожных станциях западной и восточной линий СМЖД. В боевую готовность были приведены все подразделения армии Маньчжоу-го. 9 августа была объявлена общая мобилизация русских резервистов, бывших служащих горно-лесной полиции, кадров, прошедших обучение на разведывательно-диверсионных и пропагандистских курсах ЯВМ.

Как отнеслись к начавшейся советско-японской войне русские эмигранты? Подавляющее большинство тех, кто попадал под мобилизацию, не хотели положить свои жизни на жертвенный алтарь борьбы за «общий дом» Великой Восточной Азии.

Некоторые эмигранты уже давно сотрудничали с советской разведкой. Не были исключением и военнослужащие РВО. Командир Сунгарийского отряда полковник Смирнов еще в конце 1941 г., являясь сотрудником 2-го отдела харбинской военной миссии, начал работать на советскую разведку²²⁷. С советской разведкой сотрудничал и заместитель начальника Союза резервистов подполковник

Ассерьянц-Наголян, а полковник Косов, еще один бывший асановец, работал на американцев.

С началом военных действий между СССР и Японией в западных и восточных районах Северной Маньчжурии появились русские (иногда совместно с китайцами) партизанские отряды, которые оказали немалую помощь советским войскам в ликвидации и пленении отдельных японских подразделений и остатков разгромленных воинских частей. В партизанские отряды входило немало русских полицейских и резервистов.

Одно из наиболее крупных партизанских соединений действовало в приграничных с советским Приморьем районах с центром в поселке Коломбо. В его состав входили русские и китайские партизанские отряды деревень Силинхэ, Лодя, Аржан, Сепича. Соединение возглавлял Н. И. Розальон-Сошальский, в прошлом командир Эрдаохэцзийского отряда горно-лесной полиции. Партизаны вели боевые действия в тылу японской армии, а после ее разгрома уничтожали и вылавливали рассеянные группы японских военнослужащих. Только пленными советским военным властям были переданы партизанами более 700 человек²²⁸.

В районе поселка Якеши действовал партизанский отряд бывшего пешковца Силантьева. Его бойцы, в частности, 10 августа взяли под контроль строящуюся разведывательно-диверсионную базу № 35, арестовав ее немногочисленную охрану²²⁹.

Основная масса эмигрантов, годных для военной службы, не хотела быть вовлеченной в открытое вооруженное противостояние между японцами и Советами, надеясь, что советская власть не будет мстить тем, у кого нет больших «грехов» перед бывшей Родиной. А некоторые были настолько деморализованы, что решили покориться любому повороту судьбы.

Несомненно, были и те, кто, несмотря на всю безнадежность положения, готовы были сражаться. Но таких были единицы.

Некоторые эмигранты предприняли попытку покинуть территорию Маньчжоу-го, перебравшись в соседний Северный Китай. 14 августа японская администрация в Харбине выделила для эмигрантов, желавших выехать из Маньчжоу-го, железнодорожный

состав, несмотря на нехватку вагонов для эвакуации японского населения. Состав ушел из Харбина полупустым. Эмигранты не доверяли японцам: одни считали, что это ловушка, другие готовились к приходу Красной армии. Среди немногих известных нам асановцев, покинувших Маньчжоу-го, были полковник Косов²³⁰ и прапорщик Д. Горячев, выехавшие со своими семьями в Тяньцзинь. В преддверие отъезда из Харбина Косов собрал всех находившихся в его подчинении инструкторов военного дела 2-го отдела БРЭМ и предложил им эвакуироваться на юг Китая, но никто из них не выразил желания присоединиться к своему начальнику²³¹.

Из трех бывших РВО только сунгарийский не попал в зону непосредственных боевых действий и не был использован японскими войсками в организации сопротивления частям Красной армии. Причиной этого, возможно, явились сведения, полученные японским командованием в первые дни войны о нежелании русских эмигрантов воевать на японской стороне и их стремлении оказать поддержку наступающей Красной армии.

С началом войны предоставленный сам себе полковник Смирнов принял решение распустить остатки отряда и передать документы и отрядное имущество на станции Сунгари-2 советским частям. 13 августа Смирнов перед строем объявил о роспуске отряда и предложил бойцам покинуть часть. После этого с ним осталось не более 30 человек — почти все офицеры и часть унтер-офицерского состава. Основная часть отрядников выехали в Харбин, некоторые, покинув расположение гарнизона, остались в поселке Лаошаогоу.

15 августа японский император Хирохито официально объявил о капитуляции Японии. Дальнейшее сопротивление японских войск после этого акта было обусловлено отсутствием достоверной информации о капитуляции или решением принять на себя всю тяжесть «потери лица» Великой Японией и закончить жизнь в последней самоубийственной схватке с врагом, как подобает настоящему самураю.

Стремление «последних самураев» умереть за императора могло привести к ненужным в условиях окончившейся войны инцидентам, а желание китайцев покончить с японцами и их приспешниками и «экспроприировать экспроприированное» — ко всеобщему хаосу. В связи с этим в Харбине 15 августа часть руководства БРЭМ и просоветски настроенные эмигранты при поддержке советского консульства образовали Штаб обороны Харбина (ШОХ), имевший в своем распоряжении более тысячи вооруженных бойцов, составлявших отряд самообороны. Часть бойцов ШОХа являлись резервистами РВО. Оружие дружинники получали из различных источников, частично от разоружения японцев, с военных складов и т. п. Так, начальник оружейного отделения 2-го отдела Бюро, асановец, младший унтер-офицер В. Г. Хундадзе передал весь вверенный ему арсенал представителям советского консульства. Здесь были 2 ручных пулемета, около 100 винтовок, 10 тысяч боевых патронов, обмундирование и снаряжение на 200 человек.

Большую работу по организации отряда самообороны вел корнет Голубенко, временно возглавлявший 2-й отдел Главного БРЭМ после отъезда на юг полковника Косова. Его усилиями в отряд были привлечены имевшие хорошую военную подготовку и поэтому особенно ценные ввиду возможных вооруженных столкновений несколько десятков резервистов. Например, второй полуротой отряда самообороны командовал выпускник юнкерского училища отряда Асано, младший офицер команды связи Сунгарийского РВО, корнет В. В. Гальвин, самовольно покинувший гарнизон и выехавший с женой в Харбин еще до роспуска отряда полковником Смирновым. По некоторым свидетельствам, часть оставшихся с полковником Смирновым офицеров и унтер-офицеров Сунгарийского отряда 15 августа прибыли в Харбин и также приняли участие в организации самообороны²³².

Асановцы, оставшиеся в поселке Лаошаогуо, составили вместе с китайцами местный отряд самообороны, охранявший склады и мосты. Отряд действовал до 30 августа, до момента прихода на станцию Сунгари-2 советских частей²³³.

Под руководством асановцев части отряда самообороны после небольшой стычки с охраной установили контроль над более чем километровым железнодорожным мостом через реку Сунгари, что обеспечило его защиту от подрыва (такие попытки предпринимались японскими «смертниками») и в дальнейшем бесперебойную переброску советских частей в Порт-Артур. Резервисты РВО совместно с харбинской молодежью несли охрану всех значимых объектов города, не допуская грабежа и провокаций вплоть до прихода в город 20 августа основных частей Красной армии²³⁴. Бойцами отрядов самообороны были задержаны несколько высокопоставленных японских офицеров и чиновников.

Даже после учреждения в Харбине советской комендатуры часть отряда самообороны помогала наводить порядок и нести охрану города. Окончательно отряд самообороны был ликвидирован 3 сентября. Многие резервисты получили благодарность от советского командования. От лица советской администрации членам отряда самообороны было обещано, что они первыми получат советские паспорта²³⁵.

Ротмистр Мустафин на станции Аньда, получив в первые дни войны от полковника Смирнова записку действовать по своему усмотрению, также предложил всем желающим покинуть дружину и вернуться домой. Под его руководством в это время находился один взвод, второй работал в районе станции Сарту. После роспуска дружины с Мустафиным осталось человек двадцать. Совместно с частью бойцов взвода, прибывшего со станции Сарту, китайскими военными служащими и добровольцами из местной русской молодежи они взяли на себя охрану порядка и имущества на станции Аньда, где размещались крупные медицинские склады, а также в окрестных поселках — Сарту, Ломадянцзы, Тайкан. Японский гарнизон покинул Аньда в первые дни войны, не причинив большого ущерба поселку. Подоженные им казармы и склады были быстро потушены. Главную угрозу здесь составляло местное китайское население, которое пыталось разграбить казенное имущество. Чтобы раздобыть себе оружие, бойцы Мустафина разоружили железнодорожную полицию.

Вплоть до 20 августа асановцы контролировали ситуацию на станции Аньда и в прилегающих районах. За это время ими были захвачены два японских эшелона, перевозивших авиационные моторы и оборудование ремонтных мастерских. Японская охрана эшелонов была обезоружена и арестована, кроме того, были пленены несколько небольших японских воинских подразделений. Согласно одному из свидетельств, общая численность японских военнопленных, захваченных людьми Мустафина, составила около 2,5 тыс. человек²³⁶.

По воспоминаниям одного из русских аньдинцев, работавших в отряде самообороны совместно с асановцами, все имевшееся на станции японское имущество было передано советским военным властям. В день прибытия на станцию первого советского эшелона (20 августа) ему была устроена торжественная встреча. «Построились brave кавалеристы воинского отряда. Ротмистр лихо отпартовал начальнику эшелона, советскому майору (называя его “господин майор”), который, конечно, не ожидал такого рапорта, но принял его с большим достоинством»²³⁷. До 6 сентября отрядники, получив советское обмундирование и недостающее оружие, продолжали нести охрану станции совместно с советскими военнослужащими. Затем их разоружили, но они по-прежнему оставались на станции, ухаживая за казенными лошадьми. 15 сентября асановцы получили документы от советской комендатуры, разрешающие следовать по железной дороге, и разъехались по домам²³⁸.

На восточной линии СМЖД, где боевые действия велись особенно ожесточенно, эмигрантские военные подразделения были задействованы наиболее активно. По плану Штаба Квантунской армии при каждой военной миссии на восточной линии формировались «батальоны особого назначения» (всего четыре), объединенные в Муданьцзянский особый отряд. В состав этого отряда включались и эмигрантские подразделения. На станции Муданьцзян располагался 3-й батальон отряда.

9 августа майор Гукаев получил приказ воссоздать и возглавить русский воинский отряд на востоке Маньчжурии, его

заместителем был назначен ротмистр Ядыкин. Корнет Богатырь был поставлен начальником над русскими агентами разведотдела Муданьцзянской ЯВМ. К 13 августа из ожидаемых нескольких сотен человек под руководством Богатыря собрались 22 агента-разведчика, 24 резервиста и 6 разведчиков из староверов.

В это же время были сформированы пять диверсионных отрядов из резервистов и бывших полицейских. Отряды возглавили поручик А. А. Ильинский (станция 22-я верста, в районе Ханьдаохэцзы), капитан С. Г. Трофимов (станция Эрдаохэцзы), прапорщик Павлов (Мулинские копи), поручик Ложенков (станция Ханьдаохэцзы) и прапорщик Лукеш. Каждый отряд насчитывал 30–40 бойцов, имея на вооружении винтовки, гранаты и взрывчатку. Отряды делились на отделения, каждое из которых имело в своем составе три звена — ударное, подрывное и прикрывающее. Первое звено устраняло охрану объекта, второе — устанавливало взрывчатку и производило подрыв, третье — прикрывало отход. В задачу диверсионных отрядов входила борьба с советскими танками и уничтожение коммуникаций в тылу Красной армии.

Получив приказ о восстановлении РВО, майор Гукаев прибыл на станцию Ханьдаохэцзы, но к работе не приступил, сказавшись больным, и передал руководство воссозданием отряда ротмистру Ядыкину. Гукаев давно искал повод порвать с военной службой, но все его попытки уволиться в прошлые годы заканчивались предупреждением, что в случае увольнения за его благополучие и благополучие его семьи никто ручаться не будет. Теперь, когда такой случай представился, Гукаев, оставив своих бойцов, уехал с женой и шестилетним сыном на станцию Шитоухэцзы.

10 августа под командованием ротмистра Ядыкина собралось более ста человек. На общем построении он объявил о создании под своим руководством 1-го РВО в составе двух рот. Первую роту возглавил корнет Шимко, вторую — корнет Михайлов. Адьютантом воссозданного отряда стал прапорщик Павлов.

На следующий день, утром, получив из военной миссии в качестве вооружения винтовки, ручные пулеметы, гранаты и взрывчатку, группа из 68 человек под командованием корнета Шимко

была направлена в Хайлинскую падь. В задачу этой группы входило создание замаскированной базы для обеспечения диверсионной деятельности против частей Красной армии. К вечеру того же дня отрядники добрались до места назначения и расположились лагерем в сопках. По-видимому, отряд не имел надежных средств связи, и, чтобы определить обстановку, Шимко с несколькими бойцами 13 августа совершил разведку вдоль Хайлинского тракта. Здесь разведчики узнали, что советские войска взяли Мулин и наступают на станцию Эхо. Вернувшись в лагерь, Шимко застал здесь прибывшего со станции Ханьдаохэцзы посыльного Гавриленко, который передал ему приказ Ядыкина о возвращении на базу.

В тот же день, 13 августа, на станцию Ханьдаохэцзы прибыла группа связистов из 9 человек, которые должны были обеспечить связь РВО с отрядами Трофимова и Ильинского. Шесть человек из группы в тот же день выехали в Муданьцзян. Одновременно с ними в направлении станции Шаньши выступил отряд из 30 человек (в основном это были старообрядцы), возглавляемый корнетом Яшковым. Заместителем командира являлся фельдфебель В. Гавриленко. Отряд состоял из двух отделений и команды охотников (разведчиков). В задачи подразделения входила борьба с противником вдоль железной дороги на отрезке от станции Ханьдаохэцзы до станции Шаньши.

Корнет Шимко, получив приказ о возвращении на станцию Ханьдаохэцзы, не спешил его выполнять. Он собрал весь отряд и предложил тем, кто желает вместе с ним перейти на сторону Красной армии, сделать шаг вправо, тем, кто не желает, — шаг влево. Практически все поддержали командира. После этого Шимко, обращаясь к бойцам, произнес: «Я вам не скажу, что нас примут хорошо или плохо, но мы русские, мы должны вернуться к русским».

Утром 14 августа отряд Шимко выдвинулся в сторону Муданьцзяна. Гавриленко и еще пять человек, не пожелавшие идти с Шимко, возвратились на станцию Ханьдаохэцзы. Возможно, сообщение Гавриленко о стремлении отряда Шимко сдать совет-

ским войскам заставило Ядыкина отправить 16 августа в Хайлинскую падь отряд Ложенкова. Но было уже очень поздно. К этому времени отряд Шимко, приняв участие в нескольких стычках с небольшими группами японских солдат, вышел к станции Кабарин и 16 августа сдался частям Красной армии. В тот же день, узнав у отступавших японских частей о падении Муданьцзяна, корнет Яшков со своими людьми ушел в старообрядческий поселок Романовка, из которого происходила большая часть его бойцов. Здесь отряд был распущен, а его оружие впоследствии Яшков передал советским властям.

Что касается подразделений, остававшихся на станции Ханьдаохэцзы под командованием ротмистра Ядыкина, первоначально в их распоряжении имелось лишь 9 винтовок и 4 «маузера». Дополнительное вооружение было доставлено только 14 августа. До 17 августа отрядники несли караульную службу на станции, предотвратив попытку подрыва станционной водокачки, которую предприняла группа полицейских. Диверсанты были арестованы, но позднее по требованию военной миссии отпущены.

17 августа ротмистр Ядыкин получил приказ от начальника ЯВМ выдвинуться с остатками отряда в Хайлинскую падь. Вместе с бойцами Ядыкина станцию покинула группа полицейских под руководством надзирателя В. И. Майорова и некоторые гражданские лица. На Ханьдаохэцзы оставалась небольшая группа солдат под командованием корнета Михайлова, которые, получив продовольствие и взрывчатку, несколько позднее присоединились к основному отряду. В пути следования отряд Ядыкина встретился с отрядом Ложенкова, который сутками ранее выдвинулся в том же направлении. Отойдя несколько километром от Ханьдаохэцзы, бойцы Ложенкова отказались идти дальше, и командир ничего не смог сделать. С приходом отряда Ядыкина люди Ложенкова влились в его подразделение.

Утром 18 августа отряд Ядыкина вышел на вершину пади на 7-й версте. Здесь отряд простоял весь день. Вечером того же дня, получив сведения от разведчиков, направленных на Ханьдаохэцзы о том, что на станцию вступают части Красной армии, Ядыкин

построил личный состав и сделал важное объявление. Он сказал о том, что с самого начала военных действий между советскими и японскими войсками командование РВО приняло решение не оказывать сопротивление Красной армии, тем более что есть сведения о вероятной капитуляции японцев. В заключение командир предложил крикнуть «ура» за скорое окончание войны.

19 августа отряд Ядыкина возвратился на станцию Ханьдаохэцзы и сложил оружие. Офицеры были отделены от основной массы отрядников и задержаны, а рядовой и унтер-офицерский состав отряда был привлечен советской комендатурой к сортировке оружия сдающихся японских частей, разряжению мин и малых авиабомб при здании железнодорожного вокзала.

В то время как на станции Ханьдаохэцзы шло восстановление РВО, в Муданьцзяне пытались выяснить стремительно меняющуюся обстановку на фронте, который быстро подкатывался к Муданьцзяну. Царили растерянность и нервозность. Для выяснения обстановки в прифронтовой зоне были направлены несколько групп русских и китайских разведчиков, но ни одна из групп назад не возвратилась.

12 августа подрывники старшего унтер-офицера Жигалина получили приказ заминировать мост между станциями Эхо и Муданьцзян, расположенный в долине реки Муданьцзян с ее высокими скалистыми берегами. Приказ был выполнен, но командование Муданьцзянского особого отряда, не зная обстановку на фронте и опасаясь, что мост может потребоваться японским войскам, на следующий день отдало распоряжение снять взрывчатку.

Ночью 13 августа из Штаба японских войск пришел приказ оставить Муданьцзян в связи с прорывом к городу советских войск. 14 августа разведотдел ЯВМ и базировавшийся на станции 3-й батальон Муданьцзянского особого отряда (в его состав входили диверсионные отряды Трофимова и Ильинского) переместились на машинах на разъезд Лагу, оставив на железнодорожной станции несколько разведчиков из японцев и китайцев. Прибывшие сюда со станции Ханьдаохэцзы связисты уже никого не

застали и направились в сторону Хайлина, а оттуда возвратились на Ханьдаохэцзы.

По приказу капитана Камимура отряд Ильинского был оставлен на разъезде Лагу, а отряд Трофимова выдвинут на десять километров по Хайлинской пади. Отряды получили задание установить связи между собой и организовать разведку, в случае появления советских войск вести диверсии в их тылу.

Три дня шли упорные бои за Муданьцзян, где советским войскам противостояла японская 5-я армия. Несколько раз японцы переходили в контрнаступление, отбросив один раз советский 26-й стрелковый корпус на несколько километров от города.

Неоднозначность фронтовой обстановки и отсутствие четкого плана действий у японского руководства привели к возвращению 3-го батальона Муданьцзянского особого отряда 15 августа на станцию Муданьцзян. Чтобы выяснить, что же происходит в непосредственной близости от станции, было решено отправить русскую разведгруппу из 12 человек в район станции Эхо, где располагалась линия японской обороны, для поимки «языка». Задача не была выполнена.

Новое пребывание на станции Муданьцзян было недолгим. Ночью с 15 на 16 августа полковник Харада, командир 3-го батальона Муданьцзянского особого отряда, приказал покинуть станцию и уходить в сопки, там создать базу для диверсионных действий против частей Красной армии. Рано утром отряд, возглавляемый капитаном Камимурой, выехал на разъезд Лагу. Здесь к ним присоединились несколько разведчиков, отправленных к линии фронта 13 августа. Оказалось, что группа была обстреляна советскими солдатами и рассеялась. Из одиннадцати человек назад вернулись только четверо.

16 августа Муданьцзян окончательно перешел в руки Красной армии.

Отряд на разъезде Лагу принял решение двигаться в сторону Ханьдахэцзы. Больные были отправлены на станцию на машине, остальные бойцы (около 20 русских и 45 японцев) выдвинулись в том же направлении в пешем порядке. По пути следования

предполагалось подорвать деревянный мост между станциями Хайлин и Ханьдаохэцзы. Но, сбившись с маршрута, отряд прошел значительно севернее моста. Возвращаться было опасно, поэтому двинулись дальше. Капитан Камимура отстал от отряда вблизи Хайлина.

Вечером 19 августа, перевалив хребет Старый Барабан (?), отряд вышел на 10-м километре железнодорожной ветки японской лесной концессии Кондо, где бойцы узнали, что советские войска заняли станцию Ханьдаохэцзы. Для выяснения обстановки вперед выслали двух русских разведчиков, которые так и не вернулись к отряду. 20 августа корнет Богатырь и оставшийся за старшего японский подпоручик Сикай обсудили сложившуюся ситуацию и решили действовать каждый самостоятельно. Японцы были рады избавиться от русских, на надежность которых полагаться не приходилось. Богатырь предложил своим людям самим решать свою дальнейшую судьбу, заявив, что собирается пробираться в Харбин. После этого с корнетом остались шесть человек, с которыми он и явился в советскую комендатуру на станции Ханьдаохэцзы 23 августа.

Другие русские отряды, оперировавшие на восточной линии СМЖД, также не приняли участия в боевых действиях, сдавшись при первой возможности в плен советским частям. Бойцы капитана Трофимова, чей отряд находился в Хайлинской пади, заявили командиру о желании уйти в сопки и переждать боевые действия в этом районе. 15 августа трофимовцы натолкнулись на японскую часть. И в то время пока командир с одним из бойцов, знавших японский язык, направился на переговоры, отряд бросился в сопки. Возникла небольшая перестрелка, но русские скрылись. Трофимов и единственный оставшийся с ним боец последовали с японским отрядом и 18 августа сдались советским частям на станции Ханьдаохэцзы. Остатки отряда Трофимова частично сдались, частично разошлись по домам.

Отряд поручика Ильинского также не имел никакого желания взрывать советские танки, как ему было приказано японским командованием. Единственным препятствием для русских являлся

сотрудник Ханьдаохэцзийской ЯВМ инспектор Эндо, с 10 августа находившийся при отряде. Эндо при выступлении отряда объявил бойцам, что наступил самый решающий момент борьбы и любое неповиновение будет жестоко караться. 15 августа подразделение Ильинского разбило лагерь в сопках у разъезда Лагу. Желая сдать в плен советским войскам и опасаясь, как бы Эндо не связался с японскими частями, которых было немало в окрестностях, Ильинский приказал убить японского инспектора. Поздним вечером того же дня Эндо был застигнут врасплох двумя русскими полицейскими, которые оглушили его ударом ствола автомата и прикололи штыком. После убийства японца отряд Ильинского возвратился на место старой дислокации, на 22-ю версту, к своим семьям, а 24 августа русские вышли на станцию Ханьдаохэцзы, где сдались советскому коменданту.

Часть бывших русских отрядников и полицейских, находившихся в предназначенных для борьбы с частями Красной армии на восточной линии СМЖД подразделениях, приняли участие в отрядах самообороны. Эти отряды в русских поселках создавались повсеместно — и на восточной, и на западной линиях железной дороги. Отряды защищали местное население от нападений остатков еще не сдавшихся японских воинских частей и китайских мародеров. Один из таких отрядов был создан в поселке Романовка, куда вошли остатки подразделения корнета Яшкова во главе с ним самим.

Обстановка в окрестностях Романовки была очень серьезной. В конце августа здесь в засаду попал крупный отряд советских солдат, потеряв в бою с японскими «смертниками» более 50 человек. Самоохрана Романовки участвовала в разоружении мелких японских групп, большую роль здесь играло отличное знание корнетом Яшковым японского языка. Сколько раз в ходе переговоров вместо кровопролитного столкновения японцы складывали оружие.

По предложению советского командования Яшков дал согласие работать в качестве переводчика в одной из воинских групп, занимавшихся разоружением остатков японских частей, и даже был включен в список представленных к награждению орденами

и медалями. Но вместо награды корнет был арестован смершевцами в начале сентября 1945 г.

Аналогичный романовскому отряд самообороны существовал в поселке Александровка, в состав которого входили несколько резервистов. Отряд имел несколько стычек с японцами и захватил в плен около двухсот человек²³⁹.

На западной линии в первый день войны японцы также объявили о мобилизации всех русских, прошедших военную подготовку. По приказу японской администрации 9 августа во всех крупных станционных и других русских поселках западной линии из состава резервистов были сформированы отряды самоохраны, получившие на вооружение винтовки из японских arsenалов. В задачи этих отрядов входила борьба против частей Красной армии, но ни один из них не принял участия в вооруженном сопротивлении советским войскам.

В центре русского Трехречья, поселке Драгоценка, сбор резервистов и ополченцев был объявлен в поселковой церкви, но так и не состоялся из-за быстрого продвижения советских войск. По приказу японских властей в Драгоценке было взорвано здание ЯВМ и Сельскохозяйственного союза. После чего сотрудники военной миссии под охраной русских резервистов выехали в поселок Икэн, откуда резервисты разбежались.

Наступление советских войск было настолько стремительным и мощным, что японцы не успевали организовать эффективную оборону. Уже 10 августа советские войска вошли в северную часть Трехречья. Японские части отступали, почти не получая помощи от их русских союзников. Это вызывало сильную озлобленность японских солдат и привело к ряду кровавых инцидентов. Например, проходя через поселок Драгоценка, японцы убили здесь главу станичного управления полковника Сергеева. Полковник с женой были заколоты штыками²⁴⁰. Существует и другая версия гибели Сергеева и его жены — совсем не от рук японцев: при отступлении из Трехречья полковник Сергеев следовал вместе с японскими частями на Верхнюю Ургу, а оттуда к японскому поселку Айкан.

В пути следования полковник и его жена были расстреляны из револьвера переводчиком военной миссии православным корейцем Н. Н. Кимом, советским агентом. Жена Сергеева была убита наповал, а он сам тяжело ранен и скончался через три дня в поселке Покровка²⁴¹.

Больше всего от рук японцев в августе 1945 г. пострадали советские граждане, отказавшиеся в 1935 г. выехать в СССР и продолжавшие жить в некоторых населенных пунктах западной линии СМЖД. С началом войны в Хайларе, Бухэду, Чжаланьтуни и в других населенных русскими поселках были арестованы все не успевшие скрыться советские подданные, многие из которых вскоре были казнены. Обезглавленные трупы 43 казненных советских подданных в Хайларе будут обнаружены только после прихода советских войск на территории специальной тюрьмы японской губернской полиции²⁴².

Чтобы защитить русское население от озлобленных поражением японцев, отряды самоохранны взяли на себя задачу обороны русских поселков и поддержания там порядка. Например, в состав отряда самоохранны трехреченского поселка Верхняя Урга входили несколько пешковцев — сотник Потапов, прапорщик Морозов и др.²⁴³ Некоторые отряды на свой страх и риск нападали на отступавшие японские части, захватывая оружие и пленных. Одним из отличившихся отрядов самоохранны стал отряд концессии Чол, который возглавил асановец Коваленко. Отряд активно действовал против японцев в районе Большого Хингана²⁴⁴.

Наиболее трагичные события первых дней советско-японской войны развернулись в районе Хайлара. Ранним утром 9 августа Хайлар подвергся бомбардировке советской авиацией, которая предшествовала наступлению частей Красной армии на этот крупнейший на западной линии укрепрайон. В этот же день произошла еще одна бомбардировка города. Во время бомбардировок пострадало немало мирных жителей.

Благодаря воспоминаниям опиравшегося на рассказы пешковцев, оставшихся в Хайларе, младшего урядника Белокрылова

и других членов отряда Пешкова, а также изысканиям В. В. Перминова нам удалось восстановить ход событий 9–11 августа.

Утром 9 августа после бомбардировки Хайлара остатки отряда Пешкова (15 человек) под руководством самого майора, получив винтовки, гранаты и каски, прибыли на территорию укрепрайона на окраине Хайлара, где к ним вскоре присоединились еще 16 отрядников с ближнего сенокоса. Один из солдат был отправлен на связь с полковником Портнягиным²⁴⁵, командиром Хайларского казачьего волонтерского полка.

На территории укрепрайона пешковцам объявили, что нужно рыть для себя окопы. Поскольку лопат не было, рыли касками. В этих окопчиках они потом и заночевали. Ночью, находясь в карауле, двое пешковцев забрали лучших коней и бежали, что, по-видимому, и предопределило судьбу оставшихся: утром Пешков получил приказ брать лошадей и отправляться «партизанить». Отрядники, раздобыв первых попавшихся лошадей, частью без седел и уздечек, выехали в сторону второй линии укреплений к Хингану, минуя дорогу, через сопки²⁴⁶. По-видимому, Пешков хотел попасть в поселок Якеши, куда еще накануне боевых действий, 8 августа, в сопровождении старшего урядника Павлова выехали семь офицеров пешковского отряда²⁴⁷. Сюда же должны были прибыть находившиеся на сенокосе в местечках Ара-Булаг и Шаратала трудовые дружины, о чем их командиры были извещены 9 августа приказом майора Пешкова.

Получив такой приказ, прапорщик Черепанов и младший урядник Белокрылов ночью с 9 на 10 августа объединили свои группы (в общей сложности не более 45 человек), а 10 августа на конях прибыли в Якеши. По пути продвижения пешковцы видели зарево над Хайларом, но определить обстановку было сложно.

Якеши выглядели опустевшими. Оказалось, что японцы покинули поселок, выехав в сторону Харбина. Поезда уже не ходили, телеграф и телефон не работали. Никаких сведений о Пешкове и его людях не было. Местные жители, опасаясь погромов со стороны китайцев (на окраине поселка находился лагерь китайских рабочих, пригнанных на сооружение военных объектов),

обратились за помощью к командиру группы прапорщику Черепанову. Это было как раз вовремя, так как несколько китайцев уже пытались поджечь частную паровую мельницу. Пешковцы быстро навели порядок, при этом один из китайцев был ранен, и совместно с местными жителями установили охрану наиболее важных объектов — электростанции, мельницы, военных складов. 11 августа Черепанов собрал свою группу, чтобы обсудить сложившуюся обстановку. Ждать дальше Пешкова не имело смысла, решили разойтись по домам. Черепанов с теми, кто с ним остался, выехал на конях на станцию Чжаромтэ (в 10 км в сторону Хайлара), чтобы сдать советским войскам.

На станции Чжаромтэ советских войск еще не было, и остатки группы распались. Здесь же отрядники узнали о судьбе майора Пешкова и его бойцов. Оказалось, что во время перехода от Хайлара к Якеши часть людей отстали, поскольку не могли ехать без седел, в дальнейшем они и рассказали о том, что произошло позднее.

У местечка Макертуй (или Мыкэртуй, между станциями Чжаромтэ и Хакэ) отряд сделал привал, стремясь определить, по какой дороге двигаться дальше. Многие солдаты разулись, составили оружие в козлы и отдыхали. В это время сопровождавший отряд японец Кикучи, сотрудник ЯВМ, увидел японский кавалерийский отряд, который двигался в том же направлении, что и пешковцы. Подозревая русских в стремлении перейти на советскую сторону, Кикучи попросил помощи у японских кавалеристов в аресте русских. Появление японцев вызвало настороженность некоторых членов отряда. Корнет Зимин предложил Пешкову разобрать оружие, но майор не хотел провоцировать конфликт. Пешковцы были окружены, им предложили следовать вместе с японцами в Якеши для выяснения их личностей. Кикучи уговаривал Пешкова подчиниться и даже дал себя связать, но, почувствовав неладное, русские стали сопротивляться. Силы были неравны: отрядников скрутили ремнями и построили на дороге. Командир японского отряда не собирался вести русских в Якеши, а приказал здесь же расстрелять их из пулеметов. Тела расстрелянных были брошены в кювет, при

этом тех, кто еще был жив, добивали штыками. Но японцы сильно торопились и двое пешковцев, получив многочисленные ранения, все же остались живы. Всего в тот день вместе с командиром отряда погибло 23 бойца, кроме того, японцы при отступлении из Хайлара у казарм отряда убили отрядного повара Новожилова²⁴⁸.

12 августа части Красной армии заняли станцию Якеши, 15 августа пал Хайлар, хотя последние разрозненные группы японцев сдались здесь только 18 августа.

Группы пешковцев под командованием вахмистров Поручикова и Переводчикова не имели связи с основным отрядом. Когда весть о начале войны добралась до командиров этих групп, Поручиков распустил своих бойцов, а Переводчиков со своей группой после взятия Хайлара советскими частями возвратился в город.

Несмотря на то что ни один военнослужащий РВО не поднял оружие против Красной армии, большая часть бывших отрядников были арестованы Смершем. Советская контрразведка не делала различий ни для тех, кто помогал Красной армии в разгроме японцев, ни для тех, кто сдался в плен с оружием в руках в период боевых действий. И речи не могло быть о снисхождении к «белобандитам».

29 августа в одном из Муданьцзянских концлагерей были собраны более ста участников действовавших на восточной линии СМЖД русских вооруженных формирований, добровольно сдавшихся частям Красной армии. Через два месяца их вместе с другими категориями арестованных на восточной линии русских эмигрантов отправили на советскую территорию, в город Гродеково²⁴⁹. Туда же было вывезено все русское командование Сунгарийского отряда и несколько десятков асановцев, арестованных в Харбине. Аресты также проходили в Хайларе и по всей западной линии. В целом аресты и депортация бывших военнослужащих русских воинских отрядов, как и других категорий эмигрантов, продолжались до весны 1946 г. В отдельных случаях пострадали родственники асановцев и пешковцев. Из воспоминаний жителя трехреченского поселка Усть-Кули известно, что проживавшая

в этом поселке жена майора Пешкова, как жена врага народа, была изнасилована целым взводом советских солдат и осталась жива только благодаря помощи врача-корейца²⁵⁰.

Сегодня нам известна судьба практически всех русских офицеров РВО. Помимо погибших офицеров Хайларского отряда и офицеров, выехавших из Харбина на север Китая, остальные были арестованы и вывезены на советскую территорию. Не стали исключением и работавшие на советскую разведку полковники Смирнов и Ассерьянц. Единственный, о ком мы не имеем сведений, это ротмистр Тырсин. Гораздо сложнее обстоят дела с японскими офицерами отряда Асано. Только в отношении первого командира отряда, полковника Асано, встречаются свидетельства о его гибели в августе 1945 г. Существуют две версии. Согласно одной из них полковник Асано в середине августа 1945 г. застрелился или отравился, оставаясь в Харбине²⁵¹. По иной версии, являющейся не чем иным, как красивой легендой, Асано, как и другие японские офицеры в Харбине, был арестован советскими войсками. Но, получив разрешение от советской военной администрации Харбина (не свойственное для советского руководства благородство и опасная неосторожность), был вывезен на станцию Сунгари-2, где покончил жизнь традиционным для самурая сэппуку. Перед смертью он якобы оставил записку, обращенную к своим бывшим русским подчиненным: «Смертью своею вину перед вами искупаю»²⁵².

По косвенным данным, до восьмидесяти процентов из примерно полуторатысячного контингента прошедших военную службу эмигрантов после депортации в Советский Союз исчезли — кто на долгие годы, кто навсегда за колючей проволокой ГУЛАГа.

Заключение

Русские воинские формирования в Маньчжоу-го явились, с одной стороны, показателем продолжающейся гражданской войны в российском обществе и рассматривались антибольшевистскими силами как основа национальной освободительной армии. С другой стороны, формирующиеся под японским руководством и нацеленные на выполнение японских планов, которые зачастую не совпадали с устремлениями политических кругов эмиграции, русские воинские отряды не могли стать национальными воинскими подразделениями. Не соответствовала национальным устремлениям эмиграции и внедряемая японскими властями в Восточной Азии идея «общего дома», служившая основой идеологического воспитания русской молодежи в армии. Лидирующие позиции японцев в строительстве «общего дома», нередко высокомерно подчеркиваемые планы подчинения российской территории до Урала вызывали и затаенную ненависть в эмигрантской среде. Нежелание эмигрантов «таскать каштаны из огня» для японцев, пусть даже при совпадении целей ликвидировать коммунистический режим в России, делало службу эмигрантской молодежи в армии Маньчжоу-го непопулярной. Даже среди казаков, к которым японцы особенно благоволили.

Трагизм положения эмиграции заключался в том, что она не могла добиться успехов в борьбе против большевистского режима на Родине без поддержки извне и в то же время не могла остаться вне этой борьбы (нужно учитывать, что большая часть эмиграции была политически инертна), в силу той значимости, которую придавала ей Япония в своих экспансионистских проектах. При этом нельзя отрицать и наличие достаточно сильного антибольшевистского заряда в жизни отряда Асано, особенно в первые годы его

существования. Вероятно, если бы летом 1941 г. Япония начала войну против СССР, отряд Асано принял бы в ней активное участие. Но «благоприятный» момент был упущен, и в дальнейшем время работало не в пользу Японии. Сильно выросший в годы войны патриотизм в эмигрантской среде, военные неудачи Японии, сопровождаемые ухудшением жизни населения Маньчжоу-го, победа Советского Союза в войне с Германией — все это окончательно увело русских эмигрантов из рядов японских союзников. Русские воинские отряды не только не поддерживали японцев в момент вооруженного противостояния с СССР в августе 1945 г., но и заняли явную антияпонскую позицию. Не меньшей трагедией для русских эмигрантов стало стремление победителя, советской стороны, раз и навсегда окончить гражданскую войну в свою пользу. И тысячи судеб маленьких людей были брошены на великий алтарь победившего коммунистического режима.

Примечания

¹ Цит. по: *Иванова О.* Сказ о Кукольнике // Эхо из небытия / сост. Л. П. Рычков. Новгород, 1992. С. 214–221.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5829. Лукомский А. С. Оп. 1. 1918–1938. Д. 11. Л. 28 об.

³ **Хунхузы** (кит. *хунхуцзы* — красная борода) — члены многочисленных организованных криминальных сообществ (банд), действовавших на территории главным образом Восточной Маньчжурии и в приграничных российских районах.

⁴ **Клерже Георгий Иосифович**, родился в 1883 г. в Эриванской губернии. Окончил 2-й Московский кадетский корпус и Павловское военное училище по 1-му разряду (1903). Выпущен подпоручиком в 155-й пехотный Кубанский полк, с 1904 г. — в 15-м гренадерском Тифлисском полку. Окончил Академию Генштаба по 1-му разряду (1909), служил в Кавказском военном округе. В годы Первой мировой войны воевал на Кавказском фронте, в 1918 г. возглавлял Смешанную персидскую казачью дивизию. Полковник. Возвратился в Россию, нелегально жил в Перми. Служил в войсках Восточного фронта, помощник начальника Главного штаба. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал для поручений при главнокомандующем всеми вооруженными силами Российской восточной окраины, к июню 1921 г. — начальник штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. Генерал-лейтенант. В 1922–1924 гг. военный советник в войсках Чжан Цзолиня. В дальнейшем жил в Мукдене и Шанхае. Казнен японцами в 1938 г.

⁵ **Меркулов Николай Дионисьевич**, купец 1-й гильдии. Владел пароходством на Амуре и спичечной фабрикой в Приморской области. Член Владивостокского биржевого комитета и Приморской торгово-промышленной палаты. Участник Белого движения на Дальнем Востоке. Член президиума Несоциалистического съезда Дальнего Востока и военный министр Временного Приамурского правительства (1921–1922).

Эмигрировал в Китай. Являлся старшим советником генерал-губернатора провинции Шаньдун Чжан Цзунчана (1923–1928). Позднее жил в Шанхае, вице-председатель Совета объединенных русских организаций.

⁶ **Нечаев Константин Петрович**, родился в 1883 г. в г. Лодзь. Окончил Тверское кавалерийское училище (1904). Полковник 5-го драгунского полка. Служил в белых войсках Восточного фронта. Командир 1-го Казанского кавалерийского Добровольческого полка Народной армии, позднее командир кавалерийской бригады 3-го корпуса. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье начальник 1-й Маньчжурского конной дивизии, командир Волжского драгунского полка, начальник гарнизона Читы, начальник 1-й Сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии. Генерал-лейтенант. Эмигрировал в Китай. Начальник Русской группы войск Шаньдунской армии Чжан Цзунчана (1924–1927). Позднее жил в Дайрене, глава Русской национальной общины (с 1930 г.), позднее начальник Дайренского отделения Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). Арестован органами Смерша в августе 1945 г. Приговорен трибуналом Забайкальско-Амурского военного округа к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 5 февраля 1946 г. в Чите.

⁷ Подробнее см.: *Балмасов С. С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007.

⁸ Подробнее см.: Геноцид русских людей в Трехречье. 1929 год [Электронный ресурс] // Историко-культурное наследие Кубани : [сайт]. URL: <http://www.rus-sky.org/history/library/trexechie.htm> (дата обращения: 15.04.2010); *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007. С. 169.

⁹ **Ханжин Михаил Васильевич**, родился 17 октября 1871 г. в г. Самарканде. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1893), Михайловскую артиллерийскую академию (1899), Офицерскую артиллерийскую школу (1903). Генерал-лейтенант, полевой инспектор при штабе Верховного главнокомандующего. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Командир 3-го Уральского армейского корпуса в Челябинске (1918), командующий Западной армией (1919), военный министр Всероссийского правительства (1919–1920). Генерал от артиллерии (1919). В эмиграции в Китае. Начальник Дальневосточного отдела РОВС в Дайрене. Арестован в августе 1945 г. и вывезен в СССР, до 1956 г. находился в лагерях. Умер 14 декабря 1961 г. в Джамбуле.

¹⁰ **Дитерихс Михаил Константинович**, родился 5 апреля 1874 г. Окончил Пажеский корпус (1894), академию Генштаба (1900). Генерал-лейтенант, с 3 ноября 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего. В войсках Восточного фронта, командующий вооруженными сухопутными и морскими силами Приморской области и командир Чехословацкого корпуса. С января 1919 г. начальник штаба русских войск Западного фронта, июнь–ноябрь 1919 г. — главнокомандующий армиями Восточного фронта, начальник штаба Верховного главнокомандующего и военный министр в правительстве адмирала Колчака. В июне 1922 г. избран Земским собором во Владивостоке единоличным правителем и воеводой Земской рати. В эмиграции с 1923 г. в Шанхае, с 1930 г. — начальник Дальневосточного отдела РОВС. Умер 8 октября 1937 г. в Шанхае.

¹¹ **Вержицкий Григорий Афанасьевич**, родился 25 января 1875 г. в г. Летичев. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897). Полковник, командир бригады 134-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Участник свержения большевиков и организации Усть-Каменогорского офицерского отряда. Начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, генерал-майор (1918). Командир 3-го Западно-Сибирского стрелкового корпуса, генерал-лейтенант (1919). Командующий Южной группой Сибирской, затем 2-й армией. Кавалер орденов Св. Георгия 3 ст. и Св. Владимира 3 ст. Участник Сибирского Ледяного похода. С августа 1920 г. командующий Дальневосточной армией, командующий вооруженными силами Приморской области. С мая 1921 г. командующий войсками Временного Приамурского правительства и с октября 1921 г. одновременно управляющий военным и морскими ведомствами. В эмиграции в Китае. С 1930 г. помощник начальника Дальневосточного отдела РОВС, в 1932 г. начальник Маньчжурского отделения РОВС, с 1936 г. — Тяньцзинского отделения РОВС. Умер 20 декабря 1942 г. в Тяньцзине.

¹² **Кислицин Владимир Александрович**, родился 9 января 1883 г. в Киеве. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1900). Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Имел 14 ранений, в том числе три тяжелых. Кавалер Георгиевского оружия и ордена Св. Георгия 4 ст. Участник Гражданской войны на Украине, командующий 3-й кавалерийской дивизии и 3-го корпуса. Генерал для поручений при главнокомандующем Северной армией генерале Миллере (1919). Из Архангельска выехал в Сибирь, в армию адмирала Колчака. Начальник Уфимской и 14-й кавалерийской дивизий. Участник Сибирского

Ледяного похода. В Забайкалье занимал должности начальника 1-й кавалерийской дивизии, позднее — 1-й Сводной имени атамана Семенова маньчжурской дивизии. В эмиграции в Маньчжурии. Учился на высших медицинских курсах в Харбине, окончил Харбинскую зубоврачебную школу, а также заочный курс Зарубежной военной академии в Париже профессора Н. Н. Головина. В конце 1920-х гг. — руководитель русских чинов железнодорожной полиции. Глава Маньчжурского отдела Корпуса императорской армии и флота, официальный представитель великого князя Кирилла Владимировича на Дальнем Востоке. После создания БРЭМ — начальник 7-го отдела Бюро (Дальневосточного союза военных). Начальник Главного БРЭМ (1938–1943). Умер 18 мая 1944 г. в Харбине.

¹³ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37351. Л. 17.

¹⁴ Цит. по: *Аурилене Е. Е.* Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи // *Белая армия. Белое дело* : ист. науч.-популяр. альм. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 101.

¹⁵ **Шаньдунская военно-инструкторская школа** была создана 1 октября 1925 г. в составе Русской группы войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана и располагалась в г. Цинаньфу. Школа с 18-месячным учебным курсом вела подготовку инструкторов для китайской армии из русской молодежи. 25 октября 1925 г. школа приказом Чжан Цзунчана была переименована в Шаньдунский офицерский инструкторский отряд и получила знаменный флаг. За весь период существования (до конца 1928 г.) школа сделала два выпуска офицеров: 1927 г. — 43 человека, 1928 г. — 17 человек.

¹⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33756. Л. 18, 19.

¹⁷ Там же. Д. 27025. Л. 198.

¹⁸ **Рычков Вениамин Владимирович**, родился в 1870 г. в Тифлисе. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Александровское училище, Академию Генштаба (1899). Служил на Кавказе и в Туркестане. Участник Первой мировой войны, командир 27-го армейского корпуса 12-й армии, генерал-лейтенант. Кавалер золотого Георгиевского оружия. Член Союза защиты Родины и свободы, один из организаторов Ярославского восстания. После взятия Казани частями Самарского Комуча — начальник гарнизона города, командир Казанского армейского корпуса. Позднее главный начальник Тюменского военного округа, главный начальник снабжения Сибирской армии. Отстранен в июле 1919 г. от должности, по его деятельности назначено расследование. В эмиграции в Харбине.

Служил в железнодорожной полиции (1921–1925), давал частные уроки, работал корректором в типографии. Председатель Общества офицеров генерального штаба, Общества выпускников кадетских корпусов. Первый начальник Бюро российских эмигрантов (1934–1935). Умер 22 августа 1935 г. в Харбине.

¹⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39939. Л. 71, 157.

²⁰ **Покровский Александр Николаевич.** Участник Гражданской войны в Сибири, офицер. Окончил Харбинский Юридический факультет. Организатор и руководитель Русской фашистской организации в стенах факультета, организатор Союза национальных синдикатов русских рабочих-фашистов, автор «Основных тезисов Русского фашистского движения». В начале 1930-х гг. разошелся во взглядах на методы работы и политическую ориентацию с К. В. Родзаевским. В середине 30-х гг. был выслан из Маньчжурии, жил в Шанхае, позднее в Южной Америке, где и умер в начале 1970-х гг.

²¹ **Косьмин Владимир Дмитриевич,** родился 5 июля 1884 г. в Курской губернии. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1904), академию Генштаба (1911). Подполковник, начальник штаба 113-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Начальник штаба 1-й Уральской пехотной дивизии, начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, командующий Уральской группой войск. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье — начальник дивизии броневых атамана Семенова поездов, затем генерал для поручений при главнокомандующем всеми вооруженными силами и походном атамане всех казачьих войск Российской восточной окраины. Кавалер ордена св. Георгия 3 ст., генерал-майор. В эмиграции в Китае. Член правления Восточного казачьего союза, глава Российской фашистской партии (1931–1933). Позднее в Тяньцзине — глава Особого отдела железнодорожной полиции, и в Шанхае — шеф прояпонского Общества русских эмигрантов. Умер 25 апреля 1950 г. в Сиднее.

²² **Родзаевский Константин Владимирович,** родился 11 августа 1907 г. в Благовещенске. В 1925 г. выехал в Харбин, учился на Харбинском Юридическом факультете. Активный участник фашистского движения под руководством Покровского. Инициатор создания Российской фашистской партии, генеральный секретарь (1931–1933), в дальнейшем ее несменяемый руководитель. Начальник культурно-просветительного отдела Главного БРЭМ, один из заместителей начальника Бюро на всем протяжении его существования. Арестован органами Смерша в сентябре 1945 г. Осужден на Московском показательном судебном процессе 1946 г.

вместе с атаманом Семеновым и другими лидерами русской эмиграции в Китае. Расстрелян.

²³ Подробнее см.: *Стефан Д.* Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945 / пер. с англ. Л. Ю. Мотылева. М., 1992.

²⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37484. Л. 30.

²⁵ Там же. Д. 35943. Л. 22.

²⁶ Там же. Д. 33401. Л. 11–13; Д. 37483. Л. 29; Д. 39452. Л. 8 об., 9.

²⁷ Там же. Д. 35943. Л. 171–174.

²⁸ См.: *Стефан Д.* Указ. соч. С. 232.

²⁹ **Ильин Николай Николаевич**, родился в 1894 г. Окончил Казанское художественное училище (1912) и Чистопольскую школу прапорщиков (1916). Участник Первой мировой войны, поручик. С июня 1918 г. в составе отряда полковника В. О. Каппеля, затем в 1-м Самарском полку. Участвовал во взятии Казани, в боях под Симбирском и Свияжском. Начальник пулеметной команды охраны Ставки в Омске, участвовал в боях за Оренбург (1919), награжден орденом Св. Владимира 4 ст. Участник Сибирского Ледяного похода, в Забайкалье — командир 1-го Ижевского стрелкового полка, подполковник. Служил в Приморье в Ижевской полку. Арестован в 1945 г., вывезен в СССР.

³⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 42047. Л. 45, 47.

³¹ См.: Луч Азии. Харбин, 1935. № 13. С. 58.

³² См.: Зов казака. Харбин, 1938. С. 55.

³³ **Бакшеев Алексей Проклович**, родился в 1873 г. в пос. Атамановка Читинской губернии. Есаул 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта. Помощник атамана Забайкальского казачьего войска, генерал-майор. Председатель войскового правления Забайкальского казачьего войска, заместитель председателя Земского собора (1922). В эмиграции в Маньчжурии. Член правления Восточного казачьего союза. Начальник Дальневосточного союза казаков (1935–1938). Начальник Главного БРЭМ (1935–1938), начальник Захинганского БРЭМ в Хайларе (1940–1945), командир Захинганского волонтерского казачьего корпуса. Арестован в августе 1945 г. органами Смерша. Осужден Московским показательным судебным процессом в 1946 г. Расстрелян.

³⁴ Ярким примером этого может служить книга секретаря Главного БРЭМ, полковника В. Л. Сергеева «Очерки по истории Белого Движения на Дальнем Востоке» (Харбин, 1937).

³⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40406. Л. 138.

³⁶ Там же. Д. 33415. Л. 33.

³⁷ См.: Луч Азии. 1937. № 4 (32). С. 18–22.

³⁸ См.: Зов казака. С. 57.

³⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33286. Л. 87, 88.

⁴⁰ Там же. Д. 37244. Л. 23, 32; Д. 31517. Л. 30; Д. 42047. Л. 10.

⁴¹ Там же. Д. 33286. Л. 88.

⁴² Там же. Л. 89.

⁴³ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. Т. 1: Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 — декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 36, 37.

⁴⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36664. Л. 42, 43.

⁴⁵ Там же. Д. 37244. Л. 33.

⁴⁶ Цит. по: Балмасов С. С. Указ. соч. С. 431.

⁴⁷ **Заамурский пограничный округ** — территориально-организационная структура военной охраны КВЖД и ее служебного и технического персонала. Округ был создан в 1901 г. на базе Охранной стражи КВЖД. На момент формирования он состоял из 55 рот, 55 сотен, 6 батарей и 25 учебных команд с общей численностью личного состава в 25 тыс. человек. В годы Русско-японской войны части корпуса принимали участие в боевых действиях. После окончания Русско-японской войны в связи с сокращением протяженности КВЖД численность войск Заамурского округа была сокращена. В 1910 г. округ был вновь реорганизован и получил военную организацию. Он включил в себя 6 пеших и 6 конных полков, 4 батареи, саперную роту и другие части. В период Первой мировой войны основная часть войск округа была направлена на юго-западный фронт. Недостаток сил для охраны КВЖД восполнялся организацией ополченческих дружин. Официально охранная стража КВЖД прекратила свое существование в июле 1920 г.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 108, 278.

⁴⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37484. Л. 58.

⁵⁰ Там же. Д. 35937. Л. 21.

⁵¹ Там же. Д. 37383. Л. 15, 16.

⁵² Там же. Д. 35937. Л. 23–25.

⁵³ Там же. Д. 33401. Л. 17, 18.

⁵⁴ Известно, что Н. Б. Косов происходил из семьи строителей КВЖД, обучался в Харбинском коммерческом училище, позднее окончил Мукденское военное училище (школу?) и военно-училищные курсы Дальневосточного союза военных.

⁵⁵ См.: Луч Азии. 1935. № 13. С. 10.

⁵⁶ **Шанхайский русский волонтерский полк** — первоначально как Русский отряд Шанхайского волонтерского корпуса был сформирован при непосредственном участии генерал-лейтенанта Ф. Л. Глебова в январе 1927 г. Целью его создания являлась необходимость привлечения русских эмигрантов для охраны объектов иностранных концессий в период борьбы прокоммунистически настроенных китайцев против иностранного влияния и войны между Северным и Южным Китаем. Основу отряда составили чины Дальневосточной казачьей группы в количестве 40 человек. Весной 1927 г. численность отряда выросла до 300 человек, позднее была несколько сокращена. С июля 1928 г. отряд был переименован в Отдельный русский отряд Шанхайского волонтерского корпуса. В начале 30-х гг. в условиях разрастающегося японо-китайского конфликта численность охранных структур иностранных концессий Шанхая заметно выросла. В феврале 1932 г. русский отряд был реформирован в Шанхайский русский волонтерский полк 4-го ротного состава численностью до 400 человек. Командирами Русского отряда являлись капитан 1-го ранга Н. Г. Фомин, затем полковник Г. Г. Тиме, полковник С. Д. Иванов. В декабре 1943 г. Русский волонтерский полк был преобразован в 4-й отряд общеполицейского корпуса Шанхая.

⁵⁷ См.: *Наумов С. В.* Наш старейший читатель: (К 95-летию В. Е. Гольцова) // *Донские казаки в борьбе с большевиками.* Подольск, 2011. № 6. С. 52.

⁵⁸ **Воцилло Иван Арефович** служил в белых войсках Восточного фронта, последний чин — подьесаул. В середине 1920-х гг. находился в Русской группе войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана.

⁵⁹ **Дегтев Пантелеймон Арефович**, родился в 1894 г. в г. Вязники Владимирской губернии. Служил в Семеновском гвардейском полку. Окончил 2-ю Московскую пехотную школу (1917), прапорщик. Служил в белых войсках Восточного фронта, 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк. Участник Сибирского Ледяного и Хабаровского походов. В эмиграции в Маньчжурии. Служил в полицейском отряде станции Пограничная (1933–1938), 3-м отделе Главного БРЭМ (1938–1940), японском отряде 345 (1940–1945). Арестован в 1945 г. и вывезен на территорию СССР, умер в лагере.

⁶⁰ **Скидельские** — одна из наиболее успешных и богатых еврейских семей «русской Маньчжурии». Основатель семьи Л. С. Скидельский прибыл на Дальний Восток в конце XIX в., будучи человеком бедным. Благодаря природному уму и высокой деловой активности стал заниматься лесными и угольными концессиями на восточной линии КВЖД.

Крупнейшим предприятием его являлись Чжалайнорские угольные копи. Еще до революции Скидельский открыл в Лондоне отделение своей фирмы под управлением старшего сына Якова. Считался инициатором взятия российским правительством лесной концессии на реке Ялу и в Корее, ускорившей начало Русско-японской войны. Говорили, что на русском Дальнем Востоке три хозяина: Скидельский, Хорват (управляющий КВЖД) и Гондатти (губернатор Приамурской области). В дальнейшем большая часть семьи Скидельских переехала в Англию.

⁶¹ *Лешко О.* Русские в Маньчжуге. Шанхай, 1937. С. 125.

⁶² Там же. С. 126.

⁶³ См.: Луч Азии. 1937. № 8 (36). С. 38.

⁶⁴ **Национальная организация русских разведчиков (НОРР)** выделилась из организации русских скаутов в 1928 г. под руководством полковника П. Н. Богдановича. Центром НОРР являлся Париж. Первый отряд русских разведчиков в Харбине возник в 1929 г., первоначально его возглавлял подпоручик Б. А. Березовский, позднее — Ю. Н. Лукин. По-настоящему активная деятельность НОРР, позиционировавшей свою принадлежность к монархическому движению, развернулась после создания Маньчжоу-го. С 1933 г. во главе Маньчжурского отдела НОРР встал подполковник А. П. Зеленой, были сформированы три районных отделения — восточный, западный и южный, соответствовавшие линиям КВЖД. Штаб отдела располагался в Харбине. В общей сложности Маньчжурский отдел НОРР состоял из 12 бригад, делившихся на отряды и звенья. По некоторым сведениям, численность разведчиков доходила до 1,5 тыс. человек. В 1938 г. НОРР наряду с другими монархическими организациями был включен в состав Монархического объединения.

⁶⁵ См.: *Лукин Ю. Н.* Краткий очерк истории, состоящей под покровительством Е. И. В. Великой Княгини Ксении Александровны, Национальной Организации Русских Разведчиков. Харбин, 1936. С. 14.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 24. Л. 114.

⁶⁷ Цит. по: *Балмасов С. С.* Указ. соч. С. 467.

⁶⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39452. Л. 11.

⁶⁹ И. И. Якуш служил в отряде Асано до 1942 г., а затем был переведен на службу в харбинскую ЯВМ.

⁷⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40291. Л. 34.

⁷¹ В июне 1938 г. ДВСВ, вошел в состав Монархического объединения, включившего в себя также Союз казаков Восточной Азии, НОРР, Союз мушкетеров и литературно-художественный кружок им. Августейшего поэта К. Р.

⁷² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33744. Л. 12; Д. 36696. Л. 15.

⁷³ Там же. Д. 33744. Л. 13.

⁷⁴ Точнее, это были не гранатометы, а взводные минометы, имевшие очень простую конструкцию. Такой миномет состоял из трубы, штыря и опорной плиты. Верхняя часть штыря крепилась к казеннику ствола, а нижняя — к прямоугольной опорной плите. При стрельбе солдат наклонял ствол миномета под углом в 45 градусов к горизонту и упирал его плитой в грунт. Вес и габариты 50-мм миномета позволяли носить его на бедре, как самурайский меч.

⁷⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18079. Л. 12.

⁷⁶ Там же. Д. 33744. Л. 15, 16.

⁷⁷ Там же. Д. 33169. Л. 24.

⁷⁸ *Широкопад А. Б.* Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М., 2004. С. 283, 284.

⁷⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39452. Л. 28.

⁸⁰ Там же. Д. 33252. Л. 51.

⁸¹ Там же. Д. 33415. Л. 16.

⁸² Там же. Д. 33998. Л. 20.

⁸³ Там же. Д. 33415. Л. 15.

⁸⁴ Там же. Д. 33580. Л. 43; Д. 36938. Л. 28.

⁸⁵ Там же. Д. 33415. Л. 20.

⁸⁶ Там же. Д. 37428. Л. 18; Д. 33572. Л. 23.

⁸⁷ Там же. Д. 33297. Л. 18.

⁸⁸ Там же. Д. 18079. Л. 12.

⁸⁹ Там же. Д. 35838. Л. 20; Д. 33492. Л. 71, 72, 74, 75.

⁹⁰ Там же. Д. 33580. Л. 10.

⁹¹ Там же. Д. 45945. Л. 31.

⁹² Там же. Д. 41035. Л. 49.

⁹³ Там же. Д. 33580. Л. 11.

⁹⁴ Там же. Д. 36986. Л. 18.

⁹⁵ Там же. Д. 33755. Л. 12; Д. 33744. Л. 102 об.

⁹⁶ Там же. Д. 40291. Л. 26; Д. 33169. Л. 13.

⁹⁷ **Гармаев Уржин**, родился в 1889 г. в бурятской крестьянской семье в местечке Тогото Красноярского уезда Забайкальской области. Учился в Читинском городском училище (до 1912 г.). Сдал экстерном экзамен на звание народного учителя. Окончил специальную школу по подготовке офицерских кадров из национальных частей при штабе атамана Семенова (12.1918–04.1919), служил в интендантском отделе 1-го бурят-монгольского полка, а затем офицером для поручений в военном

отделе Бурят-Монгольской думы. В декабре 1919 г. прикомандирован к штабу отдельного кавалерийского дивизиона имени генерала Крымова (г. Троицко-Савск), которому было поручено вторгнуться в северные районы Монголии, однако дивизион был разбит советскими войсками. После чего Гармаев скрывался во Внешней Монголии, затем перебрался в свое родное кочевье и уже в июне 1920 г. вместе со своей семьей окончательно покинул советскую территорию и поселился в Шэнэжэнском хошуне Хулун-Буирского округа, где стал заниматься скотоводством. С 1927 г. выборный угурдай (управитель) хошуна. В 1928 г. по указанию китайских властей создал вооруженный бурятский отряд, который оказал помощь китайским войскам в подавлении восстания, охватившего в августе часть Халхи и Баргу. В феврале 1933 г. Гармаев по поручению властей формирует бурят-монгольские части (два кавалерийских полка и рота железнодорожной охраны) в Северо-Хинганской провинции Маньчжоу-Го и становится командующим охранными войсками в чине полковника. С 1934 г. части Гармаева участвуют в охране границы с СССР и МНР, и охране КВЖД до Хайлара. В 1934 г. Гармаеву присваивается звание генерал-майора, а в 1938 г. — генерал-лейтенанта армии Маньчжоу-го. В июне 1939 г. войска Гармаева, сведенные в Хинганский северный охранный отряд, принимают участие совместно с японскими частями в боях у Халхин-Гола, где несут большие потери. В 1940–1944 гг. Гармаев является командующий 10-м военным округом Маньчжурской империи, дислоцирующимся на территории Северо-Хинганской и Восточно-Хинганской провинции, центр — Хайлар. С декабря 1944 г. — начальник военного училища в городе Ваньмяо. В августе 1945 г. во главе своего курсантского полка участвовал в боях с частями 5-го гвардейского корпуса 39-й армии Забайкальского фронта, оказав упорное сопротивление под Ваньмяо. 31 августа 1945 г. добровольно сдался советским оккупационным властям в г. Чанчунь, доставлен в Москву. 1 марта 1947 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила У. Гармаева к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 13 марта в Москве.

⁹⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20479. Л. 13; Д. 40686. Л. 13 об., 14.

⁹⁹ **Натаров Михаил Александрович**, родился в 1918 г. в Харбине. В шесть лет остался сиротой. Окончил 1-е Харбинское русское реальное училище, радиотехнические курсы и ВПУ. Являлся членом Союза мушкетеров. До зачисления в отряд Асано служил в одном из отрядов горнолесной полиции. Посмертно награжден орденом Букасе.

¹⁰⁰ См.: Луч Азии. 1939. № 8 (60). С. 1.

¹⁰¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20479. Л. 13.

¹⁰² ГААОСО. Д. 33570. Л. 84; Д. 40262. Л. 63.

¹⁰³ См.: *Балмасов С. С.* Указ. соч. С. 466, 467; *Окороков А. В.* Русские добровольцы. Неизвестные войны XIX–XX вв. М., 2004. С. 196, 197; *Стефан Д.* Указ. соч. С. 235; *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007. С. 335, 336.

¹⁰⁴ Друг полиции: Ежемесячное издание «Союза полиции Маньчжу-Ди-Го». Харбин, 1939. № 9. С. 14, 15.

¹⁰⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40262. Л. 22.

¹⁰⁶ Там же. Д. 33492. Л. 5–26.

¹⁰⁷ Зарубежный казак. Харбин, 1940. Сент. С. 26, 27.

¹⁰⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36992. Л. 10, 10 об.

¹⁰⁹ Там же. Д. 35507. Л. 40.

¹¹⁰ Из письма начальника Муданьцзянской ЯВМ подведомственным подразделениям от октября 1942 г.

¹¹¹ *Павлов М. И.* Воспоминания // Озерлаг: как это было / сост. и авт. предисл. Л. С. Мухин. Иркутск, 1992. С. 205, 206.

¹¹² *Берзин Г. П.* Мой СМУ // Русская Атлантида. Челябинск, 2000. № 4. С. 52.

¹¹³ См.: *Санников В.* Под знаком Восходящего Солнца в Маньчжурии: Воспоминания. Сидней, 1990. С. 85, 98, 99.

¹¹⁴ Краткие сведения из уставов для обучения молодых казаков. Б. м., б. г. С. 1.

¹¹⁵ Зарубежный казак. 1940. Сент. С. 27.

¹¹⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18472. Л. 42; Д. 41035. Л. 21 об.

¹¹⁷ Там же. Д. 41035. Л. 21.

¹¹⁸ Там же. Д. 37624. Л. 17.

¹¹⁹ Там же. Д. 33415. Л. 33; Д. 33444. Л. 25.

¹²⁰ Там же. Д. 40291. Л. 26; Д. 33444. Л. 25; Д. 35880. Л. 38.

¹²¹ Там же. Д. 33519. Л. 8, 9, 16, 17.

¹²² См.: *Горбунов Е. А.* Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С. 446.

¹²³ Еще в 1920-е гг. японским Генштабом был разработан стратегический план войны против СССР, известный под названием «Оцу». План этот постоянно корректировался в связи с изменением военно-политической обстановки на Дальнем Востоке.

¹²⁴ *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 144.

¹²⁵ Там же. С. 147.

¹²⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 29450. Л. 122.

¹²⁷ ГААОСО. Д. 36813. Л. 3 об.

¹²⁸ Там же. Д. 33169. Л. 27.

¹²⁹ Там же. Д. 35507. Л. 40.

¹³⁰ Там же. Д. 35937. Л. 26.

¹³¹ Там же. Д. 36938. Л. 28.

¹³² Там же. Д. 36938. Л. 19; Д. 33490. Л. 22.

¹³³ Там же. Д. 18472. Л. 16.

¹³⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. Т. 2, кн. 1: Начало (22 июня — 31 августа 1941 г.). М., 2000. С. 347.

¹³⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18472. Л. 16.

¹³⁶ Там же. Д. 40291. Л. 27.

¹³⁷ Там же. Д. 36938. Л. 20 об.

¹³⁸ Там же. Л. 12, 21.

¹³⁹ Там же. Д. 36074. Л. 40.

¹⁴⁰ См.: Балмасов С. С. Указ. соч. С. 451.

¹⁴¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34780. Л. 9.

¹⁴² Там же. Д. 39955. Л. 20 об.

¹⁴³ Там же. Д. 36813. Л. 4 об.

¹⁴⁴ В том же 1942 г. корнет Джакелли в связи с болезнью был уволен в резерв и жил в дальнейшем на станции Яблоня восточной линии СМЖД.

¹⁴⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33572. Л. 21.

¹⁴⁶ Там же. Д. 33196. Л. 30.

¹⁴⁷ Там же. Д. 18472. Л. 14, 15.

¹⁴⁸ Там же. Д. 36813. Л. 5.

¹⁴⁹ Там же. Л. 5.

¹⁵⁰ Там же. Д. 33196. Л. 45.

¹⁵¹ Там же. Д. 39955. Л. 51.

¹⁵² Там же. Д. 35880. Л. 41.

¹⁵³ Там же. Л. 41–43, 49.

¹⁵⁴ Там же. Д. 20297. Л. 10, 11, 21; Д. 35880. Л. 45.

¹⁵⁵ Там же. Д. 33415. Л. 27; Д. 39955. Л. 51, 52.

¹⁵⁶ Там же. Д. 33169. Л. 14.

¹⁵⁷ Там же. Д. 36930. Л. 52.

¹⁵⁸ Там же. Д. 35937. Л. 27.

¹⁵⁹ Там же. Д. 39936. Л. 14, 59.

¹⁶⁰ См.: На границе. Пограничная, 1937. 28 февр. С. 3.

¹⁶¹ Ильинский Алексей Александрович, родился в 1899 г. Окончил Уфимскую гимназию (1917). Добровольцем ушел на фронт, 487-й

Бобровский стрелковый полк. Учился в 1-м Юнкерском военном училище в Киеве, не окончил. С июля 1918 г. в белых войсках Восточного фронта, юнкер, прапорщик конного отряда полковника Щеголихина 8-й Камской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода, подпоручик. Арестован органами Смерша в 1945 г., умер в исправительно-трудовом лагере после 1948 г.

¹⁶² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37484. Л. 66.

¹⁶³ Там же. Д. 37703. Л. 9; Д. 35368. Л. 12–15; Д. 33278. Л. 24–27, 111–117.

¹⁶⁴ Там же. Д. 33765. Л. 21.

¹⁶⁵ **Трофимов Сергей Григорьевич**, родился в 1897 г. Окончил курсы прапорщиков Казанского военного училища (1915), служил в 108-м запасном пехотном полку. Участвовал в Первой мировой войне, начальник пулеметной команды 22-го Нижегородского пехотного полка (1917), поручик. С августа 1918 г. в составе 8-го Ирбитского стрелкового полка, командир взвода, позднее начальник пулеметной команды бронепоезда. Участник Сибирского Ледяного похода. Служил в Забайкалье (1920), командир бронепоезда, штабс-капитан. Арестован органами Смерша в 1945 г., умер в Восточно-уральском лагере (станция Азанка) 26 марта 1946 г.

¹⁶⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39580 н/д. Л. 8 об.; Д. 33392. Л. 9.

¹⁶⁷ Там же. Д. 33744. Л. 118.

¹⁶⁸ Там же. Л. 118, 119.

¹⁶⁹ Там же. Д. 32506. Л. 19–24.

¹⁷⁰ Там же. Д. 36556. Л. 20–24; Д. 33436. Л. 18–20; Д. 35908. Л. 18, 19.

¹⁷¹ См.: Он жил среди нас // Русские в Китае. Екатеринбург, 1999.

№ 18. С. 14–17.

¹⁷² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36697. Л. 19–25.

¹⁷³ Там же. Д. 40150. Л. 134; Д. 32836. Л. 23, 24.

¹⁷⁴ Там же. Д. 36910. Л. 35; Д. 37097. Л. 20, 21.

¹⁷⁵ Там же. Д. 33730. Л. 15.

¹⁷⁶ *Перминов В. В.* Пешковский отряд: создание и гибель // Русская Атлантида. Челябинск, 2011. С. 20.

¹⁷⁷ *Санников В.* Указ. соч. С. 88.

¹⁷⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37056. Л. 15.

¹⁷⁹ Казачья эмиграция в Маньчжурии 1920–1945 гг.: Обзор источников и литературы [Электронный ресурс] // Предыстория — общенациональный историко-культурный сервер : [сайт]. URL: <http://www.predistoria>.

org/index.php?name=Forums&file=viewtopic&p=37084 (дата обращения: 23.10.2009).

¹⁸⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31920. Л. 79.

¹⁸¹ Там же. Д. 40406. Л. 15–22; Д. 32506. Л. 14–39.

¹⁸² Там же. Д. 32506. Л. 18; Д. 36546. Л. 9.

¹⁸³ Там же. Д. 32506. Л. 18; Д. 10079. Л. 16.

¹⁸⁴ Там же. Д. 32506. Л. 18.

¹⁸⁵ Там же. Д. 32721. Л. 20; Д. 35753. Л. 27; Д. 33391. Л. 37.

¹⁸⁶ Там же. Д. 33391. Л. 50, 51.

¹⁸⁷ Там же. Д. 35753. Л. 22.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. Д. 33090. Л. 19.

¹⁹⁰ Там же. Д. 18079. Л. 14.

¹⁹¹ Согласно сведениям, приводимым В. В. Перминовым, И. И. Зыков после увольнения из отряда держал постоянный двор в местечке Шаратала, недалеко от Хайлара, в котором жила его семья. Осенью 1945 г. он был арестован Смершем и расстрелян (см.: *Перминов В. В.* Указ. соч. С. 16–23).

¹⁹² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32506. Л. 27.

¹⁹³ См.: *Мельников П. И.* В Маньчжурском походе [Электронный ресурс] // Военная литература : [сайт]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/melnikov_pi/index.html (дата обращения: 18.09.2011).

¹⁹⁴ **Камимура Морно**, родился в 1917 г. В 1941–1943 гг. работал помощником начальника 3-го отделения харбинской ЯВМ, занимавшегося обучением русской молодежи военному делу. В августе 1943 г. переведен на станцию Ханьдаохэцзы в качестве инспектора отряда Асаёко и Учебной команды горно-лесной полиции, а с ноября 1944 г. одновременно занимает пост начальника отделения ЯВМ на этой станции. 1 июля 1945 г. Камимура назначен вторым помощником начальника мунданьцзянской ЯВМ. Попал в плен к советским частям в августе 1945 г. Умер 26 февраля 1946 г. в одном из советских лагерей.

¹⁹⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 30945. Л. 17.

¹⁹⁶ Там же. Д. 33572. Л. 38.

¹⁹⁷ Луч Азии. 1943. № 11 (110). С. 56.

¹⁹⁸ См.: Там же. 1944. № 2 (113). С. 27, 28.

¹⁹⁹ *Катенин В. В.* Воспоминания [Электронный ресурс] // Красноярское общество Мемориал : [сайт]. URL: <http://memorial.krsk.ru/index1.htm> (дата обращения: 04.06.2007).

²⁰⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33701. Л. 9.

- ²⁰¹ ГААОСО. Д. 35943. Л. 171–174.
- ²⁰² Там же. Д. 33701. Л. 119.
- ²⁰³ Там же. Д. 40686. Л. 13 об.
- ²⁰⁴ Там же. Д. 20479. Л. 10, 11.
- ²⁰⁵ Там же. Д. 33252. Л. 11.
- ²⁰⁶ Там же. Д. 33778. Л. 21 об.; Д. 35753. Л. 33–35, 38, 41–45; Д. 31920. Л. 79.
- ²⁰⁷ Там же. Д. 33695. Л. 119, 120.
- ²⁰⁸ Там же. Д. 36016. Л. 12 об., 13; Д. 35091. Л. 82.
- ²⁰⁹ Там же. Д. 39936. Л. 14, 30, 31.
- ²¹⁰ Там же. Д. 32860. Л. 13.
- ²¹¹ Там же. Д. 36668. Л. 51, 54.
- ²¹² Там же. Д. 36930. Л. 53.
- ²¹³ См.: *Балмасов С. С.* Указ. соч. С. 478.
- ²¹⁴ *Окороков А. В.* Указ. соч. С. 201.
- ²¹⁵ Неизвестно, имели ли такие же знаки Ханьдаохэцзийский и Хайларский отряды. Но есть сведения, что пепковцы в 1945 г. носили на рукаве особую отличительную повязку (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37190. Л. 8).
- ²¹⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33492. Л. 71.
- ²¹⁷ Там же. Д. 33580. Л. 10, 11.
- ²¹⁸ Там же. Д. 34942. Л. 12.
- ²¹⁹ Там же. Д. 37428. Л. 20.
- ²²⁰ Там же. Д. 28108. Л. 70.
- ²²¹ Там же. Д. 48428. Л. 35, 36.
- ²²² Там же. Д. 34780. Л. 12 об.; Д. 18472. Л. 11.
- ²²³ Там же. Д. 32721. Л. 18.
- ²²⁴ Там же. Д. 33703. Л. 12.
- ²²⁵ Там же. Д. 32721. Л. 15; Д. 37190. Л. 12 об.
- ²²⁶ Там же. Д. 33391. Л. 42.
- ²²⁷ См.: *Огневский А.* Русский патриот Яков Смирнов // Ежедневные новости. Владивосток, 2002. 20 дек.; *Петрушин А. А.* «Мы не знаем пощады...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК — ГПУ — НКВД — КГБ. Тюмень, 1999. С. 102.
- ²²⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31517. Л. 84; Д. 31876. Л. 47.
- ²²⁹ Там же. Д. 35753. Л. 45, 46.
- ²³⁰ Согласно воспоминаниям некоторых русских эмигрантов полковник Н. Б. Косов встретил свою старость и скончался в Австралии.

- ²³¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33169. Л. 58.
- ²³² См.: *Петрушин А. А.* Указ. соч. С. 105.
- ²³³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33528. Л. 19 об.
- ²³⁴ Там же. Д. 35936. Л. 79 об.
- ²³⁵ Там же. Д. 33490. Л. 79.
- ²³⁶ Там же. Д. 28108. Л. 71.
- ²³⁷ *Зайнитдинов Е.* Станция Аньда // На сопках Маньчжурии. Новосибирск, 1994. № 9. С. 2.
- ²³⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33703. Л. 12 об.; Д. 34942. Л. 14.
- ²³⁹ Там же. Д. 33278. Л. 9 об.
- ²⁴⁰ См.: *Балмасов С. С.* Указ. соч. С. 482.
- ²⁴¹ См.: Читатель «Первопоходника»: Заметки к статье А. Ф. Долгополова «Трагедия Трехречья» // Вестник первопоходника. Летопись Белой борьбы. 1976. № 33.
- ²⁴² См.: *Аблажей Н. Н.* С востока на восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. Вкладка; Русские в Китае. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 4.
- ²⁴³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32506. Л. 20.
- ²⁴⁴ Там же. Д. 36930. Л. 54; Д. 35625. Л. 55.
- ²⁴⁵ По одной из версий, полковник П. М. Портнягин после окончания боевых действий в Маньчжурии был арестован Смершем и расстрелян.
- ²⁴⁶ См.: *Белокрылов И. В.* Трагедия отряда // Русские в Китае. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 5; *Перминов В. В.* Указ. соч. С. 21.
- ²⁴⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 3242. Л. 14.
- ²⁴⁸ См.: *Белокрылов И.* Указ. соч. С. 5; *Перминов В. В.* Указ. соч. С. 21–23.
- ²⁴⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35937. Л. 106.
- ²⁵⁰ См.: *Сибiryakov Н. С.* Конец Забайкальского Казачьего Войска // Минувшее : ист. альм. М., 1990. № 1. С. 227.
- ²⁵¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33572. Л. 20; Д. 33615. Л. 40.
- ²⁵² Цит. по: Казачья эмиграция в Маньчжурии 1920–1945 гг. : Обзор источников и литературы [Электронный ресурс] // Предыстория — общенациональный историко-культурный сервер : [сайт]. URL: <http://www.predistoria.org/index.php?name=Forums&file=viewtopic&p=37084> (дата обращения: 23.10.2009).

Карта Маньчжурии

(Послать нижеуказанному лицу)

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 5

Имя, отчество, фамилия Саравин
Васильевич Вильямович, Чл.

Проживающий Сыктывкар, ул. Кавказская, 331.

Признан годным для несения службы в отряде Асано и должен прибыть на сборный пункт (Указан ниже) в нижеуказанное время.

Кан-Дэ 9 года 8 мес 8 чис

本柳田下川

Начальник военной миссии в Якутске

1. Время явки	Кан-Дэ <u>9</u> года <u>8</u> мес <u>8</u> чис.
2. Место сбора	<u>Якутск</u> Отд. Бюро Эмигрантов

Удостоверение призванного русского воинского отряда.
Из коллекций ГААОСО

Свидетельство об окончании курса военной подготовки
в Хайларском полицейском казачьем отряде.
Из коллекций ГААОСО

**Полковник Н. Б. Косов, офицер
штаба отряда Асано
в 1938–1939 гг.**

**Полковник Я. Я. Смирнов,
командир Сунгарийского РВО
в 1944–1945 гг.**

Поручик Ю. Е. Витвицкий. 1937 г.

Ротмистр Н. В. Рычков.
1935 г.

Прапорщик А. В. Павлов. 1935 г.
Фото из коллекций ГААОСО

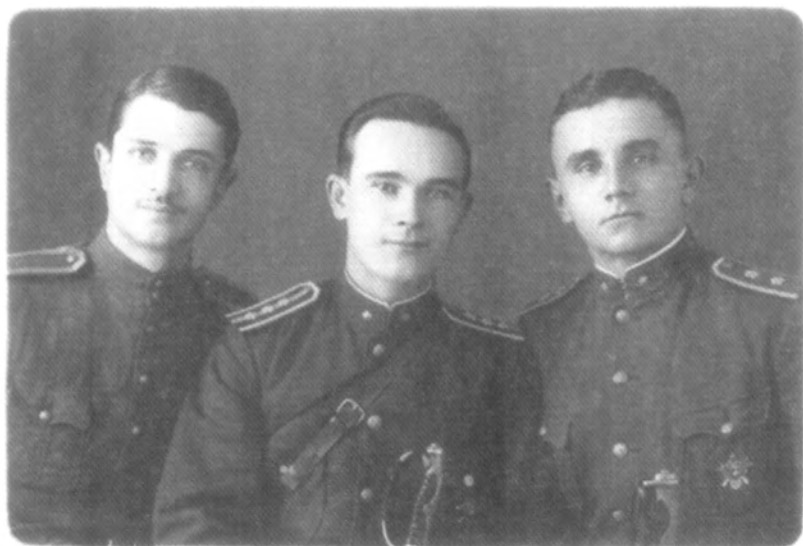
Фельдфебель
П. Г. Литвинцев. 1945 г.
Фото из коллекций ГААОСО

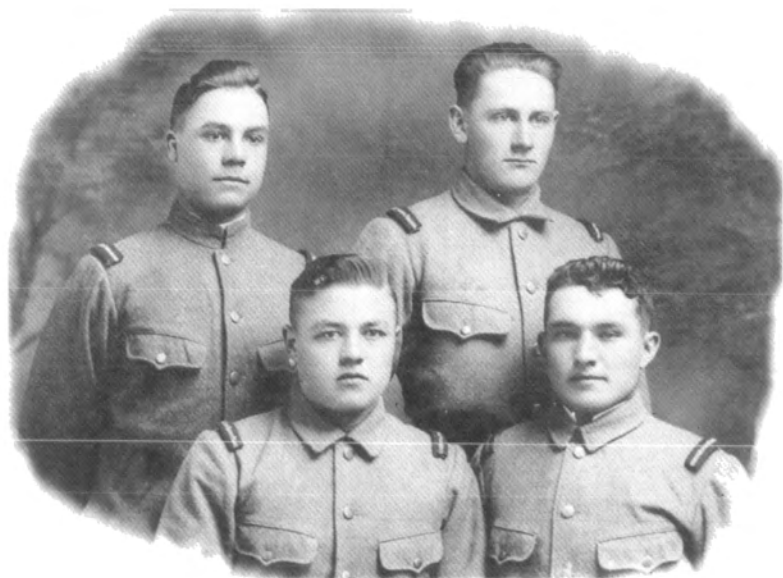
Корнет И. К. Парыгин.
1945 г. Фото из коллекций ГААОСО

Казак Л. Машаров,
военнослужащий Хайларского отряда.
1943 г. Фото из коллекций ГААОСО

Русские полицейские, выпускники Ханьдаохэцзйского
военно-полицейского училища. Фото из коллекций ГААОСО

Военнослужащие отряда Асано. Пос. Шанчай, начало 1943 г.
Фото из коллекций ГААОСО

Военнослужащие отряда Асано у казармы. Ст. Сунгари-Вторая.
Фото из коллекций ГААОСО

Военнослужащие отряда Асано Г. Я. Коваленко и Галай.
Надпись на обороте: «1-го Декабря 1941 год. Ст. Сунгари-
Вторая. Отряд Асано. На память о мне, моей службе и
моей тоске. Ваш Г. Коваленко».
Фото из коллекций ГААОСО

**Курсант юнкерского училища
отряда Асано Г. Я. Коваленко.
Фото из коллекций ГААОСО**

Дежурный по эскадрону младший
унтер-офицер Б. Н. Плотников. 1944 г.
Фото из коллекций ГААОСО

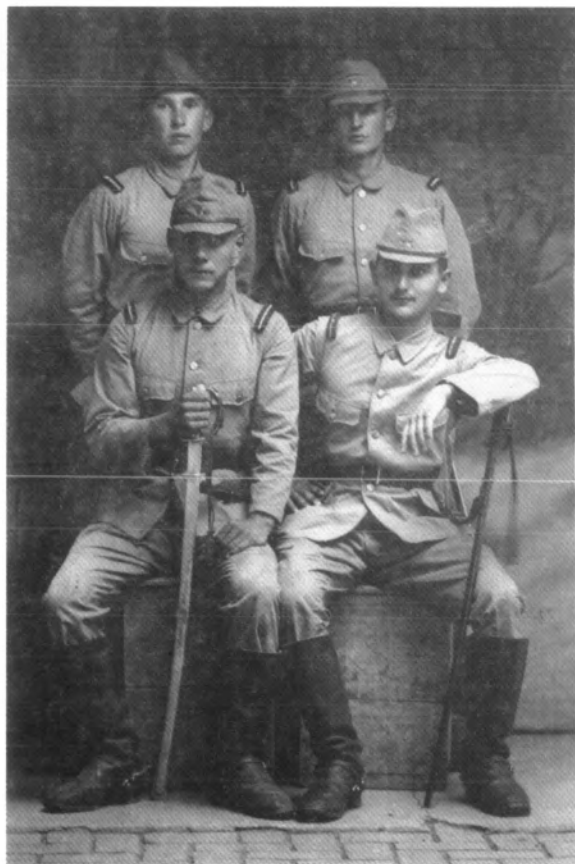
Группа военнослужащих отряда Асано. 1944 г.
Фото из коллекций ГААОСО

Военнослужащие отряда Асано в увольнении в пос. Шанчай. 1944 г.
Фото из коллекций ГААОСО

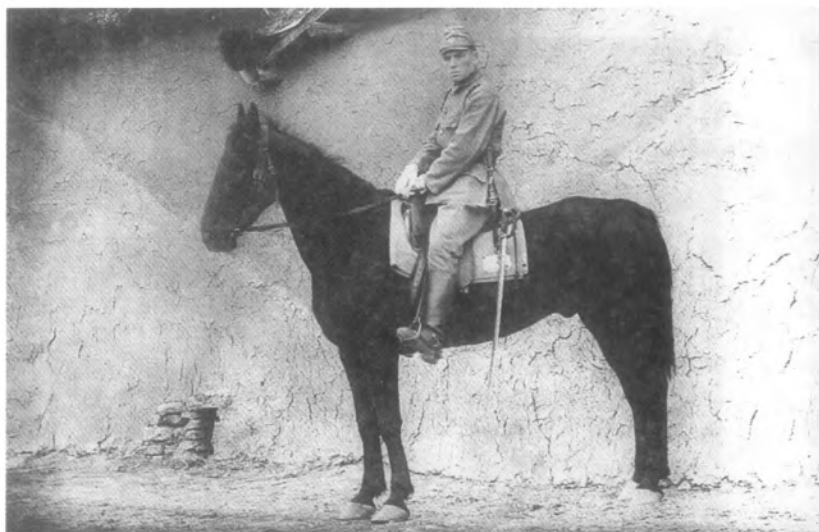

Группа военнослужащих отряда Асано.
1944 г. Фото из коллекций ГААОСО

Курсанты юнкерского училища отряда Асано.
Слева направо сидят: Б. А. Зимин, боец отряда,
стоят: А. Д. Гречкин, Г. Я. Коваленко.

Надпись на обороте: «Ст. Сунгари-Вторая.
Отряд Асано. 14 августа 1943 года. На память
о школе и друзьях». Фото из коллекций ГААОСО

**Старший ефрейтор И. Н. Дурновцев. Надпись на обороте:
«Посмотрите на своего защитника Родины и его боевого друга
Ворона за № 477. Снимался 12 октября 1944 г.».
Фото из коллекций ГААОСО**

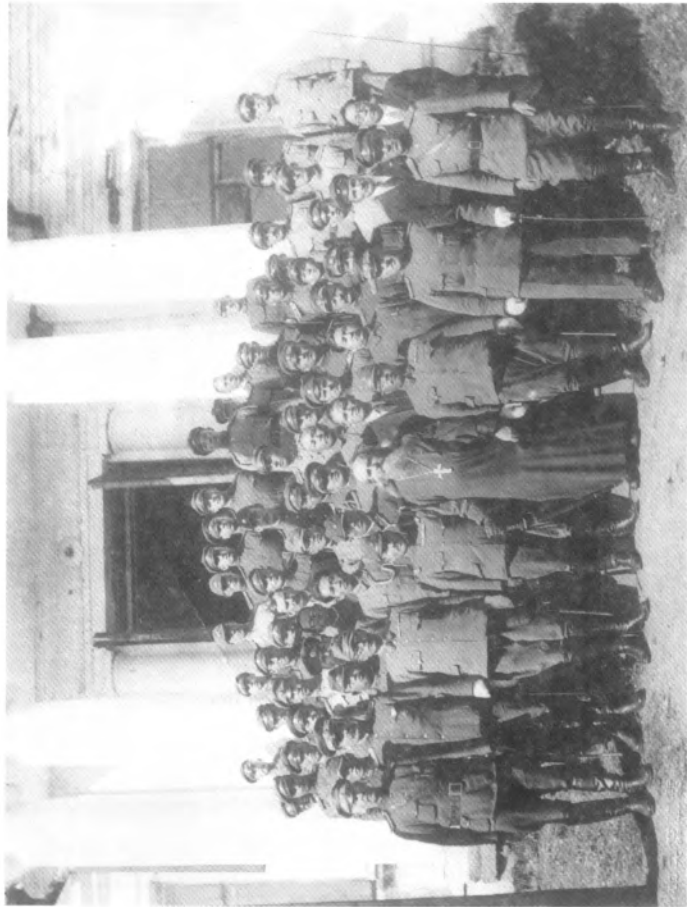
Курсант Г. Я. Коваленко. Из коллекций ГААОСО

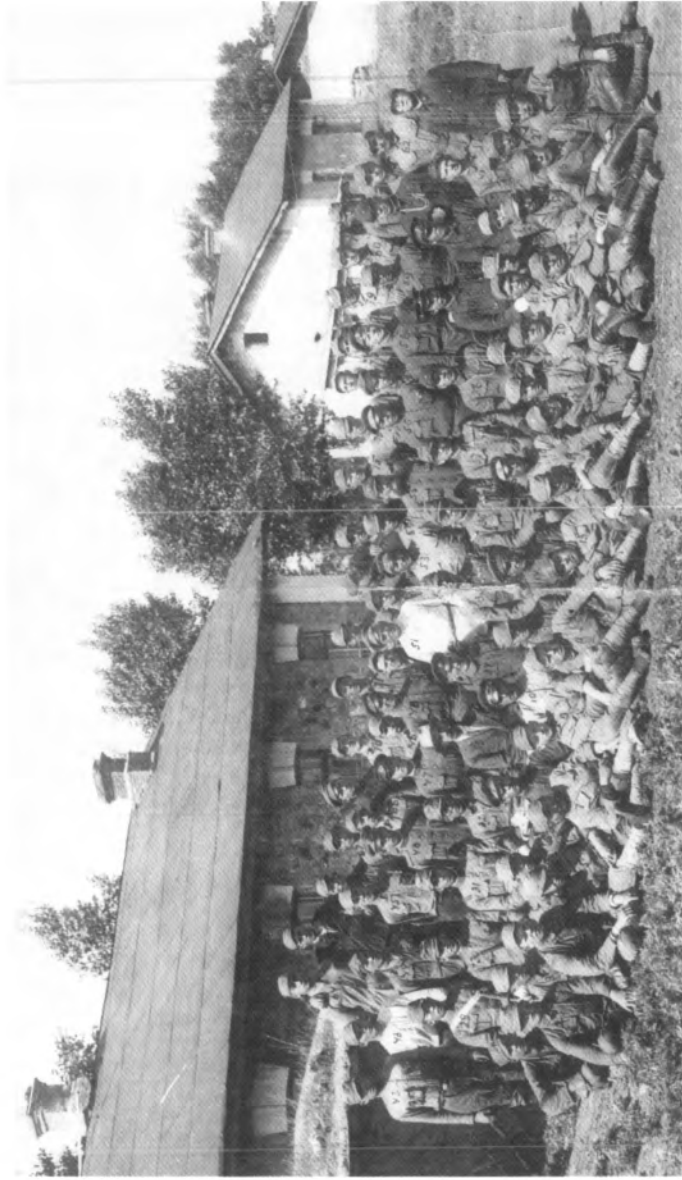
Старший ефрейтор
М. З. Микулович.
Из коллекций ГААОСО

Бойцы эскадрона ротмистра Мустафина
в охранном отряде станции Аньда в советской
форме и с советским оружием. Август 1945 г.
Фото из коллекций ГААОСО

Десятый выпуск Ханьдаохэцзюйского военно-полицейского училища.
Стоят в первом ряду слева направо: второй – младший курсовой офицер
Н. А. Ядыкин, сельмой – младший курсовой офицер К. П. Агеев. 1940 г.
Фото из коллекций ГААОСО

Курсы военной подготовки Киевкай на станции Хакэ. Сидят в третьем ряду слева направо:
третий – капитан Сайто, офицер отряда Асано; шестой – генерал А. П. Бакшеев; седьмой –
начальник Хайларской ЯВМ полковник Таки; восьмой – генерал У. Гармаев. Лето 1941 г.

Фото из коллекций ГААОСО

Командиры и бойцы отряда Асано во время 1-го Амурского похода, местечко Чигодян. В первом ряду слева направо сидят: первый – вахмистр Г. В. Ефимов; второй – корнет В. Н. Мустафин; четвертый – капитан Идзима, командир походного отряда; пятый – капитан Вада, военврач; шестой – корнет В. В. Тырсин.
Весна 1942 г. Фото из коллекций ГААОСО

Оглавление

Судьба асановца. Вместо предисловия.....	3
Глава 1. Предыстория русских воинских отрядов	8
Глава 2. Формирование отряда Асано.....	28
Глава 3. Отряд Асано (1938 — июнь 1941 г.).....	42
Глава 4. Сунгарийский отряд (июль 1941 — декабрь 1943 г.).....	63
Глава 5. Ханьдаохэцзийский и Хайларский отряды (июль 1941 — декабрь 1943 г.).....	81
Глава 6. Русские воинские отряды армии Маньчжоу-го (1944 — июль 1945 г.).....	97
Глава 7. Август 1945 г.....	116
Заключение	136
Примечания	138

Научное издание

Смирнов Сергей Викторович

ОТРЯД АСАНО

**Русские воинские формирования
в Маньчжоу-го**

1938–1945

Заведующий редакцией *М. А. Овечкина*
Редактор *Т. А. Федорова*
Корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Н. Ю. Михайлов*

План выпуска 2012 г. Подписано в печать 20.06.2012.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 8,2. Усл. печ. л. 9,07. Тираж 70 экз. Заказ № 1399.

Издательство Уральского университета
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13

Факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press.info@usu.ru

ISBN 978-5-7996-0718-0

9 785799 607180